

ШАРЛЬ ПЕРРО

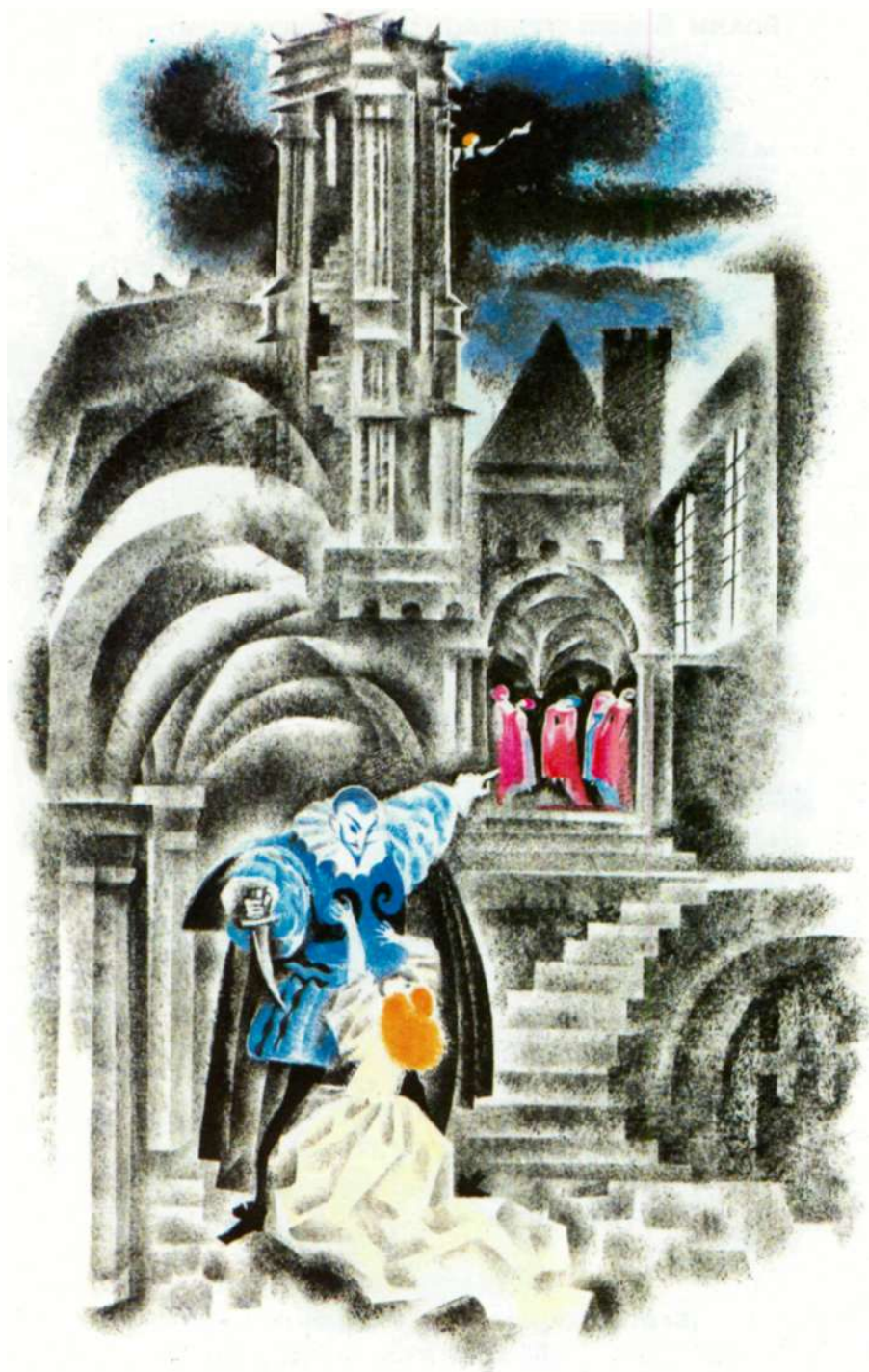
СКАЗКИ
МАТУШКИ
ГУСЫНИ,

ИЛИ
ИСТОРИИ И СКАЗКИ
БЫЛЫХ ВРЕМЕН
С ПОУЧЕНИЯМИ

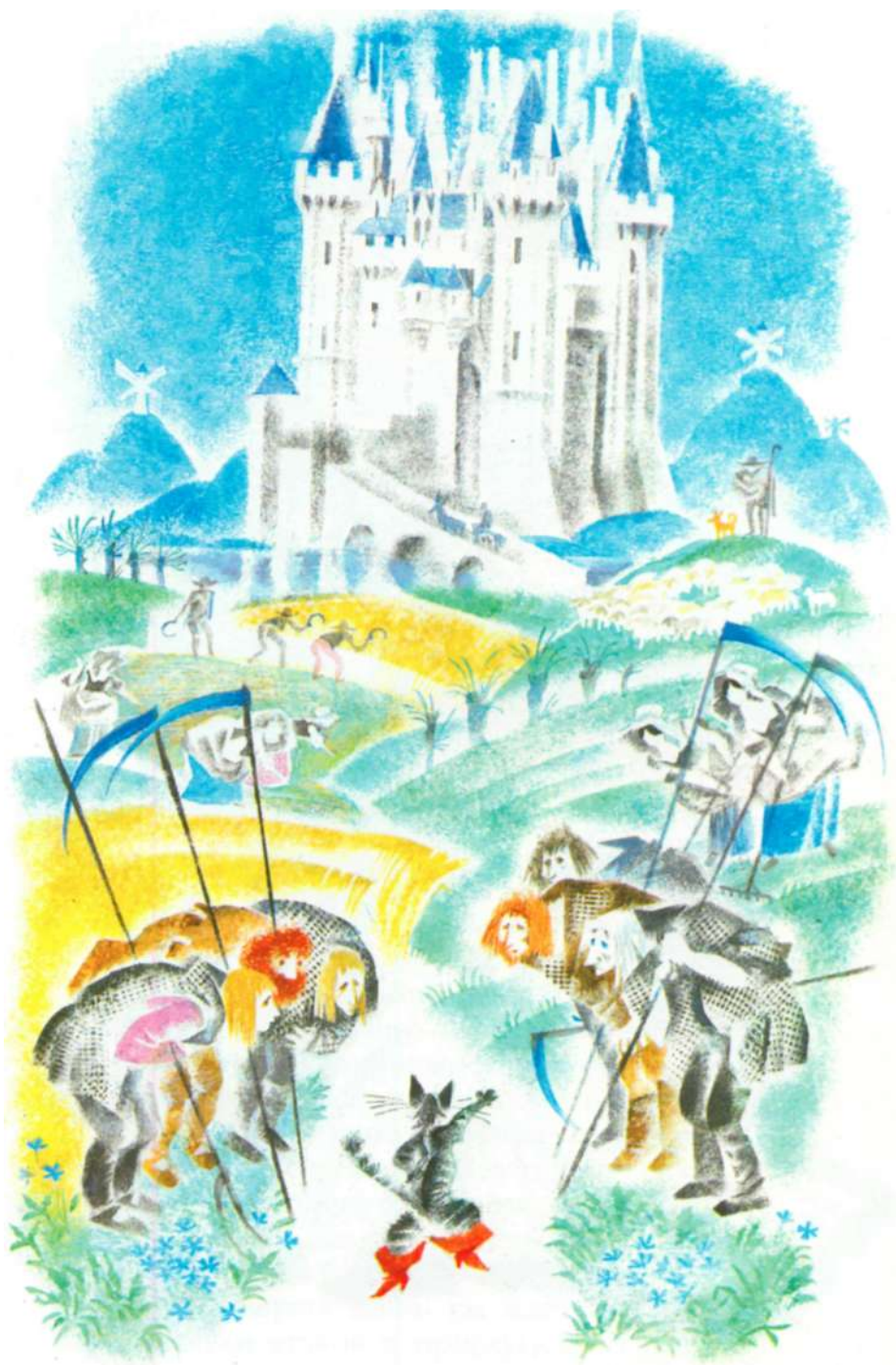

«КРАСНАЯ ШАПОЧКА»

«СИНЯЯ БОРОДА»

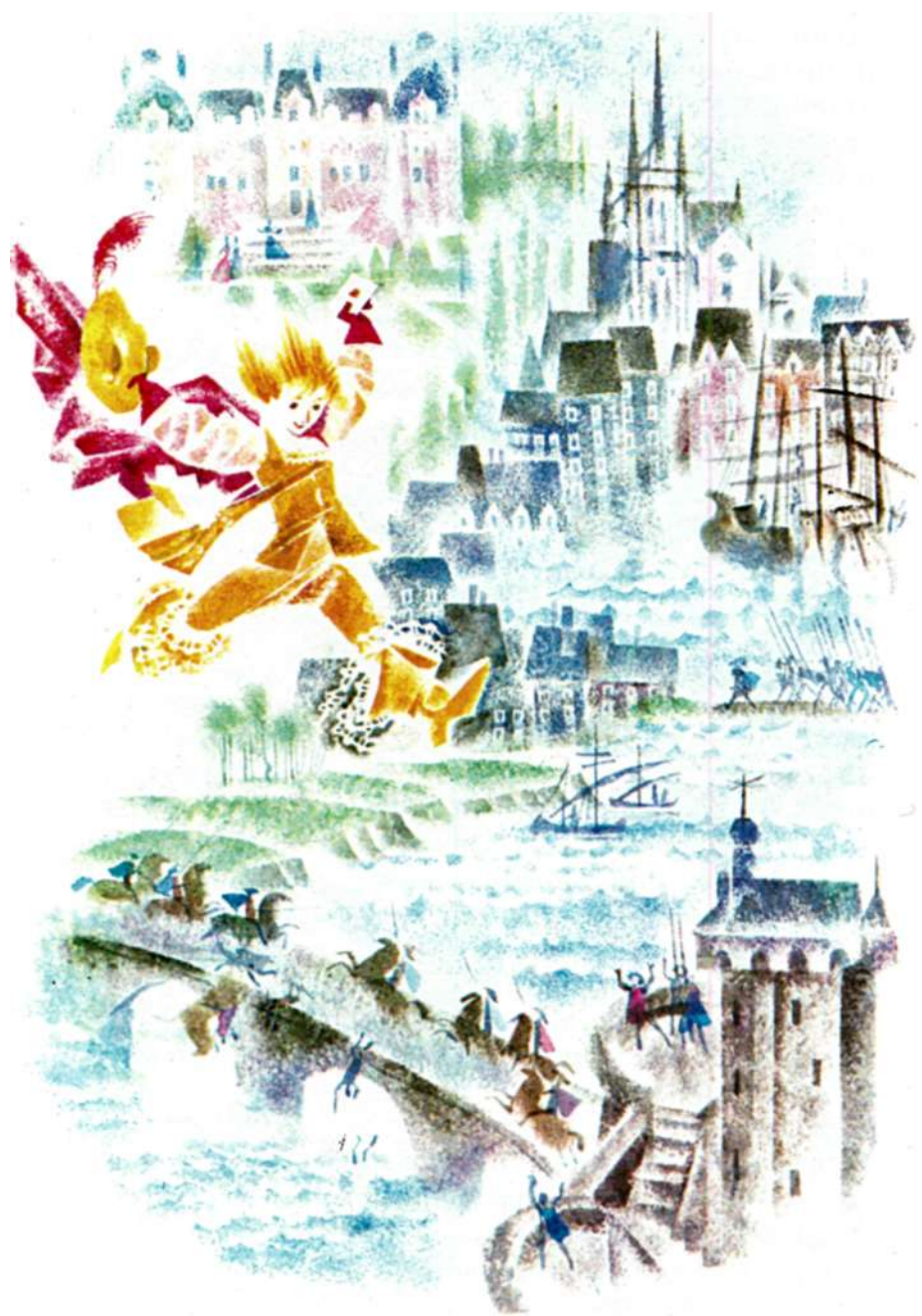
«ГОСПОДИН КОТ, ИЛИ КОТ В САПОГАХ»

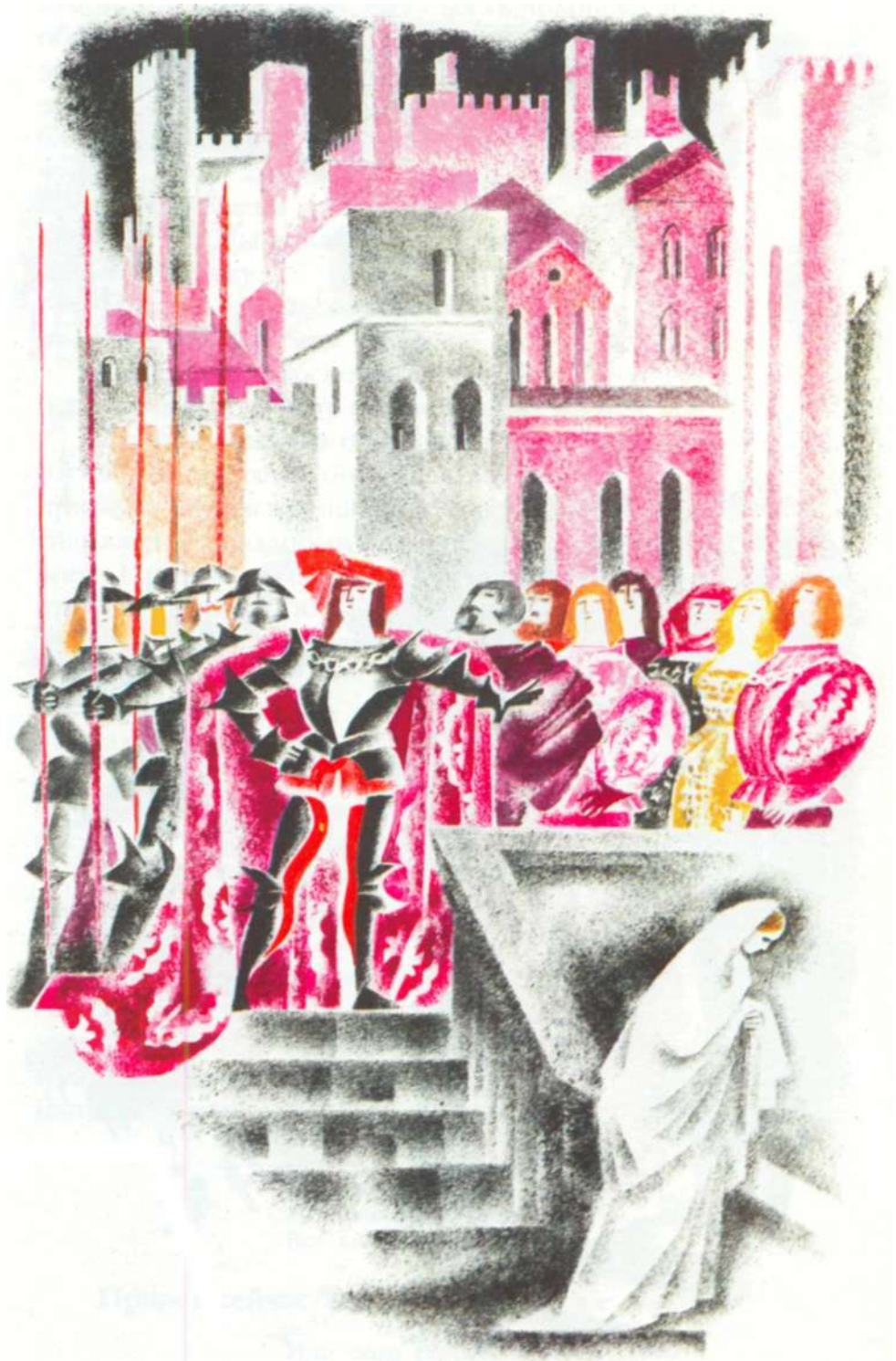
«ЗОЛУШКА,
ИЛИ ТУФЕЛЬКА, ОТОРОЧЕННАЯ МЕХОМ»

«РИКЕ С ХОХОЛКОМ»

«МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК»

«ГРИЗЕЛЬДА»

«ОСЛИНАЯ ШКУРА»

«СМЫШЛЕНАЯ ПРИНЦЕССА,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОСТРУШКИ»

«КРАСАВИЦА ЗОЛОТЫЕ КУДРИ»

«ЛЕСНАЯ ЛАНЬ»

«ГОЛУБАЯ ПТИЦА»

ШАРЛЬ ПЕРРО

ШАРЛЬ ПЕРРО

СКАЗКИ
МАТУШКИ
ГУСЫНИ,

ИЛИ
ИСТОРИИ
И СКАЗКИ
БЫЛЫХ ВРЕМЕН
С
ПОУЧЕНИЯМИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА
1986

84.4 Фр
П 27

Переводы с французского
С. Боброва,
А. Федорова и Л. Успенского
Под редакцией А. Андрес
Послесловие Н. Андреева
Иллюстрации Н. Гольц

П $\frac{4703000000-397}{080(02)-86}$ 397-86

84.4 Фр

© Издательство «Правда». 1986 г. Иллюстрации.

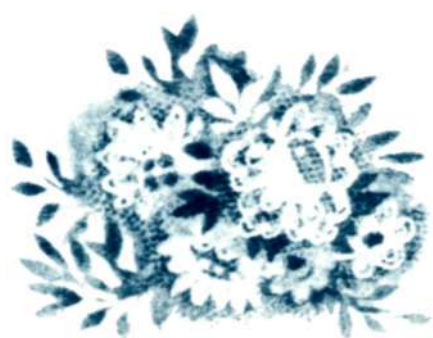
ОТ РЕДАКЦИИ

В этой книге читатель найдет знаменитые сказки в стихах и прозе Шарля Перро и — как приложение к ним — сказки трех других французских авторов XVII—XVIII вв., писательниц Мари-Жанны Ларитье де Виллодон, Мари-Катерины д'Онуа и Жанны-Мари Лепренс де Бомон. Произведения этих авторов именно в таком сочетании уже однажды появлялись по-русски — в книге: Шарль Перро. Сказки. Изд-во «Academia». М., 1936.

Наше издание по составу помещаемых в нем сказок повторяет этот сборник. По выбору же переводов оно частично отличается от него. Сказки Перро даются в переводах Л. В. Успенского (стихи) и А. В. Федорова (проза), впервые выпущенных издательством «Художественная литература» тоже в 1936 году и впоследствии переиздававшихся; редакция остановилась на них, считая их стилистически более близкими к манере Перро. Стихотворная повесть Перро «Гризельда» сохранена в переводе С. П. Боброва, и сказки других авторов, вошедшие в приложение, печатаются также в его переводах. Редактура текстов осуществлена А. Л. Андрес.

В качестве послесловия воспроизводится статья «Сказки Перро», написанная для издания «Academia» проф. Н. П. Андреевым (1892—1942; погиб в Ленинграде во время блокады). Этот выдающийся исследователь фольклора много занимался вопросом о соотношении устного творчества и, в частности, сказок с литературой. Статья содержит богатый и ценный фактический материал о связях сказок Перро и его продолжателей с эпохой их возникновения, с предшествующей фольклорной и литературной традицией. Цитаты, приводимые в статье из текста сказок, даны в точном соответствии с текстом печатаемых переводов.

У некоторых читателей бытует представление, будто сказки Перро предназначены для детей или годятся для детского чтения. Нет, в своем подлинном, неадаптированном виде (т. е. так, как они даются в нашей книге) они для этой цели не подходят: слишком много в них скепсиса, порой невеселой иронии и немало разных ситуаций, противопоставленных юному читателю (стоит хотя бы указать на начало злоключений Ослиной Шкуры, на карьеру Мальчика с пальчик при королевском дворе и некоторое другое). Другими словами: книга рассчитана на взрослого читателя. Если же иным родителям или воспитателям это соображение покажется неубедительным, остается все же посоветовать им, прежде чем давать эту книгу детям, самим внимательно вчитаться в нее.

ШАРЛЬ ПЕРРО

СКАЗКИ
МАТУШКИ
ГУСЫНИ,
ИЛИ
ИСТОРИИ
И СКАЗКИ
БЫЛЫХ ВРЕМЕН
С
ПОУЧЕНИЯМИ

Прием, который публика оказывала сочинениям, составившим это собрание, по мере того, как она получала их по отдельности, служит некоторым ручательством, что они не произведут на нее невыгодного впечатления, когда появятся все вместе. Правда, некоторые лица, притязавшие на глубокомыслие и достаточно пронизательные, чтобы увидеть в них только сказки, написанные ради забавы и посвященные предметам не слишком значительным, отнеслись к ним с презрением; но к нашему удивлению, оказалось, что люди, наделенные хорошим вкусом, судят о них иначе.

Они-то с удовольствием отметили, что эти безделки вовсе не безделки, а заключают в себе полезную мораль и что игривый склад повествования был выбран только затем, чтобы они действовали на ум читателя с большей приятностью, вместе и поучая и развлекая. Этого должно было бы быть довольно для меня, чтобы не опасаться упрека, будто я искал легкомысленной забавы. Но коль скоро я имею дело с людьми, которые примут не всякий довод и которых сможет убедить только пример и авторитет древних, то я успокою их и на этот счет.

Милетские предания, столь знаменитые у греков и восхищавшие собой Афины и Рим, были такого же свойства, что и рассказы, вошедшие в это собрание. История об Эфесской Матроне такова же в своем существе, как и история о Гризельде; и та и другая—это новеллы, то есть рассказы о событиях, которые могли бы случиться, и они не содержат в себе решительно ничего, противоречащего правдоподобию. История про Психею, написанная Лукианом и Апулеем, — чистейший вымысел, нянюшкина сказка — вроде истории про Ослиную Шкуру. Недаром, как мы видим, и у Апулея старуха рассказывает ее похищенной разбойниками молодой девушке, подобно тому, как «Ослиную Шкуру» каждый день рассказывают детям их воспитательницы и бабушки. История земледельца, получившего от Юпитера в дар способность вызывать по своему усмотрению дождь и солнечную погоду и воспользовавшегося ею так, что ему привелось собрать лишь солому и ни единого зерна, ибо он ни разу не пожелал ни ветра, ни холода, ни снега, и ничего на них похожего, что, однако, необходимо для произрастания злаков, — это история, говорю я, того же рода, что сказка про смешные желания, хотя первая серьезна, а вторая забавна; смысл же обеих в том, что люди не знают, чего им надо и что для них—большее счастье идти по пути, указан-

ному Провидением, нежели получать всякие блага по своему желанию.

Имея столь прекрасные образцы в премудром и преученном мире древности, я и не опасаясь, что кто-либо вправе обратить ко мне какой бы то ни было упрек. Как я готов утверждать, истории мои даже более заслуживают того, чтобы их пересказывали, чем большая часть древних преданий, и в особенности преданий о Матроне Эфесской и о Психее, если посмотреть на них со стороны морали — вещи главной во всякого рода историях, ради которой они и должны бы сочиняться. Вся мораль, которую можно вывести из истории о Матроне Эфесской, состоит в том, что часто женщины, кажущиеся самыми добродетельными, менее всего ими являются и что тем самым почти нет среди них таких, которые и на самом деле были бы добродетельны.

Кому же не ясно, что эта мораль весьма дурна и что она только развращает женщин, подавая дурной пример и внушая, будто они, изменяя своему долгу, только идут общим для всех путем? Не такова мораль «Гризельды», побуждающая жен все терпеть от своих мужей и показывающая, что не отыщется среди них ни одного столь грубого и сумасбродного, которого не в силах было бы победить терпение порядочной женщины.

Что до истории о Психее, истории, которая сама по себе весьма привлекательна и придумана весьма искусно, то скрытую в ней мораль, если бы только она была мне ясна, я сравнил бы с моралью «Ослиной Шкуры», но я до сих пор так и не мог разгадать ее. Да, мне известно, что Психея означает душу, но я не знаю, как понимать Амура, влюбленного в Психею, то есть в душу, и мне еще менее понятно, когда к тому же прибавляют, что счастье Психеи должно было длиться, пока она не узнает того, кого любит, а это был Амур, и что, напротив, она делается очень несчастной, как только его узнает; для меня это неразрешимая загадка. Можно лишь сказать, что это предание, как и большая часть других, унаследованных нами от древних, сочинено было только ради развлечения и с полным пренебрежением к добрым нравам.

Иначе обстоит дело со сказками, которые наши предки придумывали для своих детей. Рассказывая их, они обходились без той грации и того изящества, которые греки и римляне придавали своим историям, но они постоянно проявляли великую заботу о том, чтобы вложить в свои сказки мораль похвальную и поучительную. Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать, сколь велики блага, которые приобретаешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и какой вред приносит отсутствие этих качеств.

То нам встретятся в них волшебницы, которые девушку, учтиво ответившую им, наделяют таким даром, что при каждом слове из уст у нее падает алмаз или жемчужина, а другую, ответившую им грубо, — таким, что при каждом слове изо рта у нее выскакивает лягушка или жаба. Или мы увидим там детей, которые за то, что слушались родителей, сделались знатными господами, или же, напротив, таких, которых за их порочность и непокорность постигают ужаснейшие несчастья.

Как бы незначительны и как бы причудливы ни были приключения во всех этих историях, нет сомнения, они вызывают в детях желание походить на тех, кого они видят в них счастливыми, и страх перед теми несчастьями, коим за свою злобу подвергаются злодеи. Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, еще не

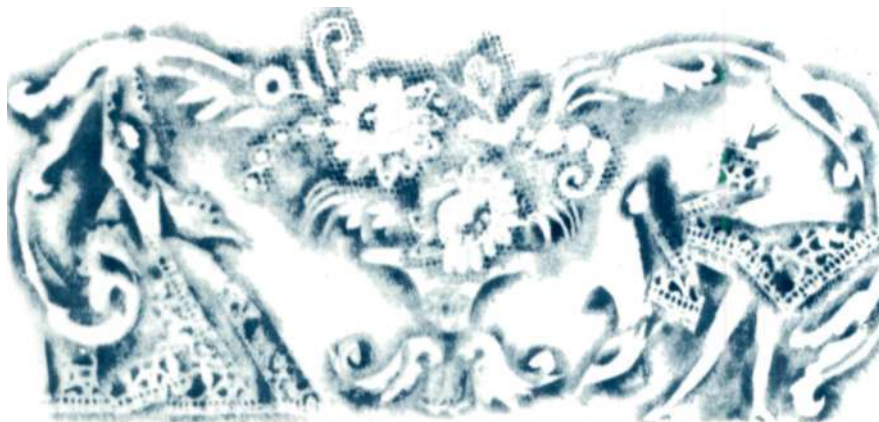
способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уж внушают к ним любовь и дают, так сказать, отведать их, облекая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению? Просто невероятно, с какой жадностью эти невинные души, природную чистоту которых ничто еще не успело осквернить, вкушают эти скрытые поучения; мы видим, как они печальны и подавлены, пока герой или героиня находится в беде, и какими возгласами радости они встречают ту минуту, когда герои вновь обретают счастье; точно так же они с трудом сдерживаются, пока злодей или злодейка пребывают в полном благополучии, и приходят в восторг, когда узнают наконец, что те наказаны, как того заслуживали. Все это бросаемые в почву семена, которые сперва порождают лишь порывы радости или приступы печали, но впоследствии непременно вызывают к жизни и добрые наклонности.

Я мог бы придать моим сказкам большую приятность, если бы позволил себе иные вольности, которыми их обычно оживляют; но желание понравиться читателям никогда не соблазняло меня настолько, чтобы я решился нарушить закон, который сам себе поставил, — не писать ничего, что оскорбляло бы целомудрие или благопристойность.

А вот мадригал, который сочинила на сей счет одна весьма умная девица, приписавшая его в конце «Ослиной Шкуры», когда я послал ей эту сказку.

*Про Шкуру странную Ослиную рассказ
Наивностью своею тешит нас.
Он радует мое воображенье,
Как сказок няниных смешные выраженья
В тиши у камелька в вечерний час.
Кой-где заметен здесь сатиры отсвет скромный,
Но яда злого не слышно в нем как раз:
Веселостью он дышит неуемной.
Как мило: он, в лукавой остроте,
Способен нас развлечь и днем, и ночью темной,
А исповедник, муж и мать, по простоте,
Не могут применить к нему запрет разгромный.*

Шарль Перро

ЕЕ КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

Ваше королевское высочество!

Никто не сочтет странным, что ребенку приятно было сочинять сказки, составившие это собрание, но удивление вызовет то, что он возмел дерзость преподнести их Вам. Однако, Ваше королевское высочество, какова бы ни была несоразмерность между простотой этих рассказов и просвещенностью Вашего ума, если со вниманием рассмотреть эти сказки, то станет видно, что я не столь достоин порицания, как это может показаться поначалу. Все они полны смысла весьма разумного и раскрывающегося в степени большей или меньшей, смотря по тому, насколько в него вникают читающие. К тому же, поскольку ничто так не отличает истинную широту ума, как его способность подыматься до предметов наиболее великих и в то же время снисходить до самых малых, никого не поразит, что та же принцесса, которой и по характеру своему и по воспитанию столь близко и привычно все самое возвышенное, соблаговолит развлечься подобными безделками. Правда, что сказки эти дают понятие о том, что творится в семьях наискромнейших, где похвальное нетерпение, с которым родители спешат просветить своих детей, заставляя их придумывать истории вовсе не разумные, дабы приноровиться к этим самым детям, у коих разума еще и нет, но кому же лучше подобает знать, как живут народы, как не тем особам, которым небо предназначило ими руководить! Стремление узнать это приводило доблестных мужей, притом и мужей, принадлежавших к Вашему роду, в бедные хижины и лачуги,

дабы вблизи и собственными глазами увидеть то примечательное, что делается там, ибо такое знание казалось им необходимым для полноты их просвещения. Итак, всемилостивейшая государыня,

Не правда ль, в этом есть известная приятность —
В бесспорность превращать невероятность?
Навряд ли фея в оны времена
Могла бы юное так одарить созданье,
Чтоб тьму даров затмить, которая дана
Самой природой Вам, всем смертным в назиданье.

Остаюсь
с глубочайшим почтением
ВАШЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
смирнейшим и покорнейшим слугой,
Перро д'Арманкуром.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Жили когда-то король и королева, были они бездетны, и это их так огорчало, что и сказать невозможно. Они побывали на всех водах, какие только есть на свете; обеты, паломничества, молитвы — все средства были испытаны, и все понапрасну. Наконец королева все-таки понесла и родила дочь. пышно справили крестины; в крестные матери маленькой принцессе пригласили всех волшебниц,

каких удалось найти в стране (их оказалось семь), чтобы каждая из них, как в ту пору принято было у волшебниц, наделила ее тем или иным даром и принцесса явила бы собой пример всевозможных совершенств.

После обряда крещения все общество вернулось в королевский дворец, где для волшебниц было приготовлено пиршество. Перед каждой из них поставили великолепный прибор и тяжелый золотой футляр, в котором были вилка, ложка и нож из чистого золота, украшенные алмазами и рубинами. Но когда стали садиться за стол, вошла старая волшебница — ее не пригласили, потому что она уже более пятидесяти лет не выходила из башни и все думали, что она умерла или заколдована.

Король велел поставить для нее прибор, но тяжелый золотой футляр вручить ей, как другим волшебницам, уже не удалось, ибо их сделали всего семь — для семи волшебниц. Старуха решила, что ей выказывают пренебрежение, и проворчала сквозь зубы какие-то угрозы. Одна из молодых волшебниц, находившаяся поблизости от нее, услышала эти угрозы и, опасаясь, как бы та не наделила маленькую принцессу каким-нибудь неприятным даром, сразу же, едва только встали из-за стола, пошла и спряталась за занавесь, полагая, что говорить ей придется после всех и тогда удастся, насколько это возможно, исправить вред, который причинит старуха.

Между тем волшебницы стали наделять принцессу разными дарами. Самая молодая обещала ей, что она будет прекраснее всех: другая — что она будет божественно умна, третья — что она всегда и во всем будет удивительно мила; четвертая — что она будет безукоризненно танцевать; пятая — что она будет петь как соловей, а шестая — что на всех инструментах она будет играть с величайшим совершенством. Когда же пришел черед старой волшебницы, она сказала, тряся головой скорее от досады, чем от старости, что принцесса уколется себе руку веретеном и оттого умрет.

Такой ужасный дар всех привел в содрогание, и не было человека, который бы не заплакал. В этот миг из-за занавеси вышла молодая волшебница и сказала:

— Успокойтесь, король и королева, ваша дочь не умрет. Правда, я недостаточно могущественна, чтобы сделать вовсе не бывшим содеянное старой волшебницей: принцесса уколёт себе руку веретеном, но она не умрет, а только погрузится в глубокий сон и будет спать сто лет, а потом придет королевский сын и разбудит ее.

Король, чтобы избежать несчастья, предсказанного старухой, тотчас же издал указ, которым под страхом смерти всем подданным запрещалось прясть веретеном и даже держать веретена у себя в доме.

Спустя лет пятнадцать или шестнадцать король и королева как-то раз поехали в один из своих загородных замков: молодая принцесса бегала по дому и подымалась все выше и выше, переходя из комнаты в комнату, пока не зашла наконец в жалкий чулан на самом верху башни, где сидела совсем одна какая-то старушка и пряла. Эта добрая женщина ничего не слышала о том, что король запретил прясть на веретене. «Что это вы делаете?» — спросила принцесса. «Пряду, милое дитя», — ответила старуха, не зная ее в лицо. «Ах, как это прелестно! — сказала принцесса. — Как это вы делаете? Дайте-ка и мне — выйдет ли у меня так же, как у вас?» И так как принцесса отличалась большой живостью и некоторым легкомыслием, и к тому же такова была воля феи, она, взяв веретено, тотчас же уколола себе руку и упала без чувств.

Старушка в немалом смущении зовет на помощь: люди сбегаются со всех сторон, принцессе прыскают в лицо водой, ее расшнуровывают, ее хлопают по ладоням, ей трут виски водою королевы венгерской, но так и не могут привести ее в чувство.

Тогда король, поднявшийся на этот шум, вспомнил о предсказании волшебниц и, рассудив, что так и должно случиться, раз это было предсказано, велел отнести принцессу в один из лучших покоев дворца и оставить на ложе, расшитом золотом и серебром. Можно было принять ее за ангела — так она была хороша: несмотря на обморок, цвет ее лица не утратил своей живости; щеки были как розы, а уста — словно коралл; глаза были

закрыты, но слышно было, как она тихонько дышит, а это показывало, что она не умерла.

Король приказал, чтобы ее оставили спокойно спать, пока не придет час ее пробуждения. Когда с принцессой случилось несчастье, добрая волшебница, которая спасла ей жизнь, присудив ей проспять сто лет, находилась в королевстве Матаквинском, за двенадцать тысяч миль, но ее в один миг известил об этом карлик, носивший семимильные сапоги (то были сапоги, в которых за один шаг можно было сделать семь миль). Волшебница тотчас же пустилась в путь, а через час уже подъезжала к замку на огненной колеснице, запряженной драконами. Король вышел ей навстречу и помог сойти с колесницы. Она одобрила все, что он сделал, но, будучи особой весьма предусмотрительной, подумала и о том, что принцесса, когда ей придет время пробудиться, попадет в немалое затруднение, оказавшись одна в этом старом замке. И вот что она сделала.

Своей палочкой она коснулась всего, что было в замке (кроме короля и королевы): ключниц, фрейлин, камеристок, кавалеров, прислужников, дворецких, поваров, поварят, мальчиков на побегушках, стражей, привратников, пажей, лакеев; она коснулась также и всех лошадей, какие стояли в конюшнях, и всех конюхов, всех больших дворовых псов и маленькой Пуф, собачки принцессы, лежавшей с ней на постели. Как только она дотронулась до них, они уснули, чтобы пробудиться вместе со своей госпожой, готовые служить ей, когда это будет нужно. Вертелы перед очагом, усаженные куропатками и фазанами, задремали, и огонь тоже. Все это произошло в один миг: волшебницы скоры на руку.

Тогда король и королева, поцеловав свое милое дитя, которое не проснулось от их поцелуя, вышли из замка и издали указ, запрещающий кому бы то ни было к нему приближаться. Запрет этот был излишен, ибо за четверть часа вокруг выросло так много деревьев — высоких и низеньких, так много колючих терновых кустов, сплетавшихся друг с другом, что сквозь них не прошел бы ни зверь, ни человек; и видны были только башни замка, да и

то лишь, если глядеть издали. Никто не сомневался, что волшебница и на этот раз превзошла самое себя, дабы принцессе, пока она будет спать, не грозила опасность от любопытных прохожих.

Через сто лет сыну короля, царствовавшего в то время и принадлежавшего к другому дому, чем спящая принцесса, случилось охотиться в тех краях, и он стал спрашивать: что это за башни возвышаются над тем густым лесом? Каждый отвечал ему то, что сам слышал: одни говорили, что это старый замок, где появляются призраки, другие — что местные колдуны справляют там шабаш. Наиболее распространенное мнение было таково: там живет людоед, и всех маленьких детей, которых ему удастся заполучить, он уносит туда — там ему всего удобнее их поедать, а последовать за ним никто не может, ибо только ему дана способность пробираться сквозь эту чашу.

Принц не знал, чему и верить, но тут вдруг заговорил какой-то старик крестьянин и сказал ему: «Государь мой, вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как я слышал от моего отца, будто в этом замке спит принцесса и прекраснее ее нет на свете; будто она должна проспять там сто лет и пробудит ее королевский сын, которому она суждена».

От этих слов юный принц исполнился пыла: не колеблясь, он решил, что доведет до конца столь прекрасное приключение, и, движимый жадой любви и славы, вознамерился тотчас узнать, правда ли все это. Едва он сделал несколько шагов в сторону леса, как все эти колючие терновые кусты сами расступились и дали ему пройти. Он направился к замку, видневшемуся в конце широкого проезда, по которому он шел, и несколько удивило его только то, что ни один человек из его свиты не смог последовать за ним, ибо деревья сразу же сомкнулись, едва только он миновал их. Принц не остановился: молодые влюбленные принцы всегда отважны. Он вошел в большой передний двор, где все, что он увидел, могло бы навеять на него леденящий ужас. Здесь царило страшное безмолвие: образ смерти являлся всюду,

и всюду кругом расprostерты были тела людей и животных, казавшиеся мертвыми. Однако по угреватым носам и ярко-красным лицам привратников он понял, что они только спят; а судя по их чашам, в которых еще сохранилось несколько капель вина, легко было догадаться, что эти люди, перед тем как заснуть, выпивали.

Он минует большой двор, выложенный мрамором; подымается по лестнице; входит в залу, где стражи стоят рядами, с ружьями на плечах, и храпят изо всех сил. Он проходит покаями, полными кавалеров и дам, и все они спят, одни — стоя, другие — сидя. Он входит в комнату, всю украшенную золотом, — и тут ему является зрелище, прекраснейшее из всех, какие ему случилось видеть: на постели, занавески которой были раздвинуты со всех сторон, лежала принцесса, на вид лет пятнадцатилетней, полная очарования, в котором было что-то лучезарное и небесное. Он приблизился к ней с трепетом и восхищением и опустился подле нее на колени.

Тогда принцесса пробудилась — ибо чарам пришло время рассеяться, — и, глядя на него нежными глазами, что, казалось бы, не очень естественно для первого взгляда, молвила ему: «Вы ли это, принц? Вас долго пришлось ждать». Принц, очарованный этими словами, а еще более — тоном, каким они были сказаны, не знал, как ему выразить свою радость и благодарность: он стал уверять, что любит ее больше, чем самого себя. В речах его было мало порядка — от этого они понравились еще больше: мало красноречия, много любви. Он был в большем смущении, чем она, и этому не должно удивляться: у нее было время подумать о том, что она ему скажет, ибо добрая волшебница, как видно (история, впрочем, об этом умалчивает), наделила ее на время столь долгого сна даром приятных грез. Словом, прошло четыре часа, как они разговаривали, а они все еще не сказали друг другу и половины тех вещей, которые хотели сказать.

Тем временем вместе с принцессой пробудился и весь дворец: каждый собирался приняться за свое дело, а так

как все эти люди не были влюблены, то умирали от голода. Одна из фрейлин, мучимая голодом, как и все остальные, потеряла терпение и во всеуслышание сказала принцессе, что жаркое подано. Принц помог принцессе подняться: она ведь была одета, и притом весьма пышно; но он не сказал ей, что одета она, как его бабушка, и что воротник у нее стоячий, — ведь от этого она не стала менее красива.

Они прошли в гостиную с зеркалами и поужинали там, а подавали им прислужницы принцессы. Скрипки и гобои играли им пьесы старые, однако превосходные, хотя их не играли уже лет сто; а после ужина, не теряя времени, священник обвенчал их в капелле замка, а потом фрейлина задернула полог. Спали они мало: принцессе в этом не было особой нужды, а принц утром покинул ее, чтобы вернуться в город, где отец его, наверно, уже беспокоился о нем.

Принц сказал ему, что, охотясь, заблудился в лесу и ночевал в хижине угольщика, который дал ему черного хлеба и сыра. Король-отец, человек простодушный, поверил, но мать не особенно была склонна верить сыну, а заметив, что принц почти каждый день уезжает на охоту и что всегда у него готово объяснение, когда он две или три ночи сряду не ночует дома, она уже не сомневалась, что у него какая-то любовная история.

С принцессой он жил уже более двух лет, было у них и двое детей — дочь, старшая, которую называли Заря, и сын, которого называли День, потому что он был еще прекраснее, чем его сестра.

Королева, стараясь добиться объяснений от сына, несколько раз говорила ему, что в жизни следует искать семейных радостей; но он так и не решился доверить ей свою тайну: он опасался ее, хоть и любил, ибо она была из племени людоедов, и король женился на ней только ради ее богатств. И даже при дворе шепотом поговаривали, что у нее наклонности людоедов и что, видя маленьких детей, она с великим трудом сдерживается, чтобы не броситься на них, поэтому принц так и не захотел ничего ей сказать.

Но когда король умер, — а это случилось через два года, — и принц стал королем, он всенародно объявил о

своим браке и самым торжественным образом отправился за женой в ее замок. Ей устроили великолепный прием в столице, в которую она въехала вместе с двумя своими детьми.

Немного времени спустя король собрался на войну с императором Канталабутом, своим соседом. Управлять королевством он предоставил королеве-матери и ее попечениям поручил жену и детей: на войне он должен был пробыть все лето; а как только он уехал, королева-мать отослала невестку и ее детей в загородный дом, находившийся в лесу, где ей удобнее было осуществить свое адское намерение. Через несколько дней она тоже отправилась туда и как-то вечером сказала своему дворецкому: «Завтра на обед я хочу съесть маленькую Зарю». — «Ах, госпожа моя!..» — сказал дворецкий. «Я так хочу, — сказала королева (и сказала тоном людоедки, которой хочется поесть свежего мяса), — и хочу съесть ее под соусом Робер».

Бедный человек, видя, что с людоедкой нельзя шутить, взял свой большой нож и поднялся в комнату к маленькой Заре; ей в ту пору было четыре года, и она, прыгая и смеясь, бросилась к нему на шею и попросила у него лакомств. Он заплакал, нож выпал у него из рук; он вышел на двор и зарезал маленького барашка и приготовил его под таким прекрасным соусом, что королева уверяла его потом, будто никогда не ела ничего вкуснее. Маленькую Зарю он унес с собой и отдал своей жене, чтобы она ее спрятала на заднем дворе.

Неделю спустя злая королева сказала своему дворецкому: «Теперь я хочу, чтобы к ужину мне был подан маленький День». Дворецкий не возражал ей, решив обмануть ее так же, как и в первый раз. Он отправился за маленьким Днем и, придя к нему в комнату, увидел, что тот, держа крохотную рапиру, фехтует с большой обезьяной; а ведь мальчику было всего три года! Дворецкий снес его к своей жене, которая спрятала его вместе с Зарей, а вместо Дня подал на ужин козленка, отличавшегося весьма нежным мясом, так что королева нашла его превосходным на вкус.

До сих пор все шло хорошо, но однажды вечером эта злая королева сказала дворецкому: «Я хочу съесть и мою невестку под таким же соусом, что и ее детей». Вот тут-то бедный дворецкий и потерял надежду обмануть ее. Молодой королеве уж минул двадцатый год, не считая тех ста лет, что она проспала; кожа у нее была все же жесткая, хотя красивая и белая; а где взять на скотном дворе животное с такой жесткой кожей? Чтобы спастись самому, он решил зарезать королеву и поднялся в ее покои, намереваясь покончить дело разом. Он разжигал в себе ярость и с ножом в руках вошел в комнату молодой королевы; однако он не захотел напасть на нее врасплох и весьма почтительно сказал ей о приказании, которое получил от королевы-матери. «Исполняйте ваш долг, — сказала она, подставляя шею под нож, — исполняйте приказание, которое вам дали; теперь я увижу детей, моих бедных детей, которых я так любила!» — ибо она считала их мертвыми с тех пор, как их у нее отняли.

«Нет, нет, госпожа моя, — отвечал ей бедный дворецкий, совсем растроганный, — вы не умрете и все-таки увидите ваших милых детей, но увидите вы их у меня, там, где я их спрятал, и я еще раз обману королеву — я изжарю для нее вместо вас молодую лань». Он тотчас же повел ее к себе в комнату и оставил обнимать детей и плакать с ними, а сам пошел готовить лань, которую королева-мать и съела за ужином с таким аппетитом, словно то была молодая королева; она была очень довольна своей жестокостью и собиралась сказать королю по его приезде, что бешеные волки сожрали его жену-королеву и обоих его детей.

Однажды вечером, когда она, по своему обыкновению, бродила по замку, по дворам, птичьему и скотному, принявываясь, не пахнет ли свежим мясом, она услышала, как в комнате нижнего этажа плачет маленький День, ибо королева, его мать, хотела высечь его за то, что он выказал злой нрав; она услышала также, как маленькая Заря просит, чтобы простили ее брата. Людоедка узнала голос королевы и ее детей и, в ярости от того, что ее обманули,

страшным голосом, всех приведшим в трепет, приказала, чтобы завтра же утром посреди двора поставили большой чан, наполненный жабами, ужами, гадюками и другими змеями, и бросили в него королеву с ее детьми, дворецкого, его жену и его служанку; она велела, чтобы их привели, связав им руки за спиной.

Они стояли во дворе, и палачи уже готовились бросить их в чан, как вдруг король, которого так скоро не ожидали, въехал верхом во двор; он примчался во весь опор и, весьма удивленный, спросил, что означает это ужасное зрелище. Никто не смел объяснить ему это, и тут вдруг людоедка, в бешенстве от того, что ей помешали, сама бросилась в чан, вниз головой, и в один миг была сожрана мерзкими тварями, которых она велела туда насажать. Король не мог не огорчиться: ведь это была его мать; но он вскоре утешился со своей прелестной женой и своими детьми.

МОРАЛЬ

*Немножко обождать, чтоб подвернулся муж,
Красавец и богач к тому ж,
Вполне возможно и понятно.
Но сотню долгих лет, в постели лежа, ждать
Для дам настолько неприятно,
Что ни одна не сможет спать.*

*Пожалуй, выведем второе поученье:
Нередко звенья уз, что вяжет Гименей,
Пока разрознены и слаще и нежней;
Так обождать — удача, не мученье.
Но нежный пол с таким огнем
Твердит свой символ веры брачной,
Что сеять яд сомнения в нем
У нас не хватит злости мрачной.*

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила когда-то в одной деревне девочка, до того хорошенькая, что другой такой не было на свете; мать без памяти любила ее, а еще больше любила ее бабушка. Старушка подарила ей красную шапочку, которая так ей шла, что девочку везде называли Красной Шапочкой.

Однажды ее мать напекла лепешек и сказала ей: «Сходи проведай бабушку—я слышала, что она больна. Снеси ей лепешку и горшочек масла». Красная Шапочка сразу же пустилась в путь—пошла к своей бабушке,

которая жила в другой деревне. Когда она шла лесом, ей повстречался кум Волк, которому очень захотелось ее съесть, но он не посмел, потому что в лесу были дровосеки. Он спросил, куда она идет. Бедное дитя, не зная, как опасно останавливаться в пути слушать волка, ответило ему: «Я иду проведать мою бабушку и несу ей лепешку да горшочек масла, который ей посылает моя мать». — «А далеко ли она живет?» — спросил Волк. — «Да, очень далеко, — ответила Красная Шапочка, — вон за той мельницей, что вы видите там, вдали, — первый дом в деревне». — «Ну, — сказал Волк, — такя тоже пойду проведу ее; я пойду этой дорогой, а ты пойдешь той, и мы посмотрим, кто придет раньше».

Волк, что было мочи, бросился бежать дорогой более короткой, а девочка пошла дорогой более длинной и по пути забавлялась тем, что срывала орешки, бегала за бабочками, делала букеты из цветочков, которые попадались ей на глаза.

Немного времени прошло, а Волк очутился уже у бабушкиного дома; он стучит: тук-тук. «Кто там?» — «Ваша внучка, Красная Шапочка. — сказал Волк, изменив свой голос, — несет вам лепешку и горшочек масла, который вам посылает моя мать». Добрая бабушка, лежавшая в постели, потому что не совсем была здорова, закричала ему: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит». Волк потянул щеколду, и задвижка отскочила. Он бросился на старушку и в один миг сожрал ее, потому что уже три дня как ничего не ел. Потом он запер дверь и улегся в бабушкину постель, ожидая Красную Шапочку, которая немного погодя и постучала в дверь — тук-тук. «Кто там?» Красная Шапочка, услышав грубый голос Волка, сначала испугалась, но, вспомнив, что бабушка простужена, ответила: «Ваша внучка, Красная Шапочка, несет вам лепешку и горшочек масла, который вам посылает моя мать». Волк, немножко смягчив свой голос, прокричал ей: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит». Красная Шапочка потянула щеколду, и задвижка отскочила. Волк, увидев, что она входит, сказал ей, спрятавшись под одеяло: «Лепешку и горшочек с маслом поставь на сундук, а сама иди, ляг со мной». Красная Шапочка разделась и легла в постель, но тут ее немало удивило, каков у бабушки вид, когда она раздета. Она ей сказала: «Бабушка, какие у вас большие руки!» — «Это чтоб лучше тебя обнимать, внучка!» — «Бабушка, какие у вас большие ноги!» — «Это чтоб лучше бегать, дитя мое!» — «Бабушка, какие у вас большие уши!» — «Это чтоб лучше слышать, дитя мое!» — «Бабуш-

ка, какие у вас большие глаза!» — «Это чтоб лучше видеть тебя, дитя мое!» — «Бабушка, какие у вас большие зубы!» — «Это чтоб съесть тебя!» И, сказав эти слова, злой Волк бросился на Красную Шапочку и съел ее.

МОРАЛЬ

*Детишкам маленьким не без причин
(А уж особенно девицам,
Красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать, —
Иначе волк их может скушать.
Сказал я: волк! Волков не счесть,
Но между ними есть иные
Плуты, настолько продувные,
Что, сладко источая лесть,
Девичью охраняют честь,
Сопутствуют до дома их прогулкам,
Проводят их бай-бай по темным закоулкам...
Но волк, увы, чем кажется скромней,
Тем он всегда лукавей и страшней!*

СИНЯЯ БОРОДА

Жил когда-то человек, у которого были прекрасные дома и в городе и в деревне, золотая и серебряная посуда, кресла, украшенные шитьем, и золоченые кареты. Но, к несчастью, у этого человека была синяя борода, и она придавала ему такой уродливый и страшный вид, что не было ни женщины, ни девушки, которая не убегала бы, завидев его.

У одной из его соседок, дамы знатной, были две дочери, дивной красоты. Он попросил выдать замуж за

него одну из них и предоставил матери выбрать ту, которую она согласится за него отдать. Обе не хотели идти за него и отказывались от него одна в пользу другой, не в силах избрать мужем человека, у которого борода — синяя. Внушало им отвращение и то, что этот человек уже несколько раз был женат, но никто не знал, что случилось с его женами.

Чтобы завязать более близкое знакомство, Синяя Борода пригласил их вместе с матерью и тремя или четырьмя лучшими подругами, а также несколькими молодыми людьми, их соседями, в один из своих загородных домов, где гости пробыли целую неделю. Все время было занято прогулками, поездками на охоту и на рыбную ловлю, танцами, пиршествами, завтраками и ужинами; никто не думал спать, и каждую ночь напролет гости изощрялись во всевозможных шутках, — словом, все устроилось так хорошо, что младшей дочери стало казаться, будто у хозяина дома борода уже совсем не такая синяя и сам он — человек весьма порядочный. Как только вернулись в город, свадьба была решена.

Через месяц Синяя Борода сказал своей жене, что ему надо уехать в деревню, по крайней мере недель на шесть, ради важного дела; он просил ее развлекаться во время его отсутствия; говорил ей, чтоб она позвала своих подружек, и если ей захочется, свезла их за город; чтобы всюду она ела все самое вкусное. «Вот, — сказал он, — ключи от обеих больших кладовых; вот ключи от посуды золотой и серебряной, которую подают не каждый день; вот ключи от сундуков, где хранится мое золото и серебро; вот ключи от ларцов, где лежат мои драгоценные камни; вот ключ, что отпирает все комнаты в моем доме. А этот маленький ключ — ключ от комнаты, что в конце нижней большой галереи. Открывайте все двери, всюду ходите, но входить в эту маленькую комнату я вам запрещаю, и запрещаю так строго, что, если вам случится открыть туда дверь, вы можете всего ждать от моего гнева».

Она обещала в точности соблюсти все то, что было ей приказано, а он обнял жену, сел в свою карету и уехал.

Соседки и подружки не стали ждать, чтоб за ними послали гонцов, а сами поспешили к новобрачной — так не терпелось им увидеть все богатства ее дома, а пока там был ее муж, они не решались посетить ее — из-за его синей

бороды, которой они боялись. Вот они сразу же и начали осматривать комнаты, комнатки, гардеробные, превосходившие одна другую красотой и богатством. Затем они перешли в кладовые, где не могли налюбоваться красотой бесчисленных ковров, постелей, диванов, шкафчиков, столиков, столов и зеркал, в которых можно было увидеть себя с головы до ног и края которых — у одних стеклянные, у других из позолоченного серебра — были красивее и великолепнее всего, что только случалось им когда-либо видеть. Не переставая завидовать, они все время перевозносили счастье своей подруги, которую, однако, вовсе не занимало зрелище всех этих богатств, ибо ей не терпелось пойти открыть внизу маленькую комнатку.

Ее до того одолело любопытство, что, не приняв в соображение, сколь невежливо покидать своих гостей, она спустилась по потаенной лесенке, и притом с такой поспешностью, что раза два или три, как ей показалось, чуть было не сломала себе шею. У двери в маленькую комнатку она постояла несколько минут, вспоминая о запрете, который наложил ее муж, и размышляя о том, что за это непослушание ее может постигнуть несчастье; но соблазн был так силен, что она не могла победить его: она взяла ключик и с трепетом отворила дверь.

Сперва она ничего не увидела, потому что ставни были закрыты. Через несколько мгновений она стала замечать, что пол весь покрыт запекшейся кровью и что в этой крови отражаются тела нескольких мертвых женщин, висевших на стенах: все это были жены Синей Бороды, который вступал с ними в брак, а потом убивал. Она подумала, что умрет со страху, и выронила ключ, который вынула из замка.

Немного придя в себя, она подняла ключ, заперла дверь и поднялась к себе в комнату, чтобы хоть несколько оправиться; но это ей не удалось, в таком она была волнении.

Заметив, что ключ от маленькой комнаты запачкан кровью, она два или три раза вытерла его, но кровь никак не сходила; сколько она ни мыла его, сколько ни терла его песком и песчаным камнем, все-таки кровь оставалась, потому что ключ был волшебный, и не было никакой возможности совсем отчистить его: когда кровь счищали с одной стороны, она появлялась на другой.

Синяя Борода вернулся из своего путешествия в тот же вечер и сказал, что получил в дороге письма, сообщавшие ему, что дело, ради которого он ехал, разрешилось в его пользу. Жена его сделала все возможное — только бы доказать ему, что она в восторге от его скорого возвращения.

На другой день он потребовал у нее ключи, и она отдала их ему, но у нее так дрожали руки, что он без труда догадался обо всем случившемся. «Отчего э т о , — спросил он е е , — ключа от маленькой комнатки нет вместе с другими ключами?» — «Наверно, — сказала она, — я оставила его наверху, у себя на столе». — «Не забудьте, — сказал Синяя Борода, — отдать мне его поскорее».

Наконец, после разных отговорок, пришлось принести ключ. Синяя Борода, посмотрев на него, сказал жене: «Отчего на этом ключе кровь?» — «Не з н а ю », — ответила несчастная жена, бледная как смерть. «Не знаете? — переспросил Синяя Борода. — А я знаю. Вам захотелось войти в маленькую комнатку. Ну, что ж, сударыня, теперь вы войдете в нее и займете там ваше место возле дам, которых вы там видели».

Она бросилась к ногам мужа, плача, прося у него прощения и по всем признакам искренно раскаиваясь в своем непослушании. Прекрасная и печальная, она тронула бы даже скалу, но у Синей Бороды сердце было более суровое, чем скала. «Вы должны умереть, сударыня, — сказал он ей, — и немедленно». — «Если я должна умереть, — ответила она, глядя на него глазами, полными слез, — дайте мне хоть несколько минут — помолиться богу». — «Даю тебе семь минут, — ответил Синяя Борода, — но ни мгновения больше».

Оставшись одна, она позвала сестру и сказала ей: «Сестрица моя Анна (ибо так звалась ее сестра), прошу тебя, подымись на башню и посмотри, не едут ли мои братья — они обещали навестить меня сегодня; а если ты увидишь их, дай им знак, чтоб торопились». Сестра Анна поднялась на башню, а бедняжка в тоске время от времени окликала ее: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала ей: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

Между тем Синяя Борода держал уже большой нож в руке и кричал что было мочи: «Скорее иди сюда, а не то я

сам к тебе приду». — «Еще минуточку, пожалуйста», — ответила жена и тихо окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

«Да иди же скорее. — крикнул Синяя Борода, — а не то я сам поднимусь». — «Иду», — ответила жена, а потом окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» — «Вижу, — ответила сестрица, — большое облако пыли, оно несется к нам...» — «Это мои братья?» — «Увы, нет, сестрица, я вижу стадо баранов...» — «Да когда же ты придешь?» — закричал Синяя Борода. — «Еще минуточку», — ответила жена, а потом окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» — «Вижу, — ответила она, — двух всадников, они скачут сюда, но они еще далеко!» — «Слава богу! — воскликнула она через несколько мгновений. — Это мои братья. Я подаю им знак, чтоб они торопились».

Тут Синяя Борода закричал так громко, что задрожал весь дом. Бедняжка спустилась с башни и бросилась к его ногам, вся в слезах, с растрепавшимися волосами. «Это ни к чему не послужит, — сказал Синяя Борода, — придется умереть». И, схватив ее за волосы, он занес нож и уже готов был отрезать ей голову. Бедная женщина, обернувшись к нему и глядя на него помертвевшими глазами, попросила дать ей еще минуточку, чтоб приготовиться к смерти. «Нет, нет, поручи свою душу богу», — сказал он, подняв руку... В эту минуту раздался такой страшный стук в дверь, что Синяя Борода остановился. Дверь отворилась, и тотчас же вошли двое мужчин, которые, выхватив шпаги, бросились прямо на Синюю Бороду...

Он узнал братьев своей жены, драгуна и мушкетера, и, спасаясь от них, пустился бежать, но они так быстро за ним погнались, что поймали прежде, чем он успел выскочить на крыльцо. Они насквозь пронзили его шпагами, и он упал мертвый. Бедная женщина сама была чуть жива, и у нее даже не хватило сил подняться и обнять своих братьев.

Оказалось, что у Синей Бороды нет наследников и что жене его, таким образом, должны достаться все его богатства. Часть из них она употребила на то, чтобы выдать сестрицу свою Анну за молодого дворянина,

давно уже любившего ее; другую часть — на то, чтобы доставить своим братьям капитанский чин, а остальные — на то, чтобы самой выйти замуж за одного хорошего человека, который помог ей забыть то тяжелое время, когда она была женою Синей Бороды.

МОРАЛЬ

*Да, любопытство — бич.
Смущает всех оно,
На горе смертным рождено.
Примеров — тысячи,
Как приглядишься малость.
Забавна женская к нескромным
тайнам страсть:
Известно ведь —
что дорого досталось,
Утратит вмиг и вкус и сласть.*

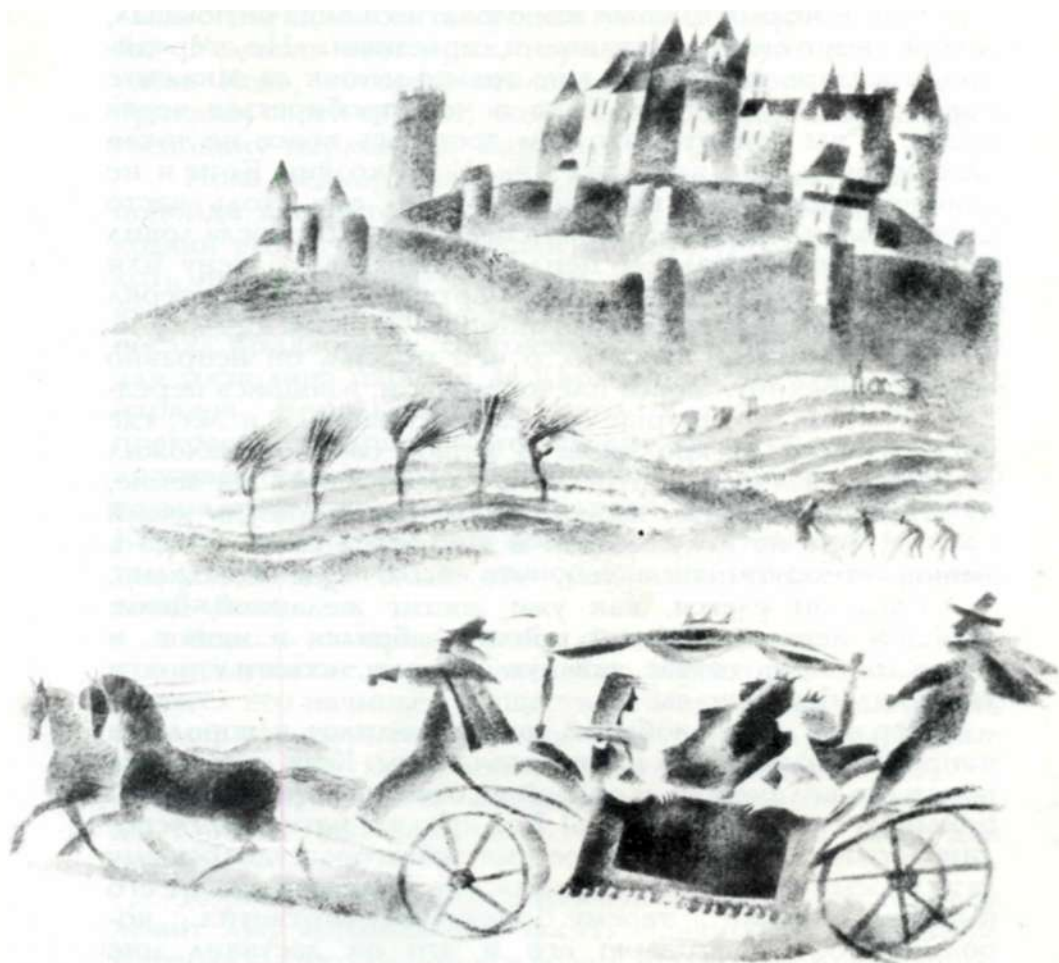

ИНАЯ МОРАЛЬ

*Коль в голове умишко есть,
Чтоб тарабарщину растолковать мирскую,
Поймешь легко — историю такую
Лишь в сказке можем мы прочесть.
Мужей свирепых нет на свете ныне:
Запретов нет таких в помине.
Муж нынешний, хоть с ревностью знаком,
Юлит вокруг жены влюбленным петушком,
А борода его будь даже пегой масти,
Никак не разберешь —
она-то в чьей же власти?*

ГОСПОДИН КОТ, ИЛИ КОТ В САПОГАХ

Один мельник в наследство своим трем сыновьям оставил всего-навсего мельницу, осла и кота. Наследство делили недолго, — не звали ни нотариуса, ни адвоката: те быстро съели бы все скудное наследство. Старшему досталась мельница, среднему достался осел, а младшему всего только кот. Младший не мог утешиться, что получил такую жалкую долю: «Братья мои, — говорил он, — могут честно зарабатывать себе на жизнь, если соединят свое имущество; а мне, когда я съем моего кота, а из его шкуры сделаю себе муфту, придется умереть с голода».

Кот, который слышал эти слова, но и вида не показал, молвил ему тоном степенным и серьезным: «Не огорчайтесь, государь мой; дайте мне только мешок да закажите пару сапог, чтобы мне было в чем пробираться через кусты, и вы увидите, что вам досталась вовсе не такая жалкая доля, как вам кажется». Хотя хозяин Кота и не слишком полагался на эти речи, но ему столь часто случалось видеть, какую прыть проявлял Кот, когда ловил крыс и мышей, как он цеплялся лапами за стену или прятался в муке, притворяясь мертвым, что он не терял надежды дожидаться от него помощи в своей беде.

Когда Кот получил то, о чем просил, он исправно обулся, перекинул через плечо мешок и, взявшись передними лапами за шнурки от него, отправился в лес, где водилось немало кроликов. В мешок свой он наложил отрубей и заячьей капустки и, растянувшись на земле, будто мертвый, стал ждать, чтобы какой-нибудь юный кролик, еще не искушенный в хитростях света, залез в мешок — полакомиться тем, что было туда положено.

Едва он улегся, как уже достиг желанной цели: молодой легкомысленный кролик забрался в мешок, и господин Кот, тотчас затянув шнурки, схватил его и умертвил без пощады.

Гордый своей добычей, он отправился к королю и попросил разрешения повидаться с ним. Кота впустили в покои его величества, и он, войдя, отвесил королю низкий поклон и сказал: «Государь! Вот кролик, которого господин маркиз де Караба (такое имя заблагорассудилось ему дать своему господину) поручил мне поднести вам от его имени». — «Скажи твоему господину, — ответил король, — что я благодарю его и что он доставил мне удовольствие».

В другой раз Кот спрятался в поле, среди колосьев, опять держа мешок открытым, а когда в него попали две куропатки, он затянул шнурки и захватил их обеих. Затем пошел к королю, которому поднес их, как прошлый раз кролика. Король с таким же «удовольствием» принял куропаток и велел дать Коту на водку.

Так целых два или три месяца Кот время от времени продолжал носить королю дичь, убитую на охоте его хозяином. Однажды, узнав, что король собирается ехать на прогулку вдоль берега реки вместе со своей дочерью, принцессой, прекраснее которой нет на свете, он сказал своему хозяину: «Если вы послушаетесь моего совета, ваше будущее обеспечено; вам надобно только пойти сегодня на реку — искупаться в том месте, где я вам укажу, а во всем остальном положитесь на меня».

Маркиз де Караба сделал то, что советовал ему Кот, сам не зная, какая от того ему будет выгода. Он купался, а мимо проезжал король, и Кот закричал что было мочи:

«Помогите! Помогите! Тонет господин маркиз де Караба!» Услышав этот крик, король выглянул из кареты и, узнав Кота, который столько раз приносил ему дичь, приказал своей страже, чтобы они поспешили на помощь господину маркизу де Караба.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, Кот, подойдя к карете, сказал королю, что, в то время как хозяин его купался, пришли воры и унесли его платье, хоть он и кричал изо всей силы: «Воры! Воры!»; платье же этот плут спрятал под большим камнем. Король тотчас же послал придворных, состоящих при гардеробе, принести для господина маркиза де Караба один из лучших своих нарядов. Король обласкал его, а так как благодаря прекрасному наряду, который ему дали, он казался еще красивее (ведь он был хорош собою и хорошо сложен), то весьма приглянулся дочери короля, и не успел маркиз де Караба два или три раза весьма почтительно, но вместе с тем и нежно взглянуть на нее, как она без памяти в него влюбилась.

Король пожелал, чтобы он сел к нему в карету и принял участие в прогулке. Кот в восторге оттого, что замысел его начинает осуществляться, побежал дальше и, увидев крестьян, которые косили луг, сказал им: «Добрые люди, косари! Если вы не скажете королю, что луг, который вы косите, принадлежит господину маркизу де Караба, вас всех мелко искрошат, как мясо для пирога».

Король не преминул спросить косарей, кому принадлежит луг, который они косят. «Господину маркизу де Караба», — сказали они все разом, ибо угроза Кота напугала их. «Прекрасное у вас поместье», — сказал король маркизу де Караба. «Не правда ли, государь? — сказал маркиз. — С этого луга всякий год собирают очень много сена».

Господин Кот, по-прежнему бежавший впереди, увидел жнецов и сказал им: «Добрые люди, жнецы! Если вы не скажете, что все эти поля принадлежат господину маркизу де Караба, вас всех мелко искрошат, как мясо для пирога». Король, проезжавший здесь минуту спустя, захотел узнать, кому принадлежат все эти поля. «Господину маркизу де Караба», — ответили жнецы, и король снова поразился вместе с маркизом. Кот, все время бежавший впереди, говорил то же самое всем тем, кого встречал, и король удивлялся, сколь обширны владения маркиза де Караба.

Наконец господин Кот попал в великолепный замок, хозяин которого был людоед, самый богатый в мире, ибо все те земли, где проезжал король, принадлежали ему. Кот

позаботился разузнать, кто такой этот людоед и что он умеет делать, и, попросив позволения поговорить с ним, сказал, что не мог пройти так близко от этого замка, не засвидетельствовав почтение хозяину.

Людоед принял Кота со всей учтивостью, на какую способны людоеды, и предложил ему отдохнуть. «Меня уверяли, — сказал Кот, — будто вы обладаете способностью превращаться в самых разных зверей, что, например, вы можете превратиться в льва, в слона». — «Сущая правда, — резко ответил людоед, — а чтобы показать вам это, я на ваших же глазах превращусь в льва». Увидев льва, Кот так испугался, что сразу же взобрался на кровельный желоб, не без труда и не без риска, так как сапоги его совсем не годились для того, чтобы ходить в них по черепицам.

Немного погодя Кот, увидев, что людоед принял свой прежний образ, спустился с крыши и признался, что натерпелся страху. «Меня также уверяли, — сказал Кот, — но я не могу поверить, будто вы можете превратиться в самого маленького зверька, например, в крысу или в мышку; сознаюсь вам, что считаю это совершенно невозможным». — «Невозможным? — переспросил людоед. — Вот сейчас увидите!» И он тут же превратился в мышку, которая стала бегать по полу. Кот, едва только увидел ее, бросился на нее и съел.

Между тем король, проезжая мимо и увидев великолепный замок людоеда, пожелал заехать туда. Кот, услышав стук кареты, катившейся по подъемному мосту, выбежал навстречу и сказал королю: «Ваше величество, милости просим в замок маркиза де Караба!» — «Как, господин маркиз, — воскликнул король, — этот замок тоже принадлежит вам? Ничего не может быть прекраснее, чем этот двор и все эти строения, что окружают его. Нельзя ли осмотреть их и внутри?»

Маркиз подал руку молодой принцессе, и, следуя за королем, который вошел первым, они вступили в большую залу, где нашли роскошный завтрак, приготовленный людоедом для своих друзей, которые должны были навестить его в тот день, но не решились войти в замок, узнав, что там король. Король, восхищенный приятными качествами маркиза, от которого и дочь была без ума, увидев его великие богатства, сказал ему, после того как сделал пять или шесть глотков вина: «Дело только за вами, господин маркиз, если вы хотите стать моим зятем». Маркиз, низко кланяясь, благодарил за честь, которой удостоил его король, и в тот же день женился на принцессе. Кот стал большим вельможей, а мышей с той поры ловил только для забавы.

МОРАЛЬ

*Премило украшает детство
Довольно крупное наследство,
Сынку врученное отцом.
Но кто наследует умелость
И обходительность и смелость —
Вернее будет молодцом.*

ИНАЯ МОРАЛЬ

*Коль мельников сынок с отменной быстротою,
Пленясь девицей не простою,
Смог сердце гордое ее завоевать, —
Понятно всем: богатством, красотю
И молодостью золотою
Любовь ответную легко наколдовать.*

ВОШЕБНИЦЫ

Жила когда-то вдова, у которой было две дочери: старшая так была похожа на нее нравом и лицом, что всякий, кто видел ее, как бы видел перед собой и ее мать. И мать и дочь были обе такие противные и такие надменные, что никак нельзя было с ними ладить. Младшая, которая кротостью и добронравием всецело походила на отца, была к тому же одной из самых красивых девушек, каких когда-либо случалось видеть. А так как всякий, разумеется, любит подобного себе, то мать была без ума от своей старшей дочери, а к младшей чувствовала

страшную неприязнь. Есть она позволяла ей только на кухне и заставляла ее непрестанно работать.

Эта бедная девушка, в числе прочих своих обязанностей, должна была два раза в день ходить к роднику, за полмили от дома, и приносить большой кувшин воды. Однажды, когда она стояла у родника, к ней подошла нищая и попросила дать ей напиться. «Вот, бабушка, пожалуйста», — сказала ей красавица девушка и, сразу же сполоснув кувшин и зачерпнув самой свежей воды, протянула ей, все время поддерживая его, чтобы нищей удобнее было пить. Женщина напилась и сказала: «Вы такая красивая, такая добрая и учтивая, что я не могу не наделить вас волшебным даром. (Ибо то была волшебница, принявшая образ бедной крестьянки, чтобы испытать добронравие девушки.) Этот дар, — продолжала волшебница, — будет состоять в том, что при каждом слове, которое вам случится сказать, из ваших уст будет падать либо цветок, либо драгоценный камень».

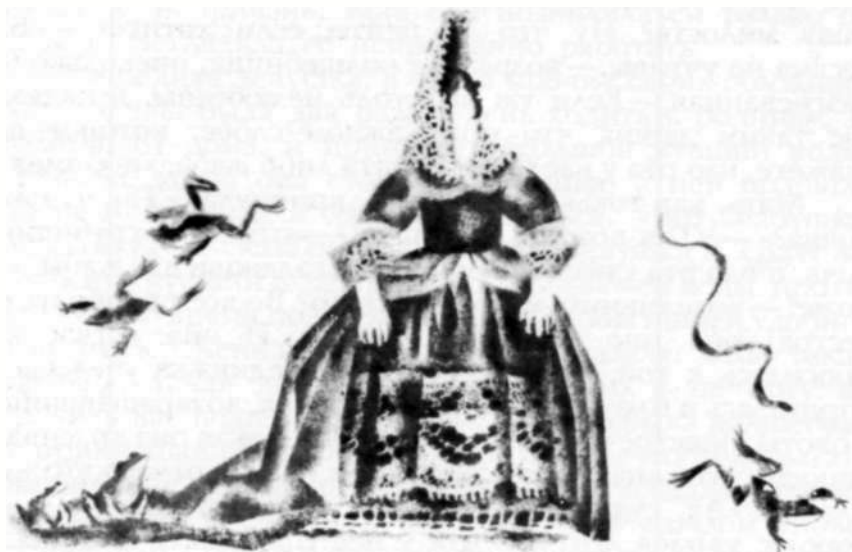
Когда красавица пришла домой, мать выбрала ее за то, что она так долго не возвращалась. «Простите, матушка, что я так замешкалась», — отвечала бедняжка, а когда она произнесла эти слова, из уст ее упали две розы, две жемчужины и два больших алмаза. «Что это? — сказала удивленная мать. — Изо рта у ней как будто сыплются жемчужины и брильянты. Как же это так, дочь моя?» (Она в первый раз сказала ей «дочь моя».) Бедная девушка простодушно рассказала ей все, что с ней случилось, не преминув насыпать несчетное множество алмазов. «Правда, — сказала мать, — надо мне будет послать туда и другую дочку. Вот, Фаншон, смотрите-ка, что у вашей сестры падает изо рта, когда она говорит. Разве не приятно было бы и вам иметь такой дар? Вам стоит лишь пойти к колодцу за водой, а когда нищая попросит у вас напиться, со всей учтивостью напоить ее». — «Стану я ходить к роднику за водой!» — надменно ответила грубиянка дочь. — «Я хочу, чтобы вы пошли туда, и тотчас же», — ответила мать.

Дочь пошла, продолжая ворчать. Она взяла с собой самый красивый серебряный сосуд, какой был в доме. Не успела она дойти до родника, как из лесу вышла пышно одетая дама, которая подошла к ней и попросила напиться. Это была та же самая волшебница, что явилась ее сестре, но на этот раз она оделась как принцесса, чтобы испытать, до каких пределов простирается злонравие этой особы. «Уж не для того ли я пришла сюда, — сказала заносчивая и невоспитанная девица, — чтобы подавать

вам воду? И серебряный кувшин несла, чтобы напоить вашу милость? Ну что ж, пейте, если хотите». — «Вы весьма не учтивы, — возразила волшебница, нисколько не разгневанная. — Если уж вы столь нелюбезны, я наделю вас таким даром, что при каждом слове, которое вы скажете, изо рта у вас будет падать либо жаба, либо змея».

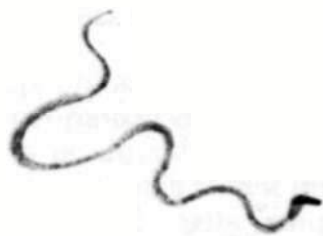
Мать, как только увидела ее, крикнула: «Так что же, дочка?» — «Так вот что, матушка!» — ответила грубиянка дочь, и изо рта у нее выскочили две гадюки и две жабы. «О боже! — воскликнула мать. — Что это? Во всем виновата ее сестра; она мне за это заплатит». И она тотчас же бросилась к той, чтоб ее прибить. Бедняжка убежала и спряталась в ближнем лесу. Сын короля, возвращавшийся с охоты, повстречался с ней и, увидев, какая она красивая, спросил, что она тут делает совсем одна и отчего это она плачет. «Ах, сударь! Мать выгнала меня из дому». Сын короля, увидев, что изо рта у нее упало пять или шесть жемчужин и столько же брильянтов, попросил ее объяснить, в чем тут дело. Она рассказала ему свою историю. Сын короля влюбился в нее и, рассудив, что подобный дар стоит большего, чем любое приданое, увез ее во дворец своего отца и женился там на ней.

А сестра ее всем была так ненавистна, что даже мать прогнала ее, и несчастная, которую никто не хотел приютить, сколько она ни скиталась, умерла где-то в лесу.

МОРАЛЬ

*Хотя высоко ценят в свете
Звон золота и серебра,
Дороже, чем металлы эти,
Сокровище речей, исполненных добра.*

ИНАЯ МОРАЛЬ

*Учтивым хлопотливо быть,
Но, угождая добрым людям,
Мы получать тогда награды будем,
Когда про самый труд успеем позабыть.*

ЗОЛУШКА, ИЛИ ТУФЕЛЬКА, ОТОРОЧЕННАЯ МЕХОМ

Жил когда-то дворянин, который женился вторым браком на женщине столь надменной и столь гордой, что другой такой не было на свете. У нее были две дочери, такого же нрава и во всем походившие на нее. И у мужа тоже была дочь, но только кротости и доброты беспримерной — эти качества она унаследовала от своей матери, прекраснейшей женщины.

Не успели сыграть свадьбу, как мачеха уже дала волю своему злему нраву: ей были несносны добрые качества этой девочки, из-за которых ее родные дочери всем

казались еще более противными. Она поручила ей в доме самую грязную работу: падчерица мыла посуду и подметала лестницу, натирала полы в комнате хозяйки и ее дочерей — благородных девиц; спала она под самой крышей, на чердаке, на скверной подстилке, меж тем как сестры ее жили в комнатах с паркетными полами, где стояли самые модные кровати и большие зеркала, отражавшие их с головы до ног. Бедная девушка терпеливо сносила все и не смела жаловаться отцу, который выбрал бы ее, ибо находился в полном подчинении у жены.

Справив работу, она забивалась в уголок камина, садилась прямо в золу, отчего домашние называли ее обычно Замарашкой. Младшая сестра, не такая злая, называла ее Золушкой. Между тем Золушка, хоть и носила скверное платье, была во сто раз красивее, чем ее сестры, щеголявшие великолепными нарядами.

Однажды сын короля решил дать бал и пригласил на него всех знатных особ. Получили приглашение и обе наши девицы, ибо они пользовались почетом в крае. Они очень обрадовались, и все их мысли были только о том, как бы выбрать к лицу платье да прическу. Золушке — новые заботы: ведь это она гладила для сестер белье и крахмалила рукавички. Только и речи было, что о нарядах. «Я, — сказала старшая, — я надену красное бархатное платье с кружевной отделкой». — «А я, — сказала младшая, — я буду в простой юбке, да зато надену мантилью с золотыми цветами и брильянтовой убор, а такой убор не всюду найдется». Послали за мастерицей-искусницей, чтобы она приладила им чепчики с двойной оборкой, и купили мушек. Сестры позвали Золушку — спросить ее мнение: ведь у нее был хороший вкус. Золушка дала им самые добрые советы и даже предложила сестрам причесать их, на что они согласились.

Пока она причесывала их, они ей говорили: «Золушка, тебе приятно было бы поехать на бал?» — «Ах, сударыни, вы надо мной смеетесь; это мне не пристало!» — «Да, правда, люди стали бы смеяться, если бы Замарашка поехала на бал».

Другая бы испортила им прическу, но Золушка была добрая, она причесала их как нельзя лучше. Сестры почти два дня ничего не ели — в таком пребывали они восторге. Пришлось изорвать больше дюжины шнурков, затягивая их, чтобы талии стали у них потоньше, а сами они все время стояли перед зеркалом.

Наконец счастливый день наступил; сестры уехали, и Золушка долго провожала их глазами. Когда их уже не стало видно, она заплакала. Крестная мать, увидевшая ее в слезах, спросила, что с ней. «Мне хочется... мне хочется...» Она плакала так горько, что не могла договорить до

конца. Крестная мать, которая была волшебница, сказала ей: «Тебе хочется на бал — ведь так?» — «Ах, да», — со вздохом сказала Золушка. — «Будешь умницей? — спросила ее крестная. — Я сделаю так, что ты попадешь на бал». Она отвела Золушку к себе и сказала: «Пойди в сад и принеси мне тыкву». Золушка тотчас отправилась в сад, сорвала самую лучшую тыкву и отнесла ее крестной, а сама и не догадывалась, как это ей тыква поможет попасть на бал. Крестная вычистила тыкву и, оставив лишь корку, ударила ее своей палочкой — тыква тотчас превратилась в прекрасную золоченую карету.

Потом она пошла взглянуть на мышеловку, в которой оказалось шесть мышей, еще живых. Она велела Золушке приотворить дверку, а когда мышки начали выбегать оттуда, она каждой из них коснулась своей палочкой, и каждая мышка превратилась в прекрасную лошадь, так что получилась отличная упряжка в шесть лошадей, серых в яблоках.

Волшебница не знала, из чего ей сделать кучера, но Золушка молвила: «Пойду посмотрю, нет ли в крысоловке крысы, мы из нее сделаем кучера». — «Ты правильно придумала, — сказала крестная, — поди посмотри». Золушка принесла ей крысоловку, в которой были три большие крысы. Волшебница взяла одну из них, ту, у которой были огромные усы, и, прикоснувшись к ней, превратила ее в толстого кучера с отличнейшими усами, какие только бывают на свете.

Потом она сказала Золушке: «Пойди в сад, там за лейкой ты увидишь ящериц. Принеси их мне». Не успела Золушка их принести, как крестная уже превратила их в шесть лакеев, которые тотчас же стали на запятки; все в пестрых нарядах, они стояли так, словно всю свою жизнь не знали другого дела.

Тогда волшебница сказала Золушке: «Ну что же? Вот теперь ты можешь ехать на бал. Довольна ты?» — «Да. Но разве можно мне ехать в этом скверном платье?» Крестная только дотронулась до нее своею палочкой, и тотчас же платье ее превратилось в наряд, вышитый золотом и серебром и весь усеянный драгоценными камнями; потом она дала ей пару туфельек, отороченных мехом, таких красивых, что красивее и не бывает. Нарядившись таким образом, Золушка села в карету; но крестная наказала ей ни за что не оставаться на балу дольше полуночи и предупредила ее, что, если она там пробудет одну лишнюю минуту, карета ее снова обратится в тыкву, лакеи в ящериц и что ее старое платье примет свой прежний вид.

Золушка обещала крестной, что непременно до полуночи уедет с бала. Вот она едет вне себя от радости. Королевский сын, которому сообщили, что приехала

какая-то знатная принцесса, никому не известная, поспешил встретить ее. Он подал ей руку, когда она выходила из кареты, и ввел ее в залу, где были гости. Воцарилось глубокое молчание, прекратились танцы и замолчали скрипки, — такое внимание привлекла к себе невиданная красота незнакомки. Слышен был только смутный гул восклицаний: «Ах! Как прекрасна!» Даже сам король, хоть он и был очень стар, все время глядел на нее и шепотом говорил королеве, что давно уже не видал такой милой и красивой особы. Все дамы пристально разглядывали ее головной убор и ее платье, чтобы завтра же обзавестись подобными нарядами, если только окажется такая прекрасная материя и найдутся столь искусные мастера.

Королевский сын усадил ее на самое почетное место, а потом повел танцевать. Танцевала она так мило, что гости еще больше восхитились. Подали превосходное угощение, к которому королевский сын и не притронулся — настолько он был занят своею дамой. Она пошла, села рядом со своими сестрами и осыпала их любезностями; она поделилась с ними апельсинами и лимонами, которые дал ей принц, и это весьма удивило их, ибо они вовсе не были с ней знакомы.

Золушка услышала, как бьет три четверти двенадцатого; она низко присела, прощаясь с гостями, и как можно скорее уехала домой. Вернувшись, она первым делом пошла к крестной, поблагодарила ее, а потом сказала, что ей хотелось бы и завтра поехать на бал, так как сын короля просил ее об этом. Пока она рассказывала крестной обо всем, что было на балу, в дверь постучались сестры. Золушка пошла отворить им. «Как вы долго!» — сказала она им, зевая, протирая глаза и потягиваясь, как будто проснулась только сейчас, а между тем ей все это время вовсе не хотелось спать. «Если бы ты была на балу, — сказала ей одна из сестер, — ты бы не скучала: там была принцесса-красавица, уж такая красавица, что другой такой нет на свете; она была очень любезна с нами, угостила апельсинами и лимонами».

Золушка была вне себя от радости; она спросила их, как зовут эту принцессу, но они ответили, что ее никто не знает, что королевского сына это очень печалит и что он ничего не пожалеет, лишь бы узнать, кто она. Золушка улыбнулась и сказала им: «Так вот как, — она, значит, очень красивая? Ах, боже мой, какие вы счастливицы! Нельзя ли было бы и мне взглянуть на нее? Ах, мадемуазель Жавотта, позвольте мне надеть желтое платье, которое вы носите по будням». — «Право же, это мне нравится! — сказала Жавотта. — Извольте-ка эдакой гадкой Золушке дать свое платье! Я не такая уж глупая!» Золушка и ждала этого ответа и была очень довольна: ведь она оказалась бы в

великом затруднении, если бы сестра согласилась дать ей свое платье.

На другой день сестры поехали на бал, и Золушка — тоже, но только еще более нарядная, чем накануне. Королевский сын не отходил от нее ни на минуту и не переставая говорил ей нежные слова. Юная девица не скучала и не думала о том, что наказала ей крестная, как вдруг услышала, что часы начали бить полночь, а она-то думала, что еще нет и одиннадцати; она поднялась и побежала, легкая как лань. Принц бросился за ней, но не смог нагнать. Убегая, она уронила с ноги одну из туфельек, отороченных мехом, и принц заботливо поднял туфельку. Золушка вернулась домой, запыхавшаяся, без кареты, без лакеев, в своем гадком платье; от всего великолепия ей не осталось ничего, кроме одной туфельки — под пару той, которую она уронила. У дворцовых привратников спросили, не видали ли они, как уезжала принцесса; они ответили, что никто не выходил из дворца, кроме молоденькой девушки, одетой весьма плохо и скорее походившей на крестьянку, чем на благородную девицу.

Когда сестры вернулись с бала, Золушка спросила их, хорошо ли они повеселились на этот раз и была ли там вчерашняя красавица; они ответили, что была, но, когда пробило двенадцать, убежала, да так поспешно, что уронила одну из своих туфельек, отороченных мехом, — просто прелесть! — и что королевский сын поднял туфельку и до конца бала только на нее и глядел, и что, наверно, он влюблен в прекрасную особу, которой принадлежит туфелька.

То была правда: всего несколько дней спустя королевский сын велел глашатаям под звуки труб оповестить народ, что он женится на той, кому туфелька придется впору. Стали примерять ее принцессам, потом герцогиням и всем придворным дамам, но напрасно. Пришли с туфелькой и к двум сестрам, которые что было мочи пытались втиснуть ногу в туфельку, но это у них никак не выходило. Золушка, глядевшая на них и узнавшая свою туфлю, засмеялась и сказала: «Дайте-ка я посмотрю — не будет ли она мне впору». Сестры захохотали и стали над ней насмехаться. Дворянин, примерявший туфельку, пристально взглянул на Золушку и, заметив, какая она красивая, сказал, что так и надо и что ему приказано примерять туфельку всем девушкам. Он усадил Золушку и, поднеся туфлю к ее ножке, увидел, что она без труда входит в нее и что туфелька сделана словно по мерке. Велико было удивление сестер, но оно еще более усилилось, когда Золушка вынула из кармана другую туфельку и тоже ее надела. И тогда явилась крестная и, дотронувшись палочкой до платья Золушки, превратила его в наряд еще

более великолепный, чем те, что она надевала прошлые разы.

Тут сестры признали в ней красавицу, которую видели на балу. Они бросились к ее ногам, умоляя простить дурное обращение, которое она терпела от них. Золушка подняла их с колен и, обняв, сказала, что от всего сердца их прощает. В том же наряде повели ее к молодому принцу. Она показалась ему еще более прекрасной, и через несколько дней он на ней женился. Золушка, доброта которой могла сравниться лишь с ее красотой, поселила сестер своих во дворце и в тот же день выдала замуж за двух знатных придворных.

МОРАЛЬ

*Бесспорно, красота для женщин суций клад;
Все неустанно хвалят вид пригожий,
Но вещь бесценная — да нет, еще дороже! —
Изящество, сказать иначе: лад.
Коль фея-кумушка малютку Сандрильону
Поставила и обучила так,
Что заслужила Золушке корону,
Уж значит, эта сказка — не пустяк.
Красотки, есть дары нарядов всех ценнее;
Но покорять сердца возможно лишь одним —
Изяществом, любезным даром феи:
Ни шагу без него, но хоть на царство с ним.*

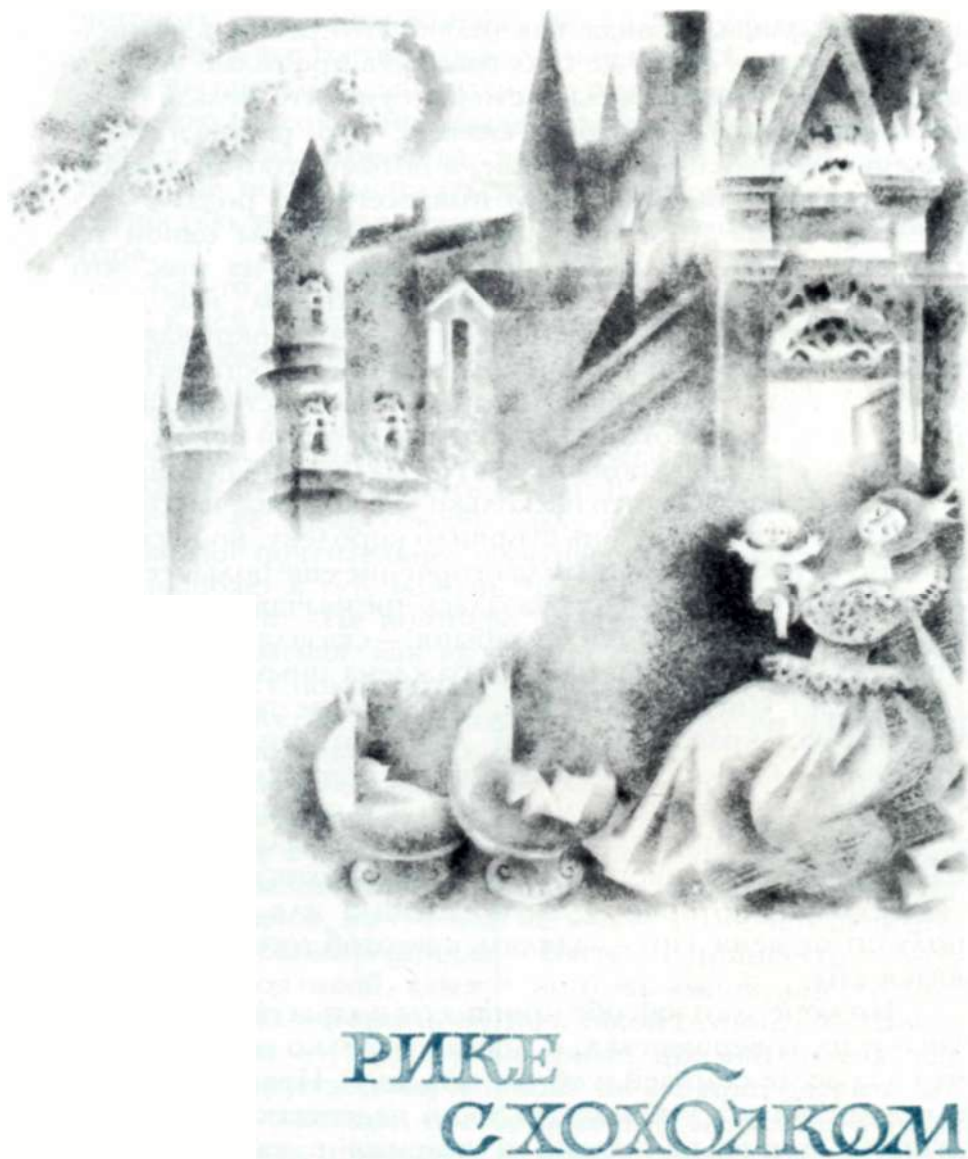

ИНАЯ МОРАЛЬ

*Чего уж лучше, знаем, сами,
Слыть мудрецами, храбрецами,
Роскошней быть, чем первый фронт,
Иметь какой-нибудь талант,
Определенный небесами.
Все это можно заслужить,
Но лучшие дары пребудут бесполезны,
Пока не вздумает за нас поворожить
Хоть кумушка, хоть куманек любезный...*

РИКЕ С ХОХОЯКОМ

Жила когда-то королева, у которой родился сын, такой безобразный и столь дурно сложенный, что долгое время сомневались — человек ли он. Волшебница, присутствовавшая при его рождении, уверяла, что он все-таки будет премил, так как будет весьма умен; она даже прибавила, что благодаря особому дару, полученному им от нее, он сможет наделить своим умом ту особу, которую полюбит более всего на свете.

Это несколько утешило бедную королеву, которая весьма была огорчена тем, что родила на свет такого

гадкого малыша. Правда, как только этот ребенок научился лепетать, он сразу же стал говорить премилые вещи, а во всех его поступках было столько ума, что нельзя было не восхищаться. Я забыл сказать, что родился он с маленьким хохолком на голове, а потому его и прозвали: Рике с хохолком. Рике было имя всего его рода.

Лет через семь или восемь у королевы одной из соседних стран родились две дочери. Та из них, что первой появилась на свет, была прекрасна как день; королеве это было столь приятно, что окружающие опасались, как бы ей от слишком сильной радости не стало худо. Та самая волшебница, которая присутствовала при рождении Рике с хохолком, находилась и при ней и, дабы ослабить ее радость, объявила, что у маленькой принцессы вовсе не будет ума и что насколько она красива, настолько же будет глупа. Это очень огорчило королеву, но несколько минут спустя она испытала огорчение еще большее: она родила вторую дочь, и та оказалась чрезвычайно некрасивой. «Не убивайтесь так, сударыня, — сказала ей волшебница, — ваша дочь будет вознаграждена иными качествами, и будет у нее столько ума, что люди не заметят в ней недостатка красоты». — «Дай бог, — ответила королева, — но нельзя ли сделать так, чтобы старшая, такая красивая, стала немного поумнее?» — «Что до ума, сударыня, я ничего не могу для нее сделать, — сказала волшебница, — но я все могу, когда дело идет о красоте, а так как нет такой вещи, которой я бы не сделала для вас, то она получит от меня дар — наделять красотой того, кто понаравится ей».

По мере того как обе принцессы подрастали, умножались и их совершенства, и повсюду только и было речи, что о красоте старшей и об уме младшей. Правда и то, что с годами весьма усиливались и их недостатки. Младшая дурнела прямо на глазах, а старшая с каждым днем становилась все глупее. Она или ничего не отвечала, когда ее о чем-либо спрашивали, или говорила глупости. К тому же она была такая неловкая, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то половину стакана всегда выливала себе на платье.

Хотя красота — великое достоинство в молодой особе, все же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, чтоб поглядеть на нее, полюбоваться ею, но вскоре все шло к той, которая была умна, потому что ее приятно было слушать; можно было только удивляться, что уже через

четверть часа, даже раньше, никого не оставалось подле старшей, а все гости окружали младшую. Старшая, хоть и была весьма глупа, замечала это и не пожалела бы отдать всю свою красоту, лишь бы наполовину быть такой умной, как ее сестра. Королева, как ни была разумна, все же порой не могла удержаться, чтоб не попрекнуть дочь ее глупостью, и бедная принцесса чуть не умирала от этого с горя.

Как-то раз в лесу, куда она пошла поплакать о своей беде, к ней подошел человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем, весьма пышно. Это был молодой принц Рике с хохолком: влюбившись в нее по портретам, которые распространены были во всем мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать ее и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил ее здесь совсем одну, он подошел к ней как только мог почтительнее и учтивее. Он приветствовал ее как подобает и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей: «Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальной; хоть я и могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, все же, надо сказать, не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу».

«Вы так любезны, сударь», — ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать. «Красота, — продолжал Рике с хохолком, — столь великое благо, что она все остальное сможет нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас». — «Я бы предпочла, — сказала принцесса, — быть столь же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но и такой глупой». — «Ничто, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль о его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его недостает». — «Не знаю, — сказала принцесса, — знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль». — «Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали». — «А как вы это сделаете?» — сказала принцесса. — «В моей власти, сударыня, — сказал Рике с хохолком, — наделить всем моим умом ту особу, которую я люблю более всего на свете; а так как эта особа — вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать такой умной, какой только можно быть, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня».

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила. «Вижу, — сказал Рике с хохолком, — что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам срок целый

год, чтобы вы могли принять решение». Принцессе настолько не хватало ума, и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конца; и она тут же приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж ровно через год, как почувствовала себя совсем иною, нежели раньше; теперь она с поразительной легкостью могла говорить все, что хотела, и говорить умно, непринужденно и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и легкий разговор и с таким блеском проявила в нем свой ум, что Рике с хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, придворные не знали, что и подумать о таком внезапном и необыкновенном превращении; насколько прежде все привыкли слышать от нее одни только глупости, настолько теперь удивлялись ее здравым и бесконечно остроумным речам. Весь двор был так обрадован, что и представить себе нельзя; только младшая сестра осталась не очень этим довольна, потому что, уже не превосходя теперь умом своей сестры, она рядом с нею казалась всего лишь противным уродом.

Король стал слушаться советов старшей дочери и нередко в ее покоях совещался о делах. Так как слух об этой перемене распространился повсюду, то молодые принцы из всех соседних королевств стали пытаться заслужить ее любовь, и почти все просили ее руки; но ни один из них не казался ей достаточно умным, и она выслушивала их, никому ничего не обещая. Но вот к ней явился принц столь могущественный, столь богатый, столь умный и столь красивый, что принцесса не могла не почувствовать к нему расположения. Отец ее, заметив это, сказал ей, что предоставляет ей выбрать жениха и что решение зависит только от нее. Чем умнее человек, тем труднее принять решение в таком деле, а потому, поблагодарив своего отца, она попросила его дать ей время на размышление.

Случайно она пошла гулять в тот самый лес, где встретила принца Рике, чтобы на свободе подумать о том, что ей предпринять. Гуляя там в глубокой задумчивости, она вдруг услышала глухой шум под ногами, как будто какие-то люди ходят, бегают, суетятся. Внимательно прислушавшись, она разобрала слова; кто-то говорил: «Принеси мне этот котелок», а кто-то другой: «Поддай мне тот котелок», а третий: «Подложи дров в огонь». В тот же миг земля разверзлась, и у себя под ногами принцесса увидела большую кухню, которую наполняли повара,

поварята и всякого рода люди, нужные для того, чтобы приготовить роскошный пир. От них отделилась толпа человек в двадцать или тридцать; то были вертельщики, они направились в одну из аллей, расположились там вокруг длинного стола и, со шпиговальными иглами в руках, в шапках с лисьими хвостиками на головах, дружно принялись за работу, напевая благозвучную песню. Принцесса, удивленная этим зрелищем, спросила их, для кого они трудятся. «Это, сударыня, — отвечал самый видный из них, — это для принца Рике, завтра его свадьба». Принцесса, удивившись еще больше и вспомнив вдруг, что сегодня исполнился год с того дня, как она обещала выйти замуж за принца Рике, еле устояла на ногах. Не помнила она об этом оттого, что, давая обещание, была еще дурой, а получив от принца ум, который он ей подарил, забыла все свои глупости.

Не успела она пройти и тридцати шагов, продолжая прогулку, как перед ней предстал Рике с хохолком, исполненный отваги, в великолепном наряде и в самом деле как принц, готовящийся к свадьбе. «Вы видите, сударыня, — сказал он, — я свято сдержал слово и не сомневаюсь, что вы тоже пришли сюда затем, чтобы исполнить ваше обещание и сделать меня самым счастливым среди людей, отдав мне вашу руку». — «Признаюсь вам откровенно, — ответила принцесса, — я еще не приняла решения и не думаю, что когда-нибудь приму такое, какого хотелось бы вам». — «Вы удивляете меня, сударыня», — сказал ей Рике с хохолком. «Верю, — ответила принцесса, — и, конечно уж, если бы я имела дело с человеком грубым или глупым, то была бы в великом затруднении. «Слово принцессы свято, — сказал бы он мне, — и вы должны выйти за меня замуж, раз вы мне обещали», но я говорю с человеком самым умным во всем мире, а потому уверена, что вас удастся убедить. Вы знаете, что, когда я еще была дурой, я все-таки и тогда не решалась выйти за вас замуж, — так как же вы хотите, чтобы теперь, обладая умом, который вы мне дали и от которого я стала еще разборчивее, чем прежде, я приняла решение, какое не смогла принять даже и в ту пору? Если вы и вправду собирались на мне жениться, то напрасно избавили меня от моей глупости и во всем научили разбираться».

«Если глупому человеку, — возразил Рике с хохолком, — было бы позволено, как вы сейчас сказали, попрекать вас изменой вашему слову, то почему же мне, сударыня, вы не разрешаете поступить так же, когда дело идет о счастье моей жизни? Какой смысл в том, чтобы люди умные оказывались в худшем положении, чем те, у

которых вовсе нет ума? Вы ли это говорите, — вы, у которой столько ума и которая так хотела поумнеть? Но давайте вернемся к делу. Если не считать моего уродства, что не нравится вам во мне? Вы недовольны моим родом, моим умом, моим нравом, моим поведением?» — «Ничуть, — отвечала принцесса, — мне нравится в вас все то, что вы сейчас перечислили». — «Если так, — сказал Рикес хохолком, — я буду счастлив, потому что вы можете сделать меня самым приятным из смертных». — «Как это может быть?» — сказала ему принцесса. «Это будет, — ответил принц Рике, — если вы полюбите меня настолько, что этого пожелаете, а чтобы вы, сударыня, не сомневались, знайте: от той самой волшебницы, что в день моего рождения наградила меня волшебным даром и позволила наделить умом любого человека, какого мне заблагорассудится, вы тоже получили дар — вы можете сделать красавцем того, кого полюбите и кого захотите удостоить этой милости».

«Если так, — сказала принцесса, — я от души желаю, чтоб вы стали самым прекрасным и самым любезным принцем на всей земле, и, насколько это в моих силах, приношу вам в дар красоту».

Не успела принцесса произнести эти слова, как принц Рике превратился в самого красивого, самого стройного и самого любезного человека, какого ей случалось видеть. Иные уверяют, что чары волшебницы здесь были ни при чем, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, поразмыслив о постоянстве своего поклонника, его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо: горб его стал теперь придавать ему некую особую важность, в его ужасной хромоте она теперь видела лишь манеру склоняться чуть набок, и эта манера приводила ее в восторг. Они также говорят, будто глаза его казались ей еще более блестящими оттого, что были косы, будто в них она видела выражение страстной любви, а его большой красный нос приобрел для нее какие-то таинственные, даже геройские черты.

Как бы то ни было, принцесса обещала ему тотчас же выйти за него замуж, лишь бы он получил согласие ее отца. Король, узнав, сколь высоко его дочь ставит принца Рике, который к тому же был ему известен как принц весьма умный и рассудительный, был рад увидеть в нем своего зятя. Свадьбу отпраздновали на другой день, как и предвидел Рикес хохолком, и в полном согласии с приказаниями, которые он успел дать задолго до того.

МОРАЛЬ

*Из сказки следует одно,
Зато вернее самой верной были!
Все, что мы с вами полюбили,
Для нас прекрасно и умно.*

ИНАЯ МОРАЛЬ

*В иной предмет сама природа
Влила изящество и блеск такого рода,
Что — как соперничать искусству с ней?
Но сердца это все воспламенить не сможет,
Пока любовь тихонько не поможет
Незримою прикрасою своей.*

МАЛЬЧИК С ПАЗЬЧИК

Жил когда-то дровосек с женою, и было у них семеро детей, все мальчики; старшему исполнилось всего десять лет, а самому младшему—только семь. Быть может, и странно, что у дровосека за такое короткое время родилось столько детей, но жена его не мешкала и всякий раз приносила ему двойню.

Эти люди были очень бедные, и семеро их детей были для них большою обузой, потому что ни один из мальчиков еще не мог зарабатывать себе на жизнь. Огорчало их

еще и то, что младший был очень слабый и всегда молчал; они считали глупостью то, что на самом деле было признаком ума. Он был очень мал ростом, а когда родился на свет, то был не больше пальца, оттого-то его и стали называть Мальчик с пальчик.

Дома он от всех терпел обиды и всегда оказывался виноватым. Между тем он был самый смывленный и рассудительный из братьев, и если мало говорил, то много слушал.

Настала тяжелая пора, начался такой великий голод, что эти бедные люди решили отделаться от своих детей. Однажды вечером, когда мальчики уже улеглись, дровосек, у которого сердце сжималось от тоски, сказал жене, сидя с нею у огня: «Вот видишь, мы уже не можем прокормить наших детей; я не вынесу, если они умрут от голода у меня на глазах, и я решил отвести их завтра в лес и бросить там, а сделать это просто: пока они будут тешиться—вязать хворост, нам нужно только убежать так, чтоб они нас не увидели». — «Ах! — воскликнула жена дровосека. — Неужели ты сам поведешь и бросишь наших детей?» Напрасно муж говорил ей об их великой нищете, она не соглашалась: она была бедна, но она была им мать.

Однако, подумав о том, как больно ей будет смотреть на детей, умирающих от голода, она в конце концов согласилась и в слезах отошла ко сну.

Мальчик с пальчик слышал весь их разговор: он с постели услышал, как они заговорили о делах, тихонько встал и, чтобы не быть замеченным, забрался под скамейку, на которой сидел отец. Потом он снова лег и всю ночь не спал, раздумывая о том, как ему поступить. Встал он рано утром и пошел к ручью, где набрал полные карманы маленьких белых камешков, а потом вернулся домой. Собрались в путь, и Мальчик с пальчик ни слова не сказал своим братьям про то, что знал.

Они пошли в самую чащу леса, где за десять шагов уже не могли видеть друг друга. Дровосек стал рубить деревья, а дети—собирать хворост в вязанки. Отец и мать, зная, что дети заняты работой, украдкой отошли от них, а потом окольной тропинкой побежали прочь.

Дети, увидев, что остались одни, принялись что было мочи кричать и плакать. Мальчик с пальчик не мешал им кричать, он знал, каким путем им следует вернуться домой: пока они шли, он бросал вдоль дороги маленькие белые камешки, что были у него в кармане. И вот

он им сказал: «Не бойтесь, милые братцы, отец и мать оставили нас тут, но я доведу вас до дому: идите-ка за мной».

Они пошли за ним, и он привел их домой той самой дорогой, которой они пришли в лес. Они не решились войти сразу же и прикинули к двери, стараясь услышать, что говорят их родители.

Когда дровосек и его жена вернулись к себе, сеньор, что владел деревней, прислал им десять эку, которые уже давно был им должен и которых они уже не надеялись получить. Бедные люди сразу ожили — ведь они чуть было не умерли с голоду. Дровосек тотчас послал жену к мяснику. Так как они давно ничего не ели, то мяса она купила в три раза больше, чем надо было на ужин двоим. Когда они насытились, жена сказала: «Ах! Где-то теперь наши бедные дети? Им бы по вкусу пришлось то, что осталось от нашего ужина. Но ведь это ты, Гильом, захотел бросить их в лесу; я же говорила, что мы будем раскаиваться. Что они теперь делают там, в лесу? Ах, боже мой, может быть, волки уже съели их! Какой ты жестокий, что бросил своих детей!»

Дровосек потерял наконец терпение: она раз двадцать, не меньше, повторила ему, что он будет раскаиваться и что она ведь это говорила. Он пригрозил, что прибьет ее, если она не замолчит. Нельзя сказать, чтобы дровосек не досадовал на себя, и чуть ли даже не больше, чем его жена; но ведь она не давала ему покоя, а он был такого же нрава, как и многие другие мужчины, которые любят женщин, умеющих говорить правду, но считают несносными тех, кто всегда бывает прав.

Жена дровосека заливалась слезами: «Ах! Где-то теперь мои дети, бедные мои дети?» Повторив несколько раз эти слова, она произнесла их наконец так громко, что дети, стоявшие за дверью, услышали их и все разом закричали: «Здесь! Мы здесь!» Она побежала отворить им дверь и сказала, целуя их: «Как я рада, что опять вижу вас, милые мои дети! Вы очень устали, очень проголодались! А ты, Пьеро, весь в грязи! Поди ко мне, я тебя обчищу».

Этот Пьеро был ее старший сын, которого она любила больше всех остальных, потому что волосы у него были рыжеватые, как и у нее.

Дети сели за стол и с таким удовольствием принялись за еду, что порадовали сердца своих родителей, которым они все разом рассказывали о том, как им страшно было в лесу. Добрые люди были вне себя от радости, что видят

детей своих подле себя, и радость эта не иссякала до тех пор, пока не иссякли деньги. Но когда деньги были истрачены, они опять загоревали и снова решили бросить детей в лесу, а чтобы теперь уже не потерпеть неудачи, завести их гораздо дальше.

Нельзя им было, однако, поговорить об этом так, чтобы их не подслушал Мальчик с пальчик, который и на этот раз придумал, как выпутаться из беды; но хотя он и встал рано утром, чтоб пойти набрать камешков, ничего у него не вышло, так как дверь дома оказалась запертой крепко-накрепко. Он не знал, что теперь делать, но, когда мать каждому из детей дала по куску хлеба, ему пришло в голову, что хлеб может заменить камешки, если бросать крошки вдоль дороги, по которой они пойдут; и он спрятал в карман свой кусок хлеба.

Отец и мать отвели их в лес, в самую густую чащу, и бросили там, а сами сразу же свернули на окольную дорожку. Мальчик с пальчик не очень опечалился, потому что думал без труда найти дорогу по тем крошкам хлеба, которые он разбросал всюду, где проходил, но был немало удивлен, когда не смог найти ни единой крошки: прилетели птицы и все поклевали.

Тут мальчики впали в уныние: чем больше они блуждали, тем дальше углублялись в лес. Настала ночь, и поднялся сильный ветер, повергнувший их в неопиcуемый ужас. Им казалось, будто со всех сторон доносится вой волков, которые приближаются к ним, чтобы их съесть. Они едва решались промолвить слово или повернуть голову. Полил сильный дождь, который промочил их до нитки; на каждом шагу они скользили, падали в лужи, вставали перепачканные и не знали, куда девать грязные руки.

Мальчик с пальчик взобрался на верхушку дерева — посмотреть, не заметит ли что-нибудь вдаль; поглядев во все стороны, он увидел огонек, мерцавший, точно свечка, но только где-то очень далеко, за лесом. Мальчик с пальчик спустился с дерева, а спустившись, не увидел огонька, и это привело его в отчаяние. Однако он пошел вместе с братьями в ту сторону, где показался свет, и уже на краю леса опять увидел его.

Наконец они подошли к дому, в окне которого горела свеча; опять натерпелись они страху по дороге: ведь они теряли огонек из виду всякий раз, как спускались с холма в низину. Они постучались в дверь, и добрая женщина вышла им отворить. Она спросила, чего им надо. Мальчик с пальчик ответил ей, что они просят позволить им из

милости переночевать. Эта женщина, увидев, какие они все миленькие, заплакала и сказала: «Ах, бедные дети, куда вы пришли! Да знаете ли вы, что здесь дом Людоеда и что он ест маленьких детей?» — «Ах, сударыня, — ответил ей Мальчик с пальчик, дрожавший всем телом, так же как и его братья, — что нам делать? Уж волки в лесу непременно съедят нас этой ночью, если вы не захотите нас приютить, а коли так, то пусть уж лучше нас съест господин Людоед; может быть, он сжалится над нами, если только вы попросите его».

Жена Людоеда, подумав, что ей удастся скрыть их от мужа до завтрашнего утра, впустила детей и повела погреться у очага: целый баран жарился на вертеле — ужин для Людоеда.

Когда они уже начали отогреваться, в дверь с силой постучали три или четыре раза: это вернулся Людоед. Жена тотчас же спрятала их под кровать и пошла отворить ему. Людоед первым делом спросил, готов ли ужин и нацедили ли вина, и сразу же сел за стол. Баран еще не прожарился, но показался тем вкуснее. Людоед принюхивался, поворачиваясь во все стороны, — он говорил, что чует запах свежего мяса. «Это, наверно, теленок, которого я только что освежевала», — сказала жена. — «Говорю тебе, чую запах свежего мяса, — промолвил Людоед, искоса глядя на жену, — что-то здесь есть, чего я не пойму». Сказав это, он встал от стола и прямо пошел к постели.

«А, — сказал он, — так вот как ты меня хотела обмануть, проклятая баба! И не знаю, отчего это я тебя не съем: счастье твое, что ты старая тварь. А добыча подоспела кстати: на днях у меня будут три приятеля-людоеда, и теперь мне есть чем их угостить».

Он вытащил мальчиков из-под кровати, одного за другим. Бедные дети стали на колени, моля о пощаде; но это был самый жестокий из людоедов; и не думая о жалости, он уже пожирал их глазами и говорил своей жене, что это будут прелакомые кусочки, когда она приготовит к ним хороший соус.

Он взял большой нож и, подойдя к бедным детям, стал точить его о длинный камень, который держал в левой руке. Он уже схватил одного из мальчиков, как вдруг жена сказала ему: «Да что это вы затеяли в такой час? Разве завтра у вас мало времени?» — «Замолчи, — сказал Людоед, — ведь мясо будет мягче». — «Но ведь у вас еще так много мяса, — возразила жена, — вот теленок, вот два барана и полсвиньи». — «Это верно, — сказал Людо-

ед, — дай им как следует поужинать, чтобы не отощали, и уложи спать».

Жена была вне себя от радости и принесла им поужинать, но они не могли есть, так были напуганы. А Людоед снова стал пить, в восторге от того, что может так прекрасно угостить своих приятелей. Он выпил глотков на двенадцать больше, чем обычно, а от этого кровь слегка ударила ему в голову, и ему пришлось лечь спать.

У Людоеда было семь дочерей — еще маленьких. Все эти маленькие людоедки отличались прекрасным цветом лица, потому что ели сырое мясо, так же как и их отец: но глазки у них были серые и совсем круглые, носы крючковатые, а рты огромные, с длинными зубами, очень острыми и посаженными весьма редко. Они были еще не очень злые, но подавали большие надежды, ибо уже кусали маленьких детей, чтобы сосать их кровь.

Их рано уложили спать, и они всемером лежали на широкой кровати, каждая — с золотым венцом на голове. В комнате стояла другая кровать, совсем такая же: на эту-то кровать жена Людоеда и уложила семерых мальчиков, после чего сама легла спать рядом со своим мужем.

Мальчик с пальчик, заметив, что у дочерей Людоеда золотые венцы на головах, и опасаясь, как бы Людоед не раскаялся, что не прирезал мальчиков в тот же вечер, встал среди ночи, снял с братьев колпаки и тихонько надел их на головы дочерям Людоеда; сняв с тех золотые венцы, он надел их на головы братьям, чтобы Людоед принял их за своих дочерей, а своих дочерей — за мальчиков, которых ему не терпелось зарезать. Все вышло так, как он и предвидел: Людоед, проснувшись ночью, пожалел, что отложил на завтра то, что мог сделать накануне. Он выскочил из постели и, схватив нож, сказал: «Посмотрим, как поживают наши плутишки; не будем медлить».

И вот он ошупью пробрался в комнату дочерей и приблизился к постели, где лежали мальчики; все они спали; не спал только Мальчик с пальчик и очень испугался, когда почувствовал, что Людоед щупает ему голову, как он ощупал уже головы всем его братьям. Людоед, дотронувшись до золотых венцов, сказал: «И впрямь натворил бы я бед; вижу, что я слишком много выпил вечером». Потом он подошел к кровати своих дочерей и, нащупав колпаки, сказал: «Вот они, наши молодцы; теперь за дело». С этими словами он, уже не раздумывая, перерезал горло своим дочерям. Весьма

довольный, что исполнил это дело, он пошел и снова лег рядом с женой.

Едва Мальчик с пальчик услышал храп Людоеда, он разбудил братьев и сказал им, чтоб они живо одевались и шли за ним. Они тихонько спустились в сад и перелезли через стену. Всю ночь они бежали, не переставая дрожать, сами не зная, куда бегут.

Людоед, проснувшись, сказал жене: «Ступай-ка наверх да собери этих вчерашних плутишек». Жену Людоеда весьма удивила его доброта, она не подозревала, в каком смысле он сказал «собери», и думала, что он велел ей собрать их в дорогу. Она пошла наверх и немало была поражена, когда увидела, что дочери ее зарезаны и плавают в крови.

Начала она с того, что упала в обморок (ибо это первый выход, который почти всякая женщина находит в подобном случае). Людоед, опасаясь, что жена его, которой он поручил это дело, может замешкаться, сам пошел наверх — помочь ей. Он удивился не менее, чем его жена, когда увидел это ужасное зрелище. «Ах, что я наделал! — воскликнуло н . — Они за это поплатятся, негодяи, и тотчас же!»

Он тут же вылил на жену целый горшок воды и приведя ее в чувство, сказал: «Живо дай мне мои семимильные сапоги, чтоб я мог поймать этих мерзавцев». Он отправился в путь и, набегавшись в разные стороны, напал в конце концов на ту тропинку, по которой шли бедные дети, а им до отцовского дома оставалась всего сотня шагов. Они увидели Людоеда, шагавшего с горы на гору и переступавшего через реки так же просто, как если бы это были ручейки. Мальчик с пальчик, приметив неподалеку скалу с пещерою, спрятал в нее своих братьев и сам в нее заполз, но продолжал следить, что делает Людоед. Людоед, весьма уставший от пути, пройденного понапрасну (ибо тот, кто носит семимильные сапоги, очень устает в них), пожелал отдохнуть и случайно сел на ту самую скалу, в которой спрятались мальчики.

Так как он изнемогал от усталости, то, посидев немного, заснул и так ужасно захрапел, что бедные дети испугались не меньше, чем тогда, когда он взял нож, чтоб их зарезать. Мальчик с пальчик испугался меньше и сказал своим братьям, чтобы они скорее бежали домой, пока Людоед крепко спит, и чтобы о нем не беспокоились. Они послушались его совета и живо побежали к дому.

Мальчик с пальчик, приблизившись к Людоеду, тихонько стащил с него сапоги и тут же обулся в них. Сапоги

были весьма большие и широкие, но так как они были волшебные, то обладали свойством увеличиваться и уменьшаться, смотря по тому, на какие ноги их надевали, так что и пришлось ему впору, словно для него и были сшиты.

Он пошел прямо к дому Людоеда, где жена его оплакивала зарезанных дочерей. «Ваш муж, — сказал ей Мальчик с пальчик, — в большой опасности: он попался в руки грабителям, и они поклялись убить его, если он не отдаст им все свое золото и серебро. В тот самый миг, когда они приставили ему нож к горлу, он увидел меня и попросил добежать до вас и рассказать, что с ним приключилось, и приказал, чтобы вы послали ему со мною все его добро, ничего не оставляли себе, а то они убьют его безо всякой пощады. Дело не терпит, он велел мне надеть свои семимильные сапоги, чтобы я шел скорее и чтобы вы не заподозрили меня в обмане».

Жена, весьма испугавшись, сразу же дала ему все, что у нее было, ибо этот Людоед был все-таки хорошим мужем, хоть и ел детей. Мальчик с пальчик, нагруженный всеми богатствами Людоеда, вернулся в дом своего отца, где его встретили с великой радостью.

Некоторые люди, правда, не хотят этому верить и утверждают, что Мальчик с пальчик такой кражи не совершал, что в действительности он только не посоветился снять с Людоеда его семимильные сапоги, которые тому нужны были затем, чтоб гоняться за малыми детьми. Эти люди уверяют, будто им это доподлинно известно еще и потому, что им случалось пить и есть в доме дровосека. Они уверяют, будто Мальчик с пальчик, когда надел сапоги Людоеда, отправился ко двору короля, где, как он знал, весьма беспокоились о судьбе войска, находившегося на расстоянии двухсот миль оттуда, и об исходе битвы. Он — так рассказывают — пошел к королю и объявил ему, что, если угодно, он еще до ночи принесет ему вести о судьбе войска. Король обещал ему много денег, если это ему удастся. Мальчик с пальчик принес вести в тот же вечер, а так как случай этот доставил ему известность, он и стал зарабатывать сколько его душе было угодно; и множество дам давали ему столько, сколько он требовал, лишь бы получить вести от своих возлюбленных, и это составляло его главный доход.

Нашлось также несколько жен, которые поручали ему относить письма к своим мужьям, но платили они так плохо и было от них так мало проку, что этот заработок он ни во что не ставил.

Позанявшись некоторое время ремеслом гонца и нажив много добра, он вернулся в отцовский дом, где ему так обрадовались, что невозможно и вообразить. Благодаря ему вся семья зажила в довольстве. Для отца и братьев он за деньги приобрел недавно учрежденные должности, таким образом пристроил их всех и в то же время сыскал себе прекрасную невесту.

МОРАЛЬ

*Мы все не прочь иметь хоть дюжину ребят,
Лишь только бы они ласкали ростом взгляд,
Умом да внешностью красивой;
Но всяк заморыша обидеть норовит:
Все гонят, все гнетут враждой несправедливой,
А сплошь да рядом он, прямой байбак на вид,
Спасает всю семью и делает счастливой.*

*ГОСПОДИНУ***,
ПОСЫЛАЯ ЕМУ «ГРИЗЕЛЬДУ»*

Если бы я следовал всем различным пожеланиям, которые мне пришлось выслушать по поводу поэмы, посылаемой вам, от нее ничего бы не осталось, кроме сухого изложения остова сказки, и в таком случае мне лучше было бы к ней и не прикасаться, а оставить «Гризельду» в моих черновых записях, где она уже пролежала у меня много лет. Я прочел ее сначала двум своим друзьям.

— Зачем, — сказал один из них, — так распространяться по поводу характера вашего героя? К чему нам знать, что он делал по утрам в своем совете, а еще того меньше — как он развлекался после обеда? Это все надо было бы изъять.

— А по-моему, — сказал другой, — следует устранить игривый ответ, который дал принц своим подданным, убеждавшим его жениться. Это совершенно не к лицу серьезному и важному принцу. Разрешите мне еще, — продолжал он, — посоветовать вам убрать длинное описание вашей охоты. Какое все это имеет отношение к сути дела? Поверьте, это лишь пустые и претенциозные украшения, которые обедняют вашу поэму, вместо того чтобы ее обогатить. То же самое, — добавил он, — нужно сказать и о приготовлениях к свадьбе принца, все это без толку и без пользы. Что до ваших дам, которые делают более низкие прически, закрывают шею и удлиняют рукава, то это холодная шутка, так же как и оратор ваш, который хвалит свое красноречие.

— А я бы еще предложил, — подхватил тот, который говорил первым, — чтобы в поэме не было христианских рассуждений Гризельды, которая думает, что бог посылает ей испытание: это совершенно неуместное нравоучение. Далее, я просто не могу вынести бесчеловечные поступки вашего принца, они приводят меня в бешенство; я бы их выбросил. Правда, они входят в самый сюжет, но не все ли равно? А еще бы я исключил эпизод с молодым придворным, который появляется только для того, чтобы жениться на принцессе, — это слишком удлиняет вашу сказку.

— Но тогда, — отвечала ему, — моя сказка нескладно бы кончилась.

— Не знаю уж, что вам сказать, — заявил он, — а я бы все-таки выбросил.

Через несколько дней после этого я прочел поэму двум другим своим друзьям, и они ни единым словом не коснулись тех мест, о которых я только что говорил, но отметили целый ряд других.

— Я очень далек от того, — сказала я им, — чтобы жаловаться на строгость вашей критики; напротив, я жалею, что она недостаточно строга; вы не обратили внимания на множество подробностей, которые находят достойными самой суровой цензуры.

— Ну, например? — спросили они.

— Например, находят, — ответил я, — что описание характера принца слишком растянуто, что никому нет дела до того, что он делал утром, а еще того меньше, — что он делал после обеда.

— Над вами смеются, — заявили они в один голос, — заставляя выслушивать подобную критику.

— Порицают также, — продолжал я, — и ответ, который принц дал тем, кто торопил его с женитьбой, как слишком игривый и недостойный такого важного и серьезного принца.

— Прекрасно, — перебил один из слушателей, — а что же неуместного, ежели молодой принц в Италии, стране, где привыкли слушать шутки от людей самых серьезных, воспитанных и достойных, развлекается тем, что дурно говорит о женщинах и браке — предметах, которые всегда служат там мишенью для остроумия? Так или иначе, но я ничего не имею возразить против этого места, так же как и против оратора, который полагал, будто это он разубедил принца, а также и против причесок, которые стали делать пониже, — ибо тем, кому не понравился игривый ответ принца, вероятно, хотелось вырезать и эти места.

— Вы угадали, — сказал я. — А с другой стороны, те, кто не любит шуток, не могли перенести и христианских размышлений принцессы, которая думает, будто это бог посылает ей испытание; они находят, что такое нравоучение введено совсем некстати.

— Некстати? — подхватил другой. — Эти размышления не только вполне подходят к сюжету, но они ему совершенно необходимы. Вам нужно было показать, что терпение вашей героини вполне возможно: каким же еще способом могли вы это сделать, как не заставив ее думать, что дурное обращение супруга с нею есть дело руки господней? Без этого ее можно было бы принять за самую глупую женщину, а это вряд ли произвело бы хорошее впечатление.

— Кроме того, — продолжал я, — порицают и эпизод с молодым придворным, который женился на юной принцессе.

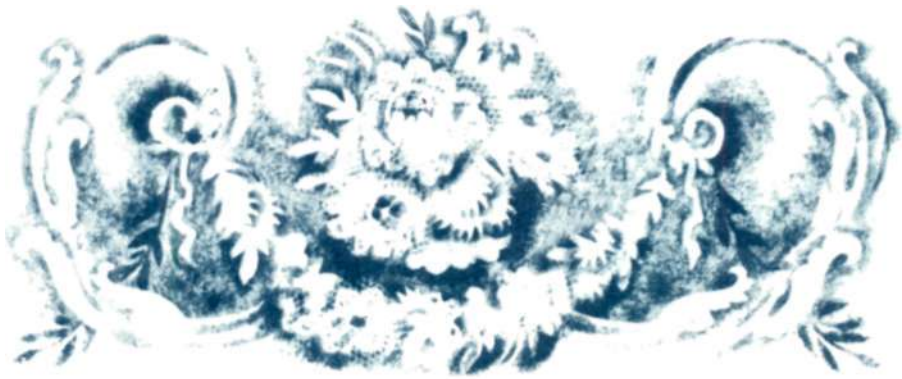
— Это несправедливо, — ответил он, — ваше сочинение есть истинная поэма, хоть вы и называете ее новеллой, и необходимо, чтобы все было приведено в ясность с ее окончанием. А если бы молодая принцесса вернулась обратно в монастырь, вместо того чтобы выйти замуж, как этого следовало ожидать, и она была бы недовольна, да и читатели вашей новеллы.

После этого разговора я решил оставить мое сочинение примерно в том виде, каким я прочел его в Академии. Одним словом, я счел своим долгом исправить только то, что, как мне указали, было плохо

само по себе, а в тех местах, которые ничем дурным не отличались, кроме того, что они не пришлись по вкусу некоторым особам, быть может, слишком уж требовательным, то тут я не счел нужным ничего поправлять.

Ну, есть ли смысл изъять из угощения
Одно из вкусных блюд на случай тот,
Что гость придет на наше приглашенье,
Который в рот такого не берет?
Нет, я для всех готовлю развлечение,
И кушанья на трапезе моей
Различны будут, как и вкус гостей.

Так или иначе, а я решил обратиться к публике, которая всегда судит лучше всех. От нее я узнаю, чему я должен верить, и, уж, конечно, исполню все ее пожелания, если мне удастся напечатать второе издание моего сочинения.

ПОСВЯЩЕНИЕ МАДЕМУАЗЕЛЬ ***

Я посвящаю вам, красавица моя,
Терпенья этот образ кроткий,
Но льстить себя не смею я,
Чтоб вы, пример сей оцеля,
Во всем сошлись с моей красоткой.
В Париже дамам угождать
За честь и счастье почитают,
Здесь рождены они пленять,
Их волю мигом исполняют.
Но нетерпимость их во всем
Грозит напастью нам порочной,
И чтоб бороться с этим злом,
Противоядье нужно срочно.
Столь кроткий образец терпенья,
О коем в сказке вы прочли,
Пример, достойный удивленья,
В Париже — чудом бы сочли.
Здесь дамы всем повелевают,
Достаточно им молвить слово —
Им с радостью служить готовы,
За королев их почитают.
И вам, признаюсь я, навряд
Гризельду здесь оценят дамы,
Прочтут с усмешкою, пожмут плечами,
Да над старинкой поострят.
Не потому, чтобы дивились
Терпенью наши дамы, — я
Скажу по правде — опытом они добились,
Чтоб упражнялись в нем их добрые мужья.

ГРИЗЕЛЬДА

У ног горы великой, древней,
Где По рождается под сенью тростников
И дремлют ближние деревни
Под шум младенческих валов,
Жил юный принц, храбрец измлада,
Своей провинции услада.
Все редкие черты, какими не всегда,
Не каждого природа наделяет,
Дала ему счастливая звезда,
Сей дар — великим небо посылает.

Исполнен доблести и телом и душою,
Могучий, статный принц воякой славным был,
И, движим тайною по красоте тоскою,
Он высоко художества ценил.
Победы он любил на поле брани
И подвиги отваги почитал,
Все, чем истории гордится достоянье,
Но больше он о том мечтал,
Что славой доброю его страна помянет
За счастье мирное, что он народу дал.
Но сердце нашего героя
Какой-то дух тревожный бередило,
И не давал ему покоя,
И тайной горестью точило.
Всех женщин он обманщицами чтит,
И не было такой на свете,
Чья подлинная добродетель
Не мнилась бы ему обманом,
Притворством, хитростью, дурманом,
Коварной жаждой — обольстить,
Чтоб над мужчиною царить.
К тому ж нередко ведь, случалось,
Мужей обманутых и жалких видел он
Добычею ревнивых жен,
И подозреньем ненависть питалась,
И много раз он клялся в том,
Что если искушать его природа станет
И новая пред ним Лукреция предстанет,
Он все ж не женится никак и нипочем.
Приходит утро. Принц делами позаймется,
Какие он определил,
Он только ведь о том печется,
Чтоб подданный без горя жил.
Немало вдов, сирот, замученных нуждою,
Он милостиво выручал.
Иль подать тяжкую, рожденную войною,
Своим указом отменял.
А там с делами распростится
И на охоту он помчится,
Где вепрь могучий и медведь
Ему не столько досаждают,
Как те, кого он избегает, —
Вы, девы, на кого заклился он смотреть.
А в это время те, кто счастьем народа

Так дальновидно дорожат,
Все время о наследнике твердят,
А без того грозят ему лихой невзгодой.
Являются они однажды во дворец,
Чтоб своего добиться наконец.
И вот оратор, важный, чинный,
Красноречивейший хитрец,
Заговорил, и в речи длинной
Он принцу строго указал:
Наследник нужен нам для процветанья края,
Чтоб принцев род не угасал,
А как уж речь свою кончал,
О новоявленной звезде сказал,
Что, брак счастливый предрекая,
Так блещет, как никто доселе не видал.
Принц выслушал все это терпеливо
И отвечал спокойно и учтиво:
«Те чувства добрые, которые веля
Вас предложить мне бракосочетанье,
Приятны мне и преданной любви
Счастливого знаменованье.
Сердечно тронут ими я
И завтра же хотел бы вас послушать,
Но осторожности я не хочу нарушить,
А дело это таково, друзья.
Взгляните: в счастливом семейном лоне
Немало дев пред вами взоры склонят, —
О, добродетель, доброта,
Какая искренность и чистота!
Но девушек судьба вершится, —
Едва супружества венец
Достигнут ими — и конец,
Все это мигом испарится.
Недолго ей перемениться —
Себя охота показать,
Главой в семействе воцариться
И на своем всегда стоять.
Одна — насупится, тяжка ей жизни ноша,
Неисправимая святоша,
Кричит, бранится день-деньской.
У той наряды да румяна,
Кокетство, сплетни да романы
И новый рыцарь каждою весной.
А эта — без ума влюбляется в искусства,

Все разрешает в двух словах,
Тончайших авторов раскритикует в прах,
А у самой ни вкуса нет, ни чувства.
А та — ударится в игру, в распутство,
Растратит деньги, все, что есть, продаст,
Едва последнюю рубашку не отдаст.
То развлекаясь так, то этак сумасбродя,
В конце концов одна и та же стать —
Гулять повсюду на свободе —
Да бедным мужем помыкать.
Итак, скажу я вам, хотите не хотите ль,
Нельзя счастливым брак тот почитать,
Где оба нороят главой семейства стать,
И если нужен вам женатый повелитель,
Ищите юной красоты
Без гордости и суеты,
Она должна быть терпелива,
Послушлива и молчалива,
Без прихотей и без пустой мечты,
И я женюсь, коль вам найти такое диво!»
Так кончил принц и, шпорами звеня,
Вскочил немедля на коня,
И в лес, как ветер, он помчался,
Где стан охотничий его уж дожидался.
Равниной скачет о н , — летят луга, поля;
Вот наконец в тени дубравы
Привет трубят охотников оравы,
И зверь тревожится, рогам внемля.
Уж гончие пошли в угон нетерпеливо,
И там и сям они мелькают через жниво.
Борзые рвутся и снуют, —
Огонь свирепый в алчных в з о р а х , —
Псарей здоровых волокут,
Что крепко держат их на сворах.
По долам, влажным от росы,
Собаки чуют свежий след добычи;
Принц знак дает — и в свисте, лае, кличе
Уж за оленем мчатся псы.
Трубят рога, несутся кони,
И ржанье громкое погони,
И лай ожесточенных псов
Покой долин смутил, — и гомон дикий
Разносит эхо, повторяя клики,
И вот уже кругом стена лесов.

Но тут наш принц — случайно иль судьбою —
Свернул дорогою иною;
Мечтой какой-то увлечен,
Он одиноко отъезжает,
И вот уж все кругом стихает,
Ни рога, ни собак не слышит больше он.
Куда заехал он по странности влеченья?
Блестит ручей в тенистом окруженье,
Здесь тайным трепетом охвачен человек:
Природы чистое виденье.
Такой красой дарит воображенье,
Что принц благословил случайный свой побег,
Исполнен нежною мечтою,
Что нам дарят леса певучей тишиною,
Внезапно и душой и взором поражен,
Он видит образ столь приятный,
Красой украшен благодатной,
Какого никогда еще не видел он.
Сидела юная пастушка
И вышивала у ручья.
Овец ленивая семья
Бродила тихо по опушке,
И быстро двигалась игла.
Могла бы покорить она дух самый дикий,
Своей лилейной белизной,
Природной свежей чистотой,
Что пряталась всегда в тени лесов великой.
Дышали детской нежностью уста,
И очи сквозь пушистые ресницы
Сияли. Синева небес не так чиста,
Не так блестят вечерние зарницы.
В восторге принц из-за кустов глядит,
И сердце замирает в упоенье.
Но ветка под ногой хрустит, —
Пастушка обернулась в изумленье.
Увидела его. Смущенье
Ее объяло — вспыхнула вдруг вся
И стала так мила, что и сказать нельзя, —
Такое дивное виденье
Была красавица моя.
Под этою стыдливостью прелестной
Увидел принц такую простоту,
Невинность кроткую и чистоту,
Какая до сих пор ему была неизвестна.

И вот она пред ним во всем своем цвету.
Каким-то новым страхом пораженный,
В смущенье трепетном идет к ней принц плененный
И голосом дрожащим говорит,
Что от охоты он своей отбился,
А к ней, быть может, доносился
Звук рога или топ копыт.
«Нет, — говорит она, — никто не появлялся
Здесь, в чаще этой, кроме вас,
Но что тревожиться — ведь вечер чуть начался,
К большой дороге выйдем мы сейчас».
«Моей счастливою судьбою, —
Он говорит, — обязан я богам,
Давно брожу я здесь по долам и лесам,
Но ведать я не мог, сокровище какое
Хранится здесь в угоду небесам».
Она глядит и видит: наклонился
Гость к чистым водам ручейка,
И черпает его рука, —
Должно быть, жаждой истомился.
«Ах, обождите», — говорит
Она ему и вот бежит
К своей избушке, кружечку приносит,
Приветливо ему ее подносит
И ласковой улыбкою дарит.
Сосуды видел он из яшмы и агата,
Блестящим золотом покрытые богато.
Что ревность мастера искусно создала;
Но нет, не так мила краса их дорогая,
Как эта кружечка простая,
Которую ему пастушка принесла.
И вот она ведет его к дороге
Через овраг и склон пологий,
По тропкам, через доли и лужки,
Через заводи и ручейки.
Идет она, а принц за ней шагает,
Осматриваясь тщательно кругом,
Ведь он мечтает уж о том,
Чтоб вновь прийти сюда тайком,
И все заметы примечает.
Вот наконец в березняке
Они с пастушкой очутились,
И на равнине вдалеке
Из-за деревьев им открылись

Златые кровли на его дворце.
Свою красотку покидая,
Как будто бы из света в тьму
Идет он, медленно ступая,
И грусть щемит и сердце жмет ему;
Но память о лесном виденье
Отраду сладко в душу льет.
А утром он проснулся — и томленье,
И смутная тоска его гнетет.
С утра торопится он на охоту снова,
И уж нарочно в этот раз
Он поскакал дорогой новой
И ото всех уединясь.
По чаще, долам и тропам уединенным,
Что взором он запоминал влюбленным,
Он ищет путь. Любовь ведет его,
Свои заметы там и тут
Он узнает — и вот ее приют —
Пастушки юной видит он жилье.
Они одни в лесу с отцом здесь обитают,
Ее Гризельдой называют.
И молоком овец живут они,
А прялка и руно в руках девицы
Без помощи его столицы
Дают одежды им свои.
Чем дальше смотрит он, тем все живее сладость
Ее очей, лица живая младость
И сердца обольстительные сны,
И красота и голос звонкий,
Как будто искоркою тонкой,
Чутьем души озарены.
От счастья сердце замирает —
Так радует его нежданная любовь.
И в тот же самый день он собирает
Совет старейшин и речь им держит вновь.
«Ну вот и я решил жениться,
Как вы того желали. Но жену
Из чужедальних стран себе я не возьму,
В своем краю найду пригожую девицу,
Обычай предков должен соблюдать.
Однако я не стану торопиться
И выбор свой до свадьбы объявлять».
Едва решение принца услышали,
Обрадовались все, заликовали,

Такой тут был восторг и пыл —
Сказать нельзя: на улицах шумели,
Плясали, обнимались, пели,
А пуще всех оратор счастлив был.
Он был уверен в самом деле,
Что он один все это совершил.
«Поистине себе я выбрал путь неложный,
Ведь с красноречьем и бороться невозможно», —
Так он себе довольный говорил.
И было тут на что смотреть и подивиться,
Как все красавицы столицы
Стремилась выбор принца заслужить.
А принц не раз уже говаривал спокойно,
Что только скромностью, невинностью пристойной
Он тронут может быть.
Что делать — стали тут наряды поскромнее,
И голоса куда нежнее,
Покашливают — личики бледны,
На пол-локтя шиньоны победнее,
Укрыты шейки, рукава длиннее,
Ну разве пальцев кончики видны.
А в городе кипит работа —
Ведь недалек уж свадьбы срок,
Для всех искусников забота,
Каретники давно уж сбились с ног.
Такие чудные повозки,
Уж так затейливы и хороши,
На них повсюду злата блески,
А краски яркие и свежи.
Там, чтобы видеть все без толкотни и давки, —
Помосты, загородки, лавки,
Тут — триумфальных арок ряд,
Колонны золотом горят
И принца воинскую славу возглашают,
Но и любви над ним победу прославляют.
А там — среди зелени утаены
Потешные огни с их безобидным громом,
И с шумом резвым и знакомым
Вот-вот на небеса гореть взлетят они.
Блестят на площади огни,
Танцоры носятся, готова представленья,
Все улицы музыкаю полны, —
А из Италии, на удивленье,
Десятки нимф, богов понавезли.

Приходит свадьбы долгожданный
День, оживленный и желанный.
На небе ясном и живом
Едва лучи рассвета встрепнулись
В сиянье злато-голубом —
Немедля впопыхах все девушки проснулись.
И, любопытствуя, народ со всех сторон
Бежит. А там и сям гвардейцев легион
Расставлен важно для порядка,
Чтоб чинно было все и гладко.
А в замке принца музыка гремит —
Рожок, и флейта, и гобой с фаготом,
Да дробь по улицам трещит—
Всем барабанщикам работа.
Вот наконец и принц, друзьями окружен.
Их крики радости встречают.
На удивленье всем, неспешно он
Из города спокойно выезжает,
Так каждый день гуляет он.
«Ну, — говорят в толпе, — опять, видали?..
На травлю едет принц: на что ему полон
Любовный — нет, брат, не загноули! Зря болтали!»
И мчится принц путем своим:
Поляны и поля, вот показались горы,
Въезжает в темный бор, и свита едет с ним,
В смущенье опуская взоры.
Любимые места, вот милый лес и дол,
И сердцу принцеву их узнавать приятно.
Вот наконец и домик благодатный,
Где он любовь свою нашел.
Молва о свадьбе всюду говорила,
А у Гризельды сердце ныло,
И, приодевшись, как могла,
Она спешит скорей из своего приюта,
И в эту самую минуту
С порога своего сошла.
«Куда бежите вы так торопливо? —
Ей принц, встречая, говорит
И нежно на нее глядит. —
Постойте-ка, мое лесное диво,
Ведь свадебку мою играю я сейчас,
А ей никак не быть без вас,
Я вас люблю, вас выбрал я женою
Из тысячи красоток молодых,

И проведете вы всю жизнь свою со мною,
Коль не отвергнете вы добрых слов моих!»
— «Ах, — говорит она, — как я поверить смею,
Чтоб мне такая честь! Шутить я не умею,
А вам охота разогнать тоску».
— «Нет, — отвечает она, — мы вас избрали.
С отцом уж мы потолковали
(А принц давно уже открылся старику),
Иди, пастушка, к пастушку!
И будем жить, как милые живали,
Но чтобы мир меж нас в семействе был всегда
И счастье было нашей долей,
Клянись, что у вас не будет никогда
Иной, чем мужней, воли».
— «Я обещаю вам и буду в том верна:
Когда простой пастух бы стал моим супругом,
Его бы слушалась я только одного,
А что же, если будет другом
Мне повелитель мой, — кого
Еще мне слушаться, как не его?»
Так принц в любви своей открылся,
И пышный двор ему рукоплескал.
А чтобы всяк в его решение убедился,
Ее принцессой обрядить он приказал.
Спешат придворные, прислужницы-девицы,
Бегут в избушку и, запыхавшись вконец,
С искусством, коему нельзя не подивиться,
Пастушку обряжают под венец.
Пора кончать рукам проворным,
Но любо посмотреть придворным,
Как чисто в горнице у ней,
Хоть и куда нельзя бедней.
И деревенская избушка,
Где под платанами жила моя пастушка,
Им кажется жилищем фей.
Вот наконец идет принцессой настоящей
Она в одежде пышной и блестящей,
Несется шум навстречу ей.
В ладоши хлопают все громче да звончей.
При этом шуме неумном
Бедняга принц влюбленный наш вздохнул,
Пастушку бедную перед жилищем скромным
Он, сожалея, вспомянул.
На колесницу из слоновой кости

Спокойно поднимается она,
За нею гордый принц. Толпа поражена.
Кругом теснятся свита, гости.
Он с ней, ему навек Гризельда отдана.
Вот счастье, друзья, а войны лучше бросьте!
За ними двор. Всяк соблюдает чин.
Порядка старшинства не минет ни один.
Со всех сторон народ навстречу выбегает,
Покрыв окрестные поля.
Про выбор принца все уж знают
И с нетерпеньем ждут, далекий шум внемля.
Вот наконец они. Через толпу густую
Не просто провести процессию такую.
Повсюду крик и шум, толпятся стар и млад,
А лошади дрожат, храпят,
Бросаются, прядут ушами,
И зря над ними хлопают бичами.
Вот наконец они во храм
Вдвоем вошли, и цепью вечной
Обета верного Предвечный
Соединил супругов там.
Оттуда в замок поскорее,
Где ждут веселые затеи,
Турниры, танцы и бега, и маскарад.
Мелькают сотни лиц, смеются и шумят,
А вечером бог Гименей пригожий
Венчает сладостью супружеское ложе.
Наутро полон новых двор гостей:
То изо всех провинций
Явились посланцы поздравить принца,
От всех селений и от всех его людей.
Среди придворных в пышном окруженье
Гризельда и не чувствует смущенья.
Как королева им кивнет,
Словечко бросит да и губки подожмет.
И так мила и осторожна,
И так приветлива, что кажется кругом
Она, когда бы то возможно,
Еще милее нравом, чем лицом.
Разумница моя, увидевши примеры,
Переняла тончайшие манеры
И с первых дней смиренное дитя
Принцессой сделалось шутя.
А знатных дам своих средь пышности богатой

Она ласкала как детей,
Пасла их так же, как когда-то
Своих овечек прежних дней.
И года не прошло, что свадебку сыграли,
Как родилось дитя у царственной четы,
Но это не был сын, которого так ждали,
А девочка чудесной красоты.
Отец в восторге был. Ему она казалась
Прелестна и мила,
И впрямь она была
Так хороша, что мать ей любовалась
И просто оторваться не могла.
Сама кормить она малютку захотела:
«Ну как ей откажу, ведь лишь о том она
И молит, просит у меня!
И в этом отказать — ведь злое дело,
А та, что может этого и вовсе не желать,
Наполовину только мать».
Тем временем наш принц иль охладился
От пыла первого любви,
Иль в бешеной его крови
Все тот же дух тревожный пробудился,
Но он, как прежде, погрузился
В жестокие сомнения свои.
Чему в жене своей он ни был бы свидетель,
Не видит искренности в ней:
Чиста уж слишком добродетель,
Все это — западня для простаков мужей.
И подозренье душу гложет,
И верить он уже не может,
И радостей любви страшится,
Во всем ему коварство мнится.
Чтоб излечить болезнь души тоскливой,
Подглядывает он, следит, готов смущать
Ее тревогой боязливой,
А то надменностью спесивой
Ей беспричинно докучать,
Сомнениями в ее натуре лживой.
«Нельзя, — он говорит, — мне ум свой усыплять;
Коль добродетель непорочна,
То, что бы с ней ни делал я нарочно,
Она лишь крепче может стать».
В своем дворце ее он замыкает
Подальше от утех шумливого двора;

Она одна в своих покоях пребывает,
И белый свет чуть виден ей с утра.
Уверенный, что украшенья,
Наряды пышные полны
Для женщины всегда значенья
И ей без меры нравиться должны,
Он строго требует обратно
Рубины, жемчуга и тысячи забав —
Все, что когда-то, в нежности понятной,
Он ей дарил, ее супругом став.
Она ж, чья жизнь не знает пятен,
Кому один закон понятен —
Свой долг супруги исполнять,
Ему не хочет возражать.
И видя, как он рад безмерно,
Онасама довольна, — верно,
Не меньше, чем когда пришлось их получать.
«Чтоб испытать, меня супруг мой мучит, —
Так думает она, — и ясно вижу я,
Что добродетель укреплять он учит,
А в праздности душа истлела бы моя.
И если даже он о том не помышляет,
Одно должна я знать, что так судил господь,
Чтобы душа могла соблазны побороть.
О, сколь же тех судьба несчастна,
Кто прихотью своих страстей
Идет дорогою опасной
Пустых желаний, праздных дней.
Создатель наш, не скоро суд творящий,
Пускает их скользить над пропастью грозящей
И медлит их остановить.
Но благостью своей великой и святою
Меня избрал он любящей рукою,
Чтоб мне помочь и научить.
Возлюбим же его благую строгость:
Нельзя счастливой быть, не пострадав,
Возлюбим отчую суровость,
В своей любви он вечно прав».
Принц видит доброе ее повиновенье
Приказам сумрачным его
И думает: «Ее притворное терпенье
Еще крепится, но не выдержит того,
Когда направлю я мученье
На то, что ей милей всего.

К ребенку своему, к принцесе нашей милой
Она привязана с невыразимой силой:
Вот в чем ее я должен испытать,
И подозрений гнет постылый
Тогда смогу я разогнать».

А в это время мать кормила
Дитя невинное свое,
Та на ее груди играла и шалила,
Смеялась, глядя на нее.
«Явижу, — молвит он, — вылюбите ее,
И все же должен я отнять у вас малютку,
Чтоб в нежном возрасте всемерно ограждать
От вашей грубости ребенка разум чуткий.
Счастливая судьба дала мне отыскать
Особу, что ее способна воспитать
И в добродетели и в вежливости тонкой,
Которые нужны ребенку.
Расстаньтесь с дочерью своей,
Сейчас придут сюда за ней».
И он уходит. Нету силы,
Не так безжалостны глаза его,
Чтоб видеть, как из рук ее
Чужие вырвут плод привязанности милой.
Она в слезах одна, как будто над могилой,
Глядит в оцепенении немом
И ждет несчастный миг, не помня ни о чем.
Но лишь она посланца увидала,
Вершителя жестокой казни с ей, —
«Должная слушаться, — сказала,
Малютку милую к груди своей
Она последний раз прижала —
И отвернулась поскорей...
(А девочка ручонки тянет к ней.)
Дитя у матери несчастной
Отнять — иль сердце вырвать ей —
Что с этой пыткой ужасной
Сравнится? Казни нет лютей.
Вблизи от города обитель процветала,
Известна с древности глухой,
В уставе строгом там спасалось дев немало
Под взорами игуменьи святой.
И вот туда, в уединенье,
Скрывая девочки происхожденье,

Ее отправили, сказав вперед,
Что ждет игуменью вознагражденье,
Достойное ее забот.
А принц старается охотою забыться,
От угрызений он не может излечиться.
Вслед за жестокостью такой
Супругу видеть он боится,
Она страшна ему, как гордая тигрица,
Лишенная тигренка злой рукой.
Но он ошибся. С той же добротой,
Все так же ласково она его встречает,
Все с той же нежностью ему внимает,
Как в дни любви минувшею порой.
Он тронут, он горит живым волненьем,
Душа наполнилась стыдом и сожаленьем,
Но — ненадолго. День, другой, —
Он к ней идет с притворными слезами,
Чтобы опять язвить жестокими речами,
И говорит: «Склониться пред судьбой
Нам надобно — ребенок умер твой».
Удар ужасный этот поражает
Ее смертельно. Силы покидают.
А принц? На нем лица нет. И, потрясена,
К нему бросается она,
О горе матери на миг позабывает,
Ему помочь она должна.
И этой беспримерной добротой,
И этой дружбою супружеской живою
Внезапно принц обезоружен был
И подозрения жестокие забыл.
И вспыхнуло в душе желанье
Ей тотчас правду рассказать,
Но гордость желчного страданья
Уста замкнула и заставила молчать:
Еще, быть может, эта тайна
Полезною окажется случайно.
Но с той поры любовь опять вернулась к ним
Со всеми ласками своими,
И стали вновь гореть они огнем одним,
Влюбленными и молодыми.
Пятнадцать раз в своих двенадцати домах
Уж солнце побывало, и в его лучах
Живут супруги наши нежно.
А если иногда супруг мятежный

Помучает супругу вновь,
То лишь затем, чтобы любовь
Не засыпала безнадежно.
Так, в кузнице своей работая, кузнец
На уголь брызгает водою,
Чтоб, затихая под золою,
Огонь не потухал вконец.
А наша юная принцесса
Растет, отстаивая мессы;
Сердечность нежной простоты
От милой матери в наследство ей досталась,
А от отца к ней присоединялось
Величье благородное. Черты
Такие нравятся, а это ведь не малость,
Тем более для юной красоты.
Она повсюду как звезда блистает.
И вот однажды некий кавалер,
Красавец юный, доблести пример,
Ее в ограде замечает,
И тотчас же любовь его воспламеняет.
Инстинктом счастливым красавицам дана
Способность без самообмана
Немедленно любви заметить рану
В тот самый миг, когда она нанесена.
Итак, принцесса знала верно,
Что любит он ее безмерно,
И, поупрямившись перед самой собой
(А так должны всегда ведь поступать девицы),
Успела и она влюбиться
И привязаться всей душой.
Такому милому нельзя не подивиться:
Он был красив, и храбр, и в предках именит,
И перед принцем он сумел уж отличиться,
И милостями тот его дарит.
Поэтому весьма доволен принц остался,
Когда о счастливой любви дознался
Любезной дочери своей.
Но странное ему пришло желанье
Заставить их купить блаженство жизни всей
Ценой жестокого страданья.
«Приятно будет видеть счастье и х , —
Так рассуждает о н , — а все же
Пусть то, что им всего дороже,
Не за бесценок им достанется. Таких

Не ценим мы вещей недорогих.
А между тем жены терпенье
Проверю опытом таким,
Что, может быть, мои сомненья
Рассеет без следа, как дым.
Но чтобы все ее величие узнали,
Чтоб кротость, доброту ее в печали
Ценили все достойные сердца,
Чтоб все признали наконец
В ней высшей благодати венец
И восхваляли бы творца, —
Велит он объявить, что, не имея сына,
Подумать должен он о будущем страны,
А так как он и дочери единой
Лишился — брак такой не может быть причиной
Препятствовать ему искать другой жены.
И он нашел. Она — высокого рожденья,
В монастыре воспитана была,
Супругой он ее берет без промедленья,
Чтобы она ему наследника дала.
Вообразить себе возможно ль горе
Влюбленных наших! С этой вестью вскоре
Приходит принц к жене: он должен ей сказать,
Что здесь она не может оставаться
И надо им теперь расстаться,
Чтоб крайнего несчастья избежать.
О низости ее происхожденья
Народ толкует, и ему по принужденье
Супругу новую дают.
«Идите, — говорит, — назад в свою избушку,
И вы опять оденетесь пастушкой,
Одежду вам уже несут».
Спокойно, как всегда, с безмолвным постоянством
Прощается она со всем своим убранством,
И в тихой ясности ее чела
Печаль едва заметна лишь была.
Все теми же она пленительна чертами,
Лишь очи кроткие наполнились слезами,
Так иногда весной случается подчас —
И дождь и солнышко зараз.
«Вы мой супруг, мой повелитель милый, —
Так говорит она, почти теряя силы, —
От ваших страшных слов душа горит в огне,
Но я всегда вам говорила:

Повиноваться вам всего дороже мне».
К себе идет она в покои золотые,
Наряды пышные свои снимает там,
И ей уж приготовлены другие
Одежды — бедные, простые,
Когда-то в них она бродила по лесам.
Покорно, в бедном одеянье,
Идет она к нему и молит на прощанье:
«Как из дворца от вас уйду,
Когда прощенья мне не даст супруга строгость?
Могу перенести и бедность и убогость,
Но гнева вашего снести я не могу.
Когда бы знали вы, как милость сердце ценит, —
Утехой будет мне она от вас вдали.
А время вечно не изменит
Ни преданности, ни любви».
Покорность тихая, души величье
Под этим рубищем простым
Так принца тронули страданием своим,
Что юная любовь в сияющем обличье
Опять возникла перед ним.
И он, в невольном умиленье,
Стараясь слезы удержать,
Едва не бросился в волнение —
Ее обнять.
Но в этот миг могущественно, грозно
Желанье загорелось — твердым быть
И, торжествуя над любовью слезной,
Его заставило спокойно говорить:
«Смиреньем вашим я доволен, но уж поздно
О прошлом вспоминать. Счастливого пути,
Ступайте, вам пора идти».
Она идет. За ней старик отец шагает,
Опять в одежде деревенской он,
Глаза в слезах, и тяжело он страдает,
Внезапным бедствием сражен.
Она ему: «Идем в наш лес густой и дикий,
Идем. Там отдохнем мы в тишине великой.
Без сожаления покинем мы дворец,
В избушке нашей нет ни роскоши, ни злата,
Она одной невинностью богата,
Но там — покой и мир. Вот — счастье наконец».
Лесным безмолвием, спокойствием объята,
Опять кудель берет ее рука,

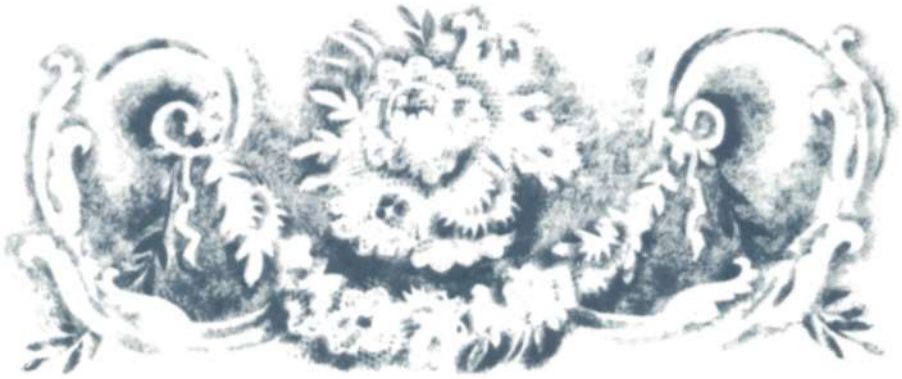
И вот она идет на берег ручейка,
Где принц нашел ее когда-то.
Спокойно в душу льется тишина,
И об одном лишь молится она:
«Пусть будет славным он, богатым и счастливым,
Желанье пусть исполнится его».
В горячем сердце, кротком, терпеливом, —
Любовь, одна любовь и боле ничего.
А принц, о ком она вздыхает,
Ее желая снова испытать,
Однажды ей велит сказать,
Что видеть он ее желает.
Гризельду встретил он спокойными словами:
«Мне нужно, чтобы та, с кем я иду во храм,
Кому я завтра жизнь отдам,
Была довольна мной и вами,
Мне так угодно. И я вас прошу о том,
Чтоб вы мне помогли в желании моем.
Пусть все ей нравится, что мне по нраву,
Сыграем свадьбу мы на славу,
И пусть любовь мою увидят все кругом.
Итак, устройте все скорее,
Покои уберите ей
С богатством, с роскошью затей,
Да попышней, повеселей.
И помнить я прошу всечасно, —
Пусть это будет вам закон, —
Что этой девушкой прекрасной
Я пылко увлечен.
А чтобы вы могли судить о том доверье,
С каким всегда я вас сужу,
Я вам невесту покажу,
Которой угодить должны вы в полной мере».
На Левантийских высотах
Не так пленительна Аврора,
Какой явилась в их очах
Принцесса юная. И взоры
Едва Гризельда подняла,
Как в глубине души та нежность расцвела,
Что сердце матери питает.
О прежнем счастье, о юности своей
Она невольно вспоминает
И мысленно про дочь свою гадает:
«Ей было б столько ж лет, любимице моей.

И, может быть, была б красавица—кто знает!»
Так ей понравилась принцесса в этот миг,
И так порыв ее был пылок и велик,
Что, лишь принцесса удалилась,
Гризельда очи к принцу подняла
И речь такую смело повела:
«Вам, повелитель мой, я докучать решилась
Нехитрой речью. Коль для вас открылась
С принцессой милою другая жизнь сейчас,
Так знайте, что она, воспитана прилежно,
Не сможет вынести своей душою нежной
Того, что вытерпела я от вас.
Нужда и бедность закалили
Меня в смиренье с детских лет,
Я выдержала все, чему названья нет,
И жалобы уста мои не приносили.
Не приходилось горя ей терпеть,
И если взаперти придется ей сидеть,
Зачахнет и умрет—я это верно знаю,
И вас, мой принц, я заклинаю
Ее ласкать, любить, жалеть».
— «Подумайте о том, — ответил принц сурово, —
Чтобы исполнить то, что я велел,
Что может мне открыть такого,
Чего не знал бы я, простой пастушки слово,
И как судить ей мой удел?»
Гризельда ничего не отвечала
И очи опустила и ушла.
А между тем гостей в столицу призывала
Стоустая молва.
Принц во дворец их приглашает,
И в пышном зале, что огни
Торжеств еще не озаряют,
Речь слушают его они.
«Надежды призрачной туманы —
Как видимость — полны обмана,
Примеров этому не счесть.
Кто скажет, что моя невеста молодая
Несчастлива, корону ожидая?
А на поверку так оно и есть.
Скажите, кто из вас поверит,
Что юный рыцарь сей, отважный весельчак,
Турниров обожатель, скуки враг,
На празднике моем грустит и лицемерит?

А между тем все это так.
Поверить можно ли, что, если все ликует,
Гризельда видит — и не плачет, не тоскует,
Ни жалоб нет у ней, ни грустного лица,
И нет ее терпению конца?
И наконец скажу: ведь жизнь моя счастлива,
Другую отыскать такую б не смогли вы,
Милее не найти избранницы моей.
Но если б нас судьба навек связала с ней,
То казни бы не выдумать ужасней
И не было б меня несчастней
Среди несчастнейших людей.
Загадка эта вам трудна и непонятна,
Но разъяснить ее вам будет мне приятно,
И, разъяснив ее, навек я истреблю
Все те несчастья, о коих говорю.
Узнайте же, друзья, что милая девица,
Которой будто бы пленился я душой,
Мне дочь родная. И на ней жениться
Не я, а рыцарь должен молодой.
Он к ней привязан страстью чудной,
Друг друга любят обоюдно,
Узнайте, наконец, что живо тронут я
Супруги кротостью примерной,
Ее покорностью безмерной.
Ведь ревность недостойная моя
Ее изгнала. Ныне обещаю
Любовью преданной жестокость искупить,
И одного лишь я желаю,
Чтоб горести свои могла она забыть,
И постараюсь я, раскаяньем объятый,
Ее желания предупреждать
Сильней, чем я желал когда-то
Ее мученьями терзать.
И пусть для всех времен легендой величавой
Живет рассказ о ней, о твердости ее,
Пусть все узнают, как ее венчаю славой,
Великую любовь, сокровище мое!»
Как темный облак набегает,
Мрачнеют небеса,
Идет суровая гроза,
И день, тускнея, замирает,
Но вдруг зефир, смеясь, летит,
Он тучи рвет, и свет горит,

И все опять вокруг сверкает,
И радостен природы вид, —
Так здесь во всех очах, где тихо грусть дрожала,
Веселье вспыхнуло и заиграло.
Навстречу словно радостным лучам,
Принцесса вздрогнула младая,
Отца безвестного нежданно узнавая,
И плача бросилась к его ногам.
Целует принц ее, подняв с колен, уводит,
И к матери родной она с отцом подходит.
А мать едва миг счастья не убил,
Она почти что падает без сил.
Так много лет ее страданье гложет,
И твердая душа ее
Смиренно претерпела все,
А радость вынести не может.
Едва могла она в объятья заключить
Потерянную дочь, рыданье грудь тревожит —
Она лишь в силах слезы лить.
«Не надо плакать! Час настал отрады, —
Ей молвит принц, — довольно горевать.
Наденьте прежние блестящие наряды,
Нам должно свадьбу дочери сыграть».

И в храм ведут тотчас чету младую,
Где обоюдный их обет
Соединит сердца, связуя
Их нежной верностью на много-много лет.
Шумит столица, щит о щит стучит в турнире,
И музыка всю гремит на пышном пире.
Но даже там, где жизнь так весело-шумна,
Все смотрят на Гризельду — вот она!
Великая в своем терпенье
Всех вызывает восхищенье,
Хвалами всех окружена.
Все рады до того, что прославлять готовы
Капризы принца, всем теперь ясна
Его премудрость — в искусе суровом.
Предстала всем в сиянье новом
Гризельда — верная жена
Навек примером образцовым.

МАРКИЗЕ де... Л...

*Бывают люди, чей жеманный ум,
Изрывший лбы следами дум,
Лишь то выносит и приемлет,
Что душу к небесам подьмет.
А между тем, мои друзья,
Самим философом, как полагаю я,
Дозволено любить простецкий смех*

петрушки:

*Ведь есть места и времена,
Где выпренность и глубина
Не стоят счетом ни полушки.
Да не смутит же вас ничуть,
Коль мудрой мысли корифей,
Устав над книгой спины гнуть,
Внимают сказкам доброй феи;
А убаюканные ею,
Не прочь, пожалуй, и вздремнуть.
И пусть меня клянут суровые авгуры
За свой загубленный досуг.
Позвольте мне, мой благородный друг,
Поведать ныне вам дела Ослиной Шкуры.*

ОСЛИНАЯ ШКУРА

Жил-был король в одной стране,
Другим властителям не равный:
На нивах мира — пахарь славный,
Свирепый воин на войне.
Земля его цвела, соседи трепетали,
И счастливо, в лучах высоких дел и чувств,
Под сенью лавра процветали
Сады науки и искусств.
Супруга верная любила мужа страстно.

Притом она была прекрасна,
Так уж наверно с милою вдвоем
Он был еще счастливее, чем властно
На троне царствуя своем.
Подарок светлый Гименея,
Принцесса ими рождена,
Любых жемчужин царственных нежнее.
Ну для чего же им была нужна
Семья еще обильней и полнее?
Большой дворец сиял вокруг
Веселой роскошью богатства.
Везде кичливое толпилось братство
Придворной челяди и слуг;
Касаясь толстых стен боками,
В конюшнях сотнями храпели жеребцы,
Их проводили под уздцы,
Убрав роскошно чепраками.
А все ж не этому дивился там народ:
В богатом стойле у ворот
Откормленный осел развесил мирно уши...
За что ослу такой почет?
Но каждый, чуть узнав заслуги серой туши,
Немедля относил осла в особый род:
Господь ему утробу так наладил,
Что если он порой и гадил,
Так золотом и серебром;
А утром из его подстилки,
Как из наполненной монетами копилки,
Червонцы черпали ведром.
Но небо устает народам
Цветочки счастья рассеять.
Оно привыкло деготь в бочки с медом
И дождик в ведро подливать.
В расцвете пышных лет недугом
Жена властителя внезапно сражена.
Взывает к медикам она,
Но греки-медики, собравшиеся кругом,
И шарлатанов плотная стена
Согласно утверждают друг за другом,
Что помощь их уже, к несчастью, не нужна.
Тогда, приблизясь к двери рая,
Супруга шепчет королю:

«Я завещаю, умирая,
Тому, кого давно люблю:
Едва венец, одетый страстью,
Коснется снова вашей головы...»
— «О н е т , — вскричал король, — о нет, увы!
Дорога мне закрыта к счастью!
Спокойно в небе спите вы!»
— «Я в е р ю , — говорит больная, —
Я пылкость ваших чувств охотно признаю,
Не может даже там, в раю,
Меня смутить печаль земная,
Утешьте душу скорбную мою:
Пообещайте мне, чтоб я была спокойней,
Идти вторично под венец
Лишь с той избранницей, что будет, наконец,
Меня прекрасней и достойней».
В последний час перед концом
Пришло ей в голову такое завещанье,
Затем, чтоб давший это обещанье,
Конечно, умер бы вдовцом.
А муж поклялся ей сквозь реку слез безумных
Во всем, чего она ждала.
Тут королева умерла...
Ей-ей, среди вдовцов он был из самых шумных!
Так плакал, так рыдал и полночью и днем,
Что стали говорить: не может это длиться!
Уж не родилось ли намерение в нем
Скорей отплакаться и отмолиться?
А что же? Так и есть: еще не минул год,
Как речь о сватовстве бесстыжая идет.
Сказать легко, но сделать сложно:
Ведь клятву надо соблюсти?
А вместе с этим где же можно
Такую женщину найти,
Чтоб гордый идеал покойной превзойти?
Ни двор, красотками богатый,
Ни пышных рыцарей палаты,
Ни запредельные дворцы,
Куда отправлены гонцы,
Никто равняться с ней не смеет.
Зато Инфанта все имеет,
Что раньше люди прославляли в ней,

И даже кажется еще нежней.
Отец заметил это тоже,
И — пожалей безумца, боже! —
Кровосмесительным огнем
Любовь преступная зажглась неожиданно в нем.
Зовет он мерзких казуистов.
Они несут законов нужный том,
Они покорны, он — неистов.
Принцесса плачет. Только божий враг
Благословить такой решится брак.
Как ангел грустный, но прелестный,
Инфанта едет к маме крестной.
В глуши лесов, в пещерной мгле,
Меж раковин, кораллов, перламутра,
Жила в краю лазурном утра
Волшебница, каких немного на земле.
Мы здесь рассказывать не станем,
Чем славилось в веках искусство добрых фей:
Благодаря разумным няням
Известно это нам от детских дней.
«Все знаю я, — сказала фея нежно, —
Зачем явились вы сюда;
Пусть ваше сердце безнадежно,
Ему поможем без труда...
Беда пройдет, клянусь вам в этом,
Придется вам моим довериться советам.
Как! К дочери своей посватался отец?
Да это прямо невозможно!
Но, поступая осторожно,
Без ссор положим глупостям конец.
Пусть сам раскается проказник:
Чтоб сердце ваше покорить,
Заставьте вы его на пышный брачный праздник
Оттенка ясных дней вам платье подарить.
Пусть он богат, как Крез, могуч невыразимо,
Пусть небом взыскан он без меры и конца, —
Задача хитрая — никак не выполняма».
И дочь, тревогою гонима,
Спешит припасть к стопам влюбленного отца...
Но стал король ужасно весел,
Портняжных кликнул мастеров
И приказал с высоких тронных кресел,

Чтоб к завтрашнему дню подарок был готов, —
Иначе как бы он их, часом, не повесил!
Наутро, чуть забрезжил свет дневной,
Несут к нему портные дар чудесный,
Лазурнее, чем свод небесный,
Меж золотистых туч сквозящий глубиной,
Был этот дивный цвет, не каждому известный.
Как описать смущенье девы честной,
Не знающей, ни что теперь сказать,
Ни как теперь папаше отказать?
«Спешите просьбою вторичной, —
Успела фея прошептать, —
К чему вам шелк едва приличный?
Другой есть — лунный, необычный, —
Его не сможет он достать».
Но только взор к отцу принцесса обратила,
Золотошвеек он зовет:
«Что? Или для луны лучей недостает?
Спустя четыре дня навек затмить светило!»
Четыре дня прошло с тех пор, как дан урок.
И платье новое опять готово в срок.
По нежной синеве блуждая в небе чистом,
Луна не так пышна, когда в полночный час,
На звездные лучи набросив синий газ,
Она скрывает их под флером серебристым.
Принцесса ахнула. Покорного «люблю»
Едва не вырвал этот дар прелестный.
Но, понуждаемая крестной,
Она шепнула королю:
«Всю жизнь пройду я с вами рядом,
Коль вы меня еще подарите нарядом
Чудесных солнечных цветов...»
Влюбленный и на это был готов:
«Где ювелир? Пускай казне в убыток
Готовит ткань из лучших ниток,
Пусть в золоте на ней горит алмаз,
Но пусть дрожит: среди ужасных пыток
Умрет злодей, нарушивший приказ!»
Напрасные угрозы: мастер в деле,
Трудолюбивый ювелир.
Еще не минуло недели,
Принес порфиру из порфир.

Блестящий бог лучей и лир,
Родитель пышный Фазтона,
С квадригой уносясь в эфир,
Сияния такого тона
Не проливает утром в темный мир.
Принцессу дар смутил. Она стоит, немеет,
На короля-отца поднять очей не смеет...
Но фея, крестницу за локоть взяв слегка:
«В дороге, — шепчете ей, — напрасны остановки!
Подумаешь, подарки старика!
Какая невидаль — обновки!
Не отдал он за них ни деревень, ни сел.
Известно свету, что его осел
Казну червонцами бесплатно наполняет.
Просите шкуру этого осла, —
Так, коли мудрость мне не изменяет,
Скупец откажет вам, и мы избегнем зла».
Колдунья понимала в деле,
Но и она не рассчитала все ж,
Что пламенная страсть, стремясь к заветной цели,
Затрат не ставит ни во грош.
Последний слог еще не замер в нежном горле,
Как шкуру по полу простерли.
И так страшна она была,
Что дева чуть не обмерла,
Потом расплакалась наивно и прелестно...
Однако крестная суровая нашла,
Что на путях добра брезгливость неуместна:
Ведь надо королю внушить,
Что наконец-то дочь готова
Святое таинство с ним вместе совершить.
А в тот же самый час, не говоря ни слова,
Куда глаза глядят, в далекий путь бежать,
Чтоб страшного греха и кары избежать.
«Вот, — молвила она, — мой сундучок заветный;
Кладите все, что нужно вам,
Весь арсенал ваш туалетный,
А к платьям, брошкам и серьгам
Я дам вам прутик незаметный.
Покуда он у вас в руке,
Шкатулка поползет за вами вдалеке.
Как крот, скрываясь под землю,

Чуть только надо клад открыть —
Махните палочкой перед собою,
Дорогу к вам он должен сам прорыть.
А чтобы вид ваш был для- встречных всех загадкой,
Ослиной кожей покройте, как палаткой,
Таитенежные черты, —
Так кто подумает, что в этой шкуре гадкой
Сокрыто чудо красоты?»
Принцесса, нищенкой одета,
В далекий путь пустилась до рассвета
По сизой утренней росе,
А царь, в восторге от ее ответа,
Торопит стол и залы для банкета...
Вдруг новость страшную ему приносят все.
В стране лачуги нет, нет дома, нет селенья,
Куда бы быстрые гонцы,
Во весь опор, во все концы,
Не ринулись по царскому велению, —
Напрасно!..
Всех облек отчаянья покров:
Ни свадьбы, значит, ни пиров,
Ни тортов, значит, ни пирожных...
Из фрейлин, грустных и тревожных,
Никто не пил, никто не ел,
А капеллан всех больше огорчался:
Перекусить он утром не успел
И с брачным угощением распрощался.
Принцесса между тем по тайному пути
Идет неузнанна, лицо измазав в саже,
И молит путников — нельзя ли где найти
Хоть места птичницы, хоть свинопаски даже?
Но сами нищие неряхе вслед плюют,
В брезгливости не внемлют состраданью,
И ни один не хочет дать приют
Такому грязному созданию.
И вот идет она, идет, идет, идет
И наконец доходит до лачуги,
Где фермерша давно уж ждет
Грязнули этакой в прислуги:
Свинные стойла убирать
Да тряпки сальные стирать.

Теперь в чуланчике за кухней — двор принцессы.
Нахалы грубые, презренные повесы,
Все деревенщина и мужичье,
Противно тормозят ее.
Приходится сносить обиду и насмешку;
Хозяева и батраки
Остротами ее терзают вперемежку
И чешут поминутно языки.
Но раз, изнемогая от тоски,
Воскресную с утра закончив спешку,
В каморке запершись на все замки,
Она умылась, сундучок достала,
Флакончики открыла, пузырьки
И перед зеркальцем принаряжаться стала.
Ах, лунный свет слегка ее бледнит,
А солнечный немножечко полнит...
Всех лучше платье голубое!
Подобных нет и у морских сирен.
Одна беда: в чулане за собою
Никак не распустить великолепный трен.
О, счастье созерцать такие превращения,
Всех женщин во сто крат быть краше и милей!..
Все это дало силы ей
Шесть долгих суток ждать второго воскресенья.
Мы не сказали до сих пор,
Что в той же местности обильной
Держал блестящий птичий двор
Король роскошный и всесильный.
Перепела, коростели,
Индюшки, стрепеты, цесарки,
Фазаны, журавли, павлины и пулярки —
Все размножились и росли
Стадами пестрыми в великолепном парке.
И в этот парк, в отъезжие поля,
Наследник жаловал весьма охотно —
Повеселиться беззаботно
С толпой придворных короля.
То не был принц — фигурка восковая:
Его геройский вид, хватка боевая
Бросали в битвах в дрожь железные сердца.
Принцесса издали в него уже влюбилась;

Ей все яснее становилось:
Кровь благородного отца
И под ослиной шкурою струилась.
«Как полон взор его величья и огня! —
Она шептала с тайной страстью. —
Как та упьется сладкой властью,
Кто покорит его, пленя!
Ах, если б он любил девиц в ослиной коже, —
Она бы стала лучше и дороже
Всех пышных платьев для меня!»
Однажды этот принц, по ловлям и засадам
Скитаясь вольно на заре,
Набрел на хижинку за темным садом,
Разбитым по крутой горе,
И к скважине дверной приник случайным взглядом.
В тот день был праздник на дворе, —
Принцесса тешилась нарядом...
Всю в золоте и жемчугах,
В алмазных брызгах, в солнечных кругах,
Увидел он ее совсем с собою рядом.
Окаменев на полпути,
Охвачен пламенем желанья,
В груди горячего дыханья
Не может принц перевести.
Не красотою он пленился невозвратно:
Румянец свежий, гордый вид
И мрамор царственный ланит
Пленяют мудрого стократно,
Когда, стыдливостью повит,
Весь юный облик сладостно и внятно
О благородстве духа говорит.
Три раза пламенем неистовым палимый,
Касался принц дверей рукой неумолимой,
Три раза, робостью неожиданною объят,
Перед святынею он отступал назад.
И, удалясь затем в дворцовые покои,
Гонимый сладкою тоскою,
Хоть был веселый карнавал,
Не ел, не пил, не танцевал;
К охоте, опере, забавам и подругам
Он охладел, и все замолкло в нем,
Сожженное одним недугом —

Смертельной томности таинственным огнем.
Он спрашивал: как имя той прелестной,
Что так жестоко заперта
В аллее мрачной, в келье тесной,
Где грязь, и смрад, и темнота?
«Ослиной Шкурой, — принцу отвечают, —
Грязнулю эту величают,
Затем что шкуру носит день и ночь.
Она грязнее всех животных.
С ней порошков не надо рвотных,
Чтоб страсть любую превозмочь».
Но юноша не верил, удивленный:
Ведь несравненной красоты
Хранил он в памяти влюбленной
Неизгладимые черты.
В смятенья тяжком королева, —
Винных нет вокруг, причины нет для гнева:
«О сын единственный, кто вас обидеть мог?»
Он горько плачет, он рыдает,
Мечта безумная его снедает —
Ослиной Шкурой сделанный пирог!
И королева-мать его не понимает.
«О боже! Это же урод! —
Придворные лепечут перед нею. —
Ведь Шкура эта скотницы грязнее!
Да эта Шкура — черный крот!»
«Пустое! — королева отвечает, —
Должны мы делать все, чего попросит он,
Хоть золотом кормить, коль он того желает».
Таков любви ее закон.
А Шкура, слыша эти вести,
Взяла насеяла муки,
Под вечер утварила в тесте
И соль, и масло, и желтки,
Чтобы румяной сделать корку;
Забилась в темную каморку.
Почище смыла со стола
И с нежных рук остатки саж
И, чтоб ватрушка выдалась бела,
Надев серебряный корсажик,
Месить усердно начала.
Иные говорят — трудясь необычайно,

Она-де впопыхах — совсем-совсем случайно! —
В опару уронила перстенок.
Но от того, кто сказку помнит точно,
Нередко можно выслушать намек,
Как будто это сделалось нарочно.
Само собой, покуда сквозь замок
Принцессу принц заметить мог,
Она его видала тоже.
Как раз на женщину похоже!
У них на это есть чутье:
Чуть кто посмотрит на нее,
Ей этот взгляд всего дороже.
Что до меня, то мнение мое:
Колечко это, — был расчтете е, —
Вернуть назад влюбленный принц не сможет,
А между тем пирог больного так прельстил,
Он пожирал его с такою страстью жадной
Что, право, кажется удачею изрядной,
Как он кольца не проглотил.
Зато, увидев изумруд бесценный,
Поняв, как тонок должен быть
Тот перст, что мог его носить,
Был принц охвачен томностью блаженной
И мигом в головах запрятал перстенок,
А так как жизни слабый огонек
Чуть брезжил в нем, и он худел ужасно,
И нестерпимый жар кипел в его крови, —
Решили медики единогласно:
Принц умирает от любви.
Женитьба, как ни кинь, значительно полезней
Микстур и порошков от множества болезней:
«Женить, немедленно женить!»
Заставил принц себя просить,
Но под конец: «По общей просьбе страстной
Женюсь, — сказал, — но лишь на той прекрасной,
Кому мой перстень в самый раз».
Услышав странное условие,
Родители к нему склонились в изголовье,
И бледный луч надежд безжалостно погас.
Теперь пуститься в поиски придется, —
Не ведая гербов, не требуя корон, —
Кто может сквозь кольцо пролезть на царский трон?

Меж женщин скромниц явно не найдется:
Девушка, дама и вдова
Заявят равные права.
И впрямь, лишь слух прошел, что каждой
тонкоперстой
До трона все врата отверсты, —
Алхимики о пальцах ворожат,
А барышни над пальцами дрожат:
Та разминает, словно бы сосиску,
Стругает эта, как редиску;
Одна отрезала кусок,
Другая, — то-то было крику, писку, —
Насыпав на руку песок,
Мизинец с плачем точит о брусочек...
Трепещет каждое сердечко:
Ах, только б подошло колечко!
Хотя б вот так, хотя б на волосок...
И первыми пришли на королевский вызов
Принцессы, дочери маркизов,
Чья кровь прозрачна, кость тонка,
А пальцы — толще перстенька.
Вослед ведут девиц бароны,
Князья и важные персоны,
Но сколько их ни шло без меры и конца,
Их вид не обманул кольца.
Тогда гризеток милых стайки
Защебетали у ворот.
Ну что ж? Признаюсь без утайки, —
Порой казалось, что кольцо вот-вот...
А все же пальчики — те толще, эти шире,
Оно отвергло всех; и скорбь настала в мире.
Вот наконец король готов
Принять кухарок и батрачек,
Пастушек, скотниц, нищих, прачек —
Ну, словом, мелочь всех сортов, —
Шеренгу армии крикливой
Охотниц за судьбой счастливой,
Корявых лап, горластых ртов,
Хоть ясно, что такому люду
Не более доступна честь
В колечко пальчиком пролезть,
Чем, скажем, сквозь иглу пройти верблюду.

Итак, дошли они до дна.
Осталась им теперь одна
Ослиной Шкуры грязная десница.
Но кто ж поверить мог тому,
Что в шкуре прячется царица?
Один лишь принц промолвил: «Почему?
Пусть и она...» И стали все смеяться,
Едва не вслух над бедным издеваться:
«Мартышки нам на троне — ни к чему!»
Но в данный миг, когда из-под ослиной кожи
Явился кулачок, на лилию похожий —
Да, да, на лилию в лучах зари! —
Когда колечко роковое
Обвило палец как живое,
Все ахнули: что там ни говори,
Весь двор от верха и до низа
Никак не ожидал сюрприза.
«Скорее к королю!» — раздался общий шум.
— Н о , — заявила с гордостью девица, —
Она не может королю явиться,
Пока ей не дадут переменить костюм!
И то сказать — покрой ее одежды
Мог вызвать шутки встречного невежды.
А час спустя, когда вдоль шумных зал
Она прошла своей походкой плавной,
Завистник бы и тот сказал,
Что роскоши одежд не видывали равной,
Что с теплым золотом кудрей
Соперничать не может блеск невзрачный
Рубинов, перлов, янтарей;
Что от дверей и до дверей
Пронзает встречных синий и прозрачный
Живой огонь ее огромных глаз;
Что талия ее стройней любой былинки;
Что чудо — каждый шаг, и каждый взор — алмаз,
Как будто на пленительной картинке;
Что дама каждая, будь трижды хороша,
Пред ней не стоит ни гроша.
Шумит веселый двор. Оркестры, угощенье...
Король себя не помнит — рад
Такой невестке, лучшей из наград,
И королева в восхищенье.

Молчит ликующий жених,
Мечтая в пламенном смущенье,
Чтоб их оставили совсем одних.
Все меры приняты ускорить срок желанный:
Король сзывает всех властителей земли.
Покинув подданных, на праздник долгожданный
Толпами шумными стремятся короли.
Одни приехали с роскошного Востока,
На спинах сморщенных слонов,
А с ними рядом видит око
Спаленных дочерна жестоко
Горячей Африки сынов...
Идут лесами, странствуют полями,
И гордый замок — полон королями.
Но ни князья, ни короли
С такую пышностью не шли,
Как тот, чья дочь была невеста.
Он поборол былую страсть,
Со временем обрел над буйным чувством власть,
Признал, что здесь ему не место,
И пламя погасил, пылавшее в крови.
Оно померкло, укротилось
И постепенно превратилось
В спокойное тепло родительской любви.
Едва войдя: «Господь благослови
Тот день, когда тебя я вижу снова,
Дитя бесценное! Так ты жива, здорова?» —
Воскликнул он и обнял дочь,
Не в силах слез блаженных превозмочь.
Жених в восторге млел: какой удачный случай,
Что тестем у него — властитель столь могучий.
Внезапный гром... Царица фей,
Несчастий прошлого свидетель,
Нисходит крестницы своей
Навек прославить добродетель...
Ну что же? Сказку можно пояснить:
Полезно детям знать, в завет и назиданье,
Что лучше вынести ужасное страданье,
Чем долгу чести изменить;
Что к добронравию иных даров не надо:
Наступит славный день, и явится награда;

Что трудно удержать поток живых страстей
Плотиной слабою рассудка;
Что для влюбленного неистовых затей
Богатство — прах и жертва — шутка;
Что коркой хлеба и водой
Способна юность утолиться
В то время как у ней хранится
Наряд в шкатулке золотой;
Что стали бы искать мы женщины напрасно,
Не убежденной: ах, мол, я прекрасна!
Из них любая думает, скорей, —
Найдись у граций древней сказки
Ее головка, губки, глазки,
Уж яблочко б досталось ей!
Хоть в сказке мудрецы искать неправды станут,
А все ж, пока живут мамы да сынки,
Да бабушки, да внучки, да внучки, —
Ее рассказывать не перестанут.

ОСЛИНАЯ ШКУРА

Жил когда-то король, столь великий, столь любимый своими подданными, столь почитаемый всеми своими соседями и союзниками, что его можно было назвать счастливейшим из монархов. Счастье не изменило ему и в выборе супруги — принцессы столь же прекрасной, сколь и добродетельной, и счастливая чета жила в совершеннейшем согласии. От их целомудренного брака родилась дочь, одаренная такой прелестью, таким очарованием, что они и не жалели о том, что их потомство столь немногочисленно.

Великолепие, вкус и изобилие царили в королевском дворце; министры были мудры и искусны; придворные — добродетельны и преданны; слуги — верны и трудолюбивы; конюшни — обширны и полны самых лучших в мире лошадей, покрытых богатыми чепраками. Однако чужеземцев, приходивших полюбоваться этими прекрасными конюшнями, всего более удивляло то, что на самом видном месте стоял господин осел, развесив большие, длинные уши. Не по прихоти, а с полным основанием король отвел ему место особое и почетное. Достоинства этого редкого животного заслуживали того, ибо природа устроила его таким чудесным образом, что его подстилка, вместо нечистот, всякое утро оказывалась в изобилии усеянной блестящими эю и всевозможными луидорами, которые слуги шли подбирать, как только осел просыпался.

Но превратности жизни касаются и подданных и королей, а к благам всегда примешиваются и бедствия, и вот небеса допустили, чтобы на королеву напал внезапно злой недуг, против которого, несмотря на всю ученость и все искусство врачей, нельзя было найти никакого средства. Отчаяние было всеобщим. Король, чья нежность и любовь не ослабевали вопреки пресловутой пословице, которая гласит, будто супружество есть могила любви, горевал без меры, во всех храмах своего королевства воссылал обеты к небесам, готов был принести в жертву свою жизнь ради спасения бесценной супруги; но вотще зывал он к богам и волшебницам. Королева, чувствуя, что близится последний час, сказала своему супругу, проливавшему слезы: «Позвольте мне перед смертью попросить вас об одном: если вам вновь захочется жениться...» При этих словах король жалобно завопил, схватил руки жены, омочил их слезами и, уверяя ее, что бесполезно говорить о втором браке, молвил: «Нет, нет, дорогая моя королева, скорее уж я последую за вами!» — «Для государства, — возразила королева твердо, от которой еще усилились сожаления монарха, — для государства нужно, чтоб у вас были наследники, а так как я родила вам только дочь, оно должно потребовать от вас сыновей, которые походили бы на вас. Но горячо прошу вас, заклинаю вас всей вашей любовью ко мне, не уступайте настояниям вашего народа до тех пор, пока не найдете принцессу более прекрасную и более стройную, чем я; я хочу, чтоб вы поклялись в этом, тогда я умру счастливая».

Полагают, что королева, вовсе не чуждая самолюбия, потребовала этой клятвы, не веря, чтобы какая-либо

женщина могла сравниться с ней, и думая, что таким образом король уже никогда не женится опять. Наконец она умерла. Никогда ни один муж не поднимал такого шума. Он день и ночь плакал, рыдал и, пользуясь правами вдовца, ничем больше не занимался.

Сильное горе не может длиться долго. К тому же сановники королевства собрались и все пришли к королю просить его вновь жениться. Это предложение показалось королю суровым и исторгло у него новые слезы. Он сослался на клятву, данную им королеве, и не боялся, что его советникам удастся приискать ему принцессу более прекрасную и более стройную, чем его покойная жена, ибо считал, что это невозможно. Но советники признали это обещание безделицей и сказали, что красота здесь вовсе не важна, лишь бы королева была добродетельна и не бесплодна, что для спокойствия государства и для поддержания мира нужен наследник, что инфанта обладает, правда, всеми качествами, необходимыми для великой королевы, но что в мужья ей придется дать чужеземца, и тогда этот чужеземец либо увезет ее с собою, либо, если он и будет вместе с нею править государством, детей их станут считать чужеземцами, а так как наследников не будет, то соседние народы, может быть, затеют войны, от которых королевство погибнет. Король, пораженный этими доводами, обещал подумать.

И в самом деле, он среди принцесс на выданье стал искать для себя подходящей невесты. Каждый день ему приносили портреты очаровательных особ, но ни один из них не напоминал прелести покойной королевы, и он не мог принять решения. К несчастью, он обнаружил, что инфанта, дочь его, не только восхитительно прекрасна и стройна, но что умом и прелестью она даже превосходит свою мать-королеву. Ее молодость, приятная свежесть ее нежной кожи воспламенили короля страстью столь пылкой, что он не мог скрыть это от принцессы и сказал ей о своем решении — жениться на ней, ибо только в союзе с ней он видел возможность не нарушить клятвы.

Юная принцесса, добродетельная и стыдливая, чуть не упала в обморок от этого ужасного предложения. Она бросилась к ногам короля и со всею силою убеждения, на какую была способна, заклинала отца не принуждать ее к такому преступлению.

Чтобы успокоить совесть принцессы, король, у которого в голове засела эта странная мысль, обратился за советом к старому друиду. Этот друид, не столько благочестивый, сколько честолюбивый, принес дело невинности и

добродетели в жертву чести стать наперсником могучего короля и так искусно повлиял на его ум, так смягчил в его сознании мысль о грехе, который тот готов был совершить, что убедил его, будто жениться на собственной дочери есть дело, угодное небу. Монарх, польщенный речами этого злодея, обнял его и вернулся во дворец, еще более укрепившись в своем намерении; он велел возвестить принцессе, чтобы она готовилась исполнить его приказание.

Юная принцесса под бременем непомерного горя не могла придумать иного исхода, как посетить волшебницу Сирени, свою крестную мать. Она в ту же ночь отправилась в путь в изящном кабриолете, в который запряжен был большой баран, знавший все дороги. Доехала она без происшествий. Волшебница, любившая принцессу, сказала ей, что уже все знает, но что тревожиться нечего, ибо ничто не может повредить принцессе, если она в точности исполнит все указания волшебницы. «Дитя мое, — сказала она ей, — выйти замуж за своего отца было бы ведь очень грешно; но даже и не прекословя ему, вы можете этого избежать: скажите ему, что он должен исполнить одну вашу прихоть и подарить вам платье цвета ясных дней; при всем своем могуществе и всей своей любви он не в силах будет этого сделать».

Принцесса поблагодарила свою крестную мать и на другое утро сказала королю то, что посоветовала ей волшебница, и заявила, что не даст согласия, пока у ней не будет платья цвета ясных дней. Король, в восторге от той надежды, которую она ему подала, созвал знаменитейших мастеров и заказал им это платье, предупредив, что, если им не удастся его сработать, все они будут повешены. Но королю и не пришлось прибегнуть к столь огорчительной крайней мере: мастера на другой же день принесли это столь желанное платье. Даже голубой небесный свод, опоясанный золотыми облаками, не мог бы сравниться красотой с этим платьем, когда его положили перед принцессой. Инфанта совсем опечалилась и не знала, как выйти из затруднения. Король торопил ее. Опять пришлось прибегнуть к помощи крестной, которая, удивившись, что совет оказался неудачным, велела ей попытаться попросить у короля платье лунного цвета. Король, который ни в чем не мог ей отказать, созвал искуснейших мастеров и был так решителен, заказывая им платье лунного цвета, что между заказом и его исполнением не прошло и суток...

Инфанта, которая была в восторге от этого чудесного платья, но не от забот своего царственного отца, предалась безмерной печали, когда осталась одна со своими служанками и своей кормилицей. Волшебница Сирени, зная про все, поспешила на помощь к опечаленной принцессе: «Может быть, я очень заблуждаюсь, но мне кажется, что, если вы попросите платье цвета солнца, мы или вконец раздосадуем вашего отца, — ведь ему такого платья никогда не достать, — или хотя бы выиграем время».

Инфанта согласилась, попросила платье, и влюбленный король без сожалений отдал все брильянты и рубины своей короны, чтобы украсить это изумительное произведение, и приказал ничего не беречь, лишь бы сделать платье подобным солнцу, — и недаром: когда его принесли и развернули, все, кто присутствовал при этом, должны были закрыть глаза — так оно их ослепило. С этой-то поры и появились зеленые очки и черные стекла. Что сделалось с инфантой, когда она увидела его? Никто никогда не видал платья столь прекрасного и сделанного столь искусно. Принцесса смутилась и под предлогом, что от блеска больно глазам, удалилась в свои покои, где ожидала ее волшебница, до того пристыженная, что невозможно описать. Но этого мало: увидев платье цвета солнца, она побагровела от гнева. «Ах, теперь, дочь моя, — сказала она инфанте, — мы подвергнем преступную страсть вашего отца ужасному испытанию. Хоть у него и крепко засела в голове мысль об этой женитьбе, столь близкой уже, как ему кажется, но, я думаю, его немного озадачит просьба, с которой я вам советую обратиться к нему: попросите у него шкуру осла, которого он так страстно любит и который так щедро помогает ему покрывать все расходы; ступайте же и скажите, что хотите получить эту шкуру».

Инфанта, в восторге, что нашла еще один способ избегнуть ненавистного ей брака, и думая к тому же, что отец никогда не решится пожертвовать своим ослом, пришла к нему и выразила свое желание — получить шкуру этого прекрасного животного. Хотя короля и удивила такая прихоть, но он, не колеблясь, исполнил ее. Бедный осел пал жертвой, а шкуру его любезно принесли принцессе, которая, не видя больше никакого средства избежать несчастья, уже готова была впасть в отчаяние, как вдруг вбежала ее крестная мать. «Что вы делаете, дочь моя? — сказала она, видя, что принцесса рвет на себе волосы и царапает свои прекрасные щеки. — Ведь это счастливейшая минута в вашей жизни. Завернитесь в эту

шкуру, уходите из дворца и идите, пока земля держит; когда все приносишь в жертву добродетели, боги вознаграждают за это. Ступайте, а я позабочусь о том, чтоб гардероб ваш всюду вас сопровождал; куда бы вы ни пришли, сундук с платьями и драгоценностями под землю будет следовать за вами; вот моя палочка, я даю ее вам; как только вам понадобится сундук, вы ударите ею о землю, и он тут же появится; но только торопитесь, не мешкайте».

Инфанта расцеловала свою крестную, просила не оставлять ее, облачилась в противную ослиную шкуру, вымазалась сажей из трубы и, никем не замеченная, покинула роскошный дворец.

Исчезновение принцессы произвело большой переполох. Король, который уже велел приготовить великолепный пир, был в отчаянии, никак не мог утешиться. На поиски своей дочери он послал больше сотни жандармов и свыше тысячи мушкетеров; но волшебница, ее покровительница, сделала ее невидимой даже для ловких сыщиков, так что пришлось ему смириться.

Инфанта тем временем шла. Она ушла далеко-далеко, уходила все дальше и всюду искала места служанки, но, хотя из милости ей и давали поесть, все же никто не хотел брать ее — такой грязной казалась она всем. Но вот она пришла в какой-то красивый город, у ворот которого была мыза, а хозяйке нужна была судомойка, чтоб полоскать тряпки, смотреть за индюшками и чистить свиные корыта. Увидав такую грязную путницу, женщина эта предложила ей поступить в услужение, на что инфанта охотно согласилась, — ведь она так устала идти. Ей отвели угол за кухней, где она в первые дни стала предметом грубых шуток челяди, оттого что ослиная шкура придавала ей столь отвратительный, грязный вид. В конце концов к ней привыкли; к тому же она с таким усердием делала свою работу, что хозяйка взяла ее под свою защиту. Она всегда вовремя загоняла овец, индюшек пасла с таким умением, что, казалось, будто всю жизнь ничего другого и не делала, и всякая работа у нее спорилась.

Однажды, когда она сидела на берегу прозрачного ручья, где часто горевала о печальной своей судьбе, ей вздумалось поглядеться в воду, и гадкая ослиная шкура, заменявшая ей платье и головной убор, ужаснула ее. Стыдясь такого наряда, она помыла себе руки, которые стали белее слоновой кости, и лицо, на которое вернулась прежняя свежесть красок. Увидев себя такой красавицей, она на радостях решила выкупаться, что тут же и

исполнила; но, возвращаясь на мызу, снова должна была надеть гадкую шкуру. К счастью, на другой день был праздник, так что у нее достало времени извлечь из-под земли сундук, заняться туалетом, напудрить свои густые волосы и надеть чудное платье цвета ясных дней. Каморка была так мала, что шлейф этого чудного платья некуда было девать. Красавица принцесса погляделась в зеркало, полюбовалась собою и от скуки решила каждый праздник и каждое воскресенье надевать одно за другим все свои платья; так она потом и делала. Свои пышные волосы она с необычайным искусством украшала цветами и алмазами и часто вздыхала, что красоты ее не видит никто, кроме овец да индюшек, любивших ее даже в этой отвратительной ослиной шкуре, из-за которой и принцессу стали называть теперь на мызе Ослиной Шкурой.

Однажды, в праздничный день, когда Ослиная Шкура надела платье солнечного цвета, сын короля, которому принадлежала мыза, заехал сюда отдохнуть, возвращаясь с охоты. Этот принц был молод, прекрасен, хорошо сложен; отец и мать-королева любили его, подданные — обожали. На мызе принцу предложили простое деревенское угощение, которого он и отведал; потом он вздумал обойти все дворы и закоулки. Переходя таким образом с места на место, он попал в темный коридор, а в конце его увидел затворенную дверь. Любопытство заставило его заглянуть в замочную скважину, но что случилось с ним, когда он увидел принцессу, такую прекрасную, одетую так богато, что по ее гордой и вместе скромной осанке он принял ее за богиню! Порыв страсти, которую он почувствовал в это мгновение, заставил бы его вышибить дверь, если б не почтение, внушаемое ему этой прелестной особой.

Нелегко ему было уйти из этого темного, мрачного коридора, а ушел он для того, чтоб узнать, кто живет в маленькой каморке. Ему ответили, что там живет судомойка, прозванная Ослиной Шкурой оттого, что ослиная шкура служит ей одеждой, и что она такая неопрятная и грязная, что никто на нее не глядит, никто с ней не заговаривает и что взяли ее только из милости — пасти баранов да индюшек.

Принц, не удовлетворенный этим объяснением, понял, что эти грубые люди больше ничего и не знают и что бесполезно расспрашивать их. Он вернулся во дворец своего царственного отца до того влюбленный, что невозможно и описать, и перед глазами его все время мелькал прелестный образ той богини, которую он видел в замочную скважину. Он раскаивался, что не постучал в

дверь, и дал себе слово в другой раз не преминуть это сделать. Но от волнения в крови, вызванного этой пылкой любовью, он в ту же ночь заболел такой ужасной лихорадкой, что вскоре ему уже стало совсем худо. Королева, его мать, у которой не было других детей, приходила в отчаяние, видя, что лекарства не приносят никакой пользы. Напрасно сулила она врачам самые великие награды; они пускали в ход все свое искусство, но ничто не помогало принцу.

Наконец они догадались, что болезнь его — следствие какого-то смертельного горя; они известили об этом королеву, которая, нежно любя своего сына, стала заклинать его, чтоб он открыл ей причину недуга, и сказала, что, если бы даже надо было уступить ему корону, король-отец без сожаления покинул бы престол, на который возвел бы его; что если он любит какую-нибудь принцессу, то, хотя бы с отцом ее велась война и хотя бы имелись справедливые основания быть недовольными им, все будет принесено в жертву, только бы исполнить желание принца; что она умоляет его не умирать, ибо от его жизни зависит и жизнь его родителей.

Еще не доведя до конца этой трогательной речи, королева пролила на лицо принца целые потоки слез. «Сударыня, — сказал ей наконец принц голосом весьма слабым, — я не такой изверг, чтобы желать короны моего отца; небу да будет угодно, чтобы жил он еще долгие годы, а чтобы мне еще долго пришлось быть самым верным и самым почтительным из его подданных. Что до принцесс, о которых вы сейчас говорили, то я еще не думал жениться, и вы ведь знаете, что я, всегда послушный вашим желаниям, всегда буду повиноваться вам, как бы трудно мне приходилось». — «Ах, сын мой, — продолжала королева, — я ничего не пожалею, чтобы спасти твою жизнь, но, милый сын мой, и ты должен спасти жизнь мне и королю, твоему отцу, должен открыть нам твоё желание и не сомневаться, что оно будет исполнено». — «Если уж надо открыть вам моё желание, — сказал он, — то повинуюсь; было бы преступлением, если бы я подверг опасности две жизни, столь драгоценные для меня. Да, мать моя, мне хочется, чтобы Ослиная Шкура испекла мне пирог, а когда он будет готов, чтобы мне его принесли».

Королева, удивленная этим странным именем, спросила, кто такая Ослиная Шкура. «Это, государыня, — ответил один из придворных, которому случилось видеть девушку, — это после волка самая гнусная тварь, чернокожая, грязная; живет она на вашей мызе и пасет ваших

индюшек». — «Все равно, — сказала королева, — может быть, сын мой, возвращаясь с охоты, отведал ее печенья; это прихоть больного; словом, я хочу, чтобы Ослиная Шкура живо испекла ему пирог».

Побежали на мызу, позвали Ослиную Шкуру и велели ей испечь как можно лучше пирог для принца.

Некоторые писатели уверяли, будто бы в тот миг, когда принц приложил глаз к замочной скважине, Ослиная Шкура тоже заметила его, а потом, поглядев в свое маленькое окошко, она увидела этого принца, такого молодого, такого прекрасного, такого стройного, что мысль о нем уже не покидала ее и что она часто вздыхала, вспоминая о нем. Как бы то ни было, — видела ли его Ослиная Шкура или только слышала вечные похвалы ему, — но она была в восторге, что нашла способ сделаться ему известной; она заперлась у себя в камерке, сбросила гадкую шкуру, вымыла лицо и руки, причесала свои белокурые волосы, надела блестящий серебряный корсаж, такую же юбку и принялась печь пирог, которого так хотелось принцу: муку она взяла самую лучшую и самые свежие масло и яйца. То ли нарочно, то ли нечаянно, но только, замешивая тесто, она обронила туда колечко, которое так и осталось в пироге; а когда он был готов, она, снова надев свою отвратительную шкуру, отдала пирог придворному и спросила его о здоровье принца; но этот человек, не удостоив ее ответа, побежал к принцу — отнести ему пирог.

Принц стремительно выхватил пирог из рук этого человека и принялся есть его с такой поспешностью, что врачи, находившиеся тут, не преминули сказать, что эта неистовая жадность не означает ничего хорошего; и в самом деле, принц чуть было не подавился колечком, которое оказалось в одном из кусков пирога; но он ловко вынул его изо рта, а стремительность, с которой он поедал пирог, уменьшилась теперь, когда он стал рассматривать маленький изумруд, украшавший золотое колечко, такое маленькое, что, как подумал принц, оно могло бы прийтись в пору только самому хорошенькому пальчику.

Он расцеловал это колечко, спрятал его под подушкой и то и дело вынимал его, когда думал, что на него никто не смотрит. Терзая себя мыслью о том, как бы найти способ повидать ту, которой в пору это колечко, и не решаясь поверить, что ему позволят, если он попросит об этом, позвать Ослиную Шкуру, изготовившую пирог, которого он желал, не решаясь также сказать о том, что он видел в замочную скважину, — из опасения, как бы его не

высмеяли и не приняли за духовидца, — терзаясь зараз всеми этими заботами, принц занемог опаснее прежнего, а врачи, уже не зная, что делать, объявили королеве, что он болен от любви.

Королева вместе с королем, который был в отчаянии, поспешили к сыну. «Сын мой, милый сын мой, — воскликнул опечаленный монарх, — назови нам, кого хочешь взять в жены, клянемся, что дадим ее тебе, хотя бы она была презреннейшей рабой». Королева, целуя принца, подтвердила клятву короля. Принц, тронутый слезами и ласками тех, кому он обязан был своей жизнью, сказал им: «О мой отец, о мать моя, я не намерен вступать в брак, который вам был бы неугоден, а чтобы доказать, что это правда, — и, сказав это, он вынул из-под подушки колечко с изумрудом, — я женюсь на той, кому это колечко придется впору, кто бы она ни была, но непохоже, чтобы девушка с таким хорошеньким пальчиком была неотесанной деревенщиной».

Король и королева взяли колечко, с любопытством стали его рассматривать и, так же как и принц, решили, что колечко это может прийтись впору только девице знатного рода. Тогда король, поцеловав сына и умоляя его выздороветь, вышел и велел своим герольдам, под звуки барабанов, дудок и труб, кричать по всему городу, чтобы девушки шли во дворец примерять колечко, — та, которой оно придется впору, выйдет замуж за наследника престола.

Сперва явились принцессы, потом герцогини, маркизы и баронессы, но, как они все ни сдавливали себе пальцы, ни одна из них не могла надеть колечко. Пришлось позвать девиц легкого нрава, но и у них, хоть и все они были красивы, пальцы оказывались слишком толстыми. Принц, которому стало лучше, сам примеривал колечко. Наконец пришлось позвать горничных; им тоже не повезло. Никого уже не оставалось, кто бы не попытался, хотя и тщетно, примерить колечко. Тогда принц велел привести кухарок, судомоек, пастушек; всех их и привели, но на их толстые пальцы, красные и короткие, колечко не лезло дальше ногтя.

«А позвали ль Ослиную Шкуру, что испекла для меня пирог на этих днях?» — спросил принц. Все засмеялись и сказали ему, что нет — она ведь такая грязнуля, такая замарашка. «Тотчас же за ней послать, — сказал король, — пусть никто не скажет, что кому-нибудь я не позволил прийти». Смеясь и издеваясь, придворные побежали за птичницей.

Инфанта, слышавшая бой барабанов и крики герольдов, догадалась, что ее колечко — причина всего этого шума; она любила принца, а так как истинная любовь боязлива и чужда тщеславия, то она все пребывала в тревоге: как бы у другой дамы не оказался такой же маленький пальчик. Поэтому она очень обрадовалась, когда за ней пришли и постучались к ней в дверь. С тех пор как она узнала, что стараются найти пальчик, на который можно бы надеть ее колечко, какая-то надежда заставляла ее причесываться более тщательно и надевать красивый серебряный корсаж и юбку с оборками из серебряных кружев, усеянных изумрудами. Как только она услышала, что стучат в дверь и зовут ее идти к принцу, она живо накинула на себя ослиную шкуру и отворила дверь, а эти люди, издеваясь над нею, сказали ей, что король хочет женить на ней своего сына и оттого требует ее к себе; потом, не переставая смеяться, отвели ее к принцу, который, с удивлением глядя на странный наряд девушки, сам не решался поверить, что это ее он видел такой величественной и прекрасной. Грустный и смущенный столь грубой ошибкой, он ей сказал: «Это вы живете в конце темного коридора на ферме, на третьем птичьем дворе?» — «Да, государь», — ответила она. — «Покажите мне вашу руку», — сказал он ей, дрожа и испуская глубокий вздох...

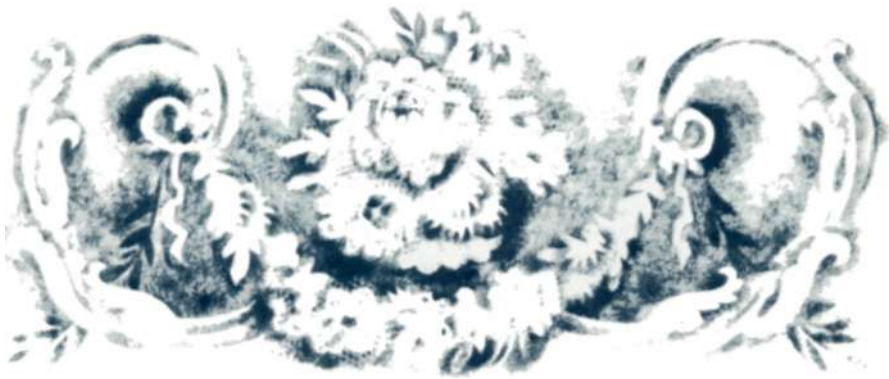
Но кому же пришлось удивляться? Удивились король и королева, удивились все камергеры и придворные вельможи, когда из-под этой черной и грязной шкуры протянулась маленькая и нежная ручка, белая, с розовыми ногтями, и кольцо без всякого труда удалось надеть на самый хорошенький в мире пальчик; инфанта легким движением сбросила шкуру и предстала полная такой пленительной красоты, что принц, как ни был он слаб, пал к ее ногам и с таким пылом обнял ее колени, что она покраснела; но этого почти никто и не заметил, потому что король и королева изо всех сил принялись обнимать ее и спросили, согласна ли она выйти замуж за их сына. Принцесса, смущенная всеми этими ласками и всею той любовью, которую выражал молодой прекрасный принц, хотела уже высказать свою благодарность, как вдруг раскрылся потолок, и волшебница Сирени, спустившись в колеснице из цветов и веток сирени, необыкновенно мило рассказала историю инфанты.

Король и королева, в восторге оттого, что Ослиная Шкура оказалась знатной принцессой, удвоили свои ласки, но принца всего более тронула добродетель принцессы, и любовь его еще усилилась от этого.

Нетерпение принца, желавшего скорей жениться на принцессе, было таково, что он едва дал срок приготовиться как следует к столь торжественному бракосочетанию. Король и королева, которые были без ума от своей невестки, всячески ласкали ее и целыми часами держали ее в своих объятиях; она же сказала, что не может выйти замуж за принца без согласия своего отца; поэтому-то ему первому и послали приглашение, не сообщив только, кто невеста. Волшебница Сирени, которая, как и подобает, всем распоряжалась, потребовала этого, ибо думала о том, что может произойти впоследствии. Изо всех стран прибыли короли: одни на носилках, другие в кабриолетах, а самые дальние — на слонах, на тиграх, на орлах; но самым великолепным и самым могущественным был среди них отец инфанты, забывший, к счастью, свою странную любовь и женившийся на вдове-королеве, красавице, от которой у него не было детей. Инфанта бросилась к нему навстречу; он тотчас же ее узнал и с величайшей нежностью обнял ее, прежде чем она успела броситься к его ногам.

Король и королева представили ему своего сына, которому он и не знал, как выразить свою приязнь. Свадьбу справили со всей роскошью, какая только возможна. Молодые супруги, мало тронутые всем этим великолепием, видели только друг друга и друг на друга только и глядели.

Король, отец принца, в тот же день венчал его на царство и, поцеловав ему руку, посадил на свой престол; несмотря на все сопротивление сына, столь благородного, ему пришлось повиноваться. Празднества в честь этого славного брака продолжались около трех месяцев, а любовь двух супругов так была сильна, что продолжалась бы и до сих пор, если бы через сто лет после того оба они не умерли.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ ЛА С...

*Не будь вы барышней разумной,
Конечно, я бы скрыл от вас
Нелепый этот и неумный,
Совсем невежливый рассказ.
В нем действует колбаска кровяная...
«Что? Колбаса? Помилуйте, родная!
Ведь это ж пошлость! Это стыд!»—
Раздастся тотчас окрик грозный
Жеманницы, во всем серьезной,
Что об одной любви с восторгом говорит,
Но вы... Вам свойственно уменье
Живую силу слов беречь,
У вас наивность выраженья
Способна зримой сделать речь.
О чем тут спорить? Нам, поэтам,
Не важно «что», а важно «как», —
Окрасить слово новым цветом
Для нас ценнее прочих благ, —
Так вы одобрите, что накропал чуждак;
Сказать по правде — он уверен в этом.*

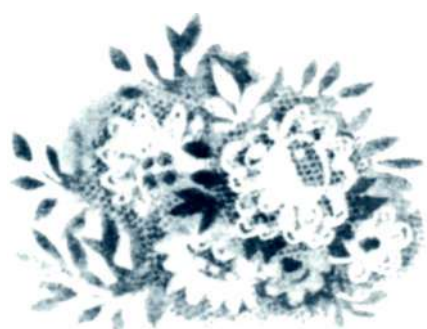
СМЕШНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Жил некогда на свете дровосек
Невзгодами измучен тяжко,
Бывало, все твердит бедняжка:
«Довольно! Удаюсь в страну загробных рек!»
Всю жизнь его смущало убежденье,
Что небеса со дня его рожденья
Не внемлют, бог весть отчего,
Ничтожнейшим желаньям его.
Однажды он в лесу вздыхал, ворчал, ругался, —
Как вдруг с перунами к нему идет Зевес...

Понятно, парень испугался,
Узнав в лицо царя небес.
«Не надо ничего, — упал он наземь с дрожью, —
Мы — квиты! Окажите милость божью —
Ступайте на небо, а мне оставьте лес!»
— «Не бойся, смертный! — бог ответил. —
В моем лице ты мужа чести встретил;
Чтоб доказать тебе твою вину,
Сим обещаю и не обману:
Владыка горних сфер, зиждитель мирозданья
Покинул для того небесную страну,
Чтоб первые твои исполнить три желанья.
Желай! — счастливым можешь быть.
Желай! — отныне все возможно.
Но только, куманек, старайся не забыть,
Что это надо делать осторожно».
Сказал — и тотчас же вознесся в небеса...
А добрый человек, взвалив на горб вязанку,
С докучной ношею сквозь темные леса
К хозяйке молодой пустился спозаранку,
Он думал: «Блэз, не будь же дураком!
Ты можешь стать, коль дельца не просвищешь,
Таким богатым мужиком,
Каких на десять верст не сыщешь!»
«Фаншетта! — гаркнул он, войдя в свое жилище. —
Топи-ка печь! Топи вразвал, дружище;
Отныне будем мы не делать ничего,
Мы будем лишь — желать неведомо чего!»
Он сел рассказывать. И, наостривши ухо,
Его хозяйка — известная воструха! —
Пока он говорил, надумала всего,
Но, рассудив сейчас же здраво,
Что коль желать, так уж на славу,
Заворковала: «Милый муженек!
Не стоит с этим торопиться, право;
Настанет завтрашний денек —
Отложим до него веселую забаву.
Что утро вечера гораздо мудреней,
Известно с очень давних дней».
— «Нучто же, — молвил уж, — пожалуй, я согласен.
Пойди-ка, нацеди, голубушка, вина...»
Он пропустил глоток, устав от долгих басен,
И в кресле у огня, развежась ото сна,
Пробормотал, забыв, как этот путь опасен:
«Покуда жар в печи горяч еще и красен,
Колбаска добрая была бы мне нужна!»

Мгновенно воцарилась тишина,
 И видит взор жены, усевшейся в сторонке
 Провести вечерние часы,
 Что к ней ползет из-за заслонки
 Змея огромной колбасы.
 Быстрее, чем тикают часы,
 Она решила, что, конечно,
 (Скажи болвану исполать!),
 Ее супруг успел беспечно
 Подобной дряни нажелать!
 И тотчас же бесчеловечно,
 Что только в памяти нашла,
 Ему в укор преподнесла:
 «Ты мог бы стать царем! Иметь, как принцы в сказке,
 Алмазы, перлы, серебро,
 Рубины, всякое добро,
 А пожелал чего! Эх ты, дурак! Колбаски!»
 — «Ну, ладно, я дурак... Пусть твой сегодня верх...
 Тебя не переспоришь, знаю!
 Дай срок, я завтра пожелаю...»
 — «Да, завтра, после дождичка в четверг!
 Ведь надо ж быть ослом, бревном пятипудовым...»
 Несчастный только вслух не говорил
 (Возможно, он бы благо сотворил),
 Что хочет одного — навек остаться вдовым.
 «Черт трижды по бери, — вскричало он, — колбасу!
 Меня б желать вовек никто не приневолил,
 Когда бы ей господь позволил
 Повиснуть на твоём носу!»
 Немедля внял господь молитве справедливой:
 Еще не смолкли голоса,
 Как к носу женщины крикливой
 Прилипла, чмокнув, колбаса.
 Фаншетта! Где твоя краса?
 Фаншон была мила. Но я скажу по чести,
 Рассказ мой подводя к желанному концу,
 Что эта вещь на данном месте
 Пришлась ей как-то не к лицу.
 Единственно одно: она, как мощной дланью,
 Закрыла рот и прекратила крик.
 Болтушка стала кроткой ланью,
 И муж подумал в этот сладкий миг:
 «Какому ж быть еще желанью?»
 Он думал, как дарил рубли:
 «Ведь я бы мог — такая жалость! —
 С желаньем, что за мной осталось,

Сейчас же выйти в короли.
Но, поглядев на дельце справа-слева,
Прикинуть должно без стыда —
Какой же будет королева?
Ведь это сушая беда
Тащить на трон, а трон — вершина,
Красотку с носом в полтора аршина.
Не лучше ль попросту сказать сейчас:
А ну-ка, милая, раскинь умом, попробуй,
Стать хочешь важною особой
С тем украшением, что так пленяет глаз,
Иль быть женою дровосека,
Имея носик, как у человека,
Какой, сударыня, доселе был у вас?»
Хотя соблазн гулять в короне
Достаточно велик, и в этом нет стыда,
Хоть у сидящего на троне
Найдут античный нос всегда,
Привычка нравиться влечет, как бочка с медом:
Фаншетта предпочла юдоль труда
Возможности на царстве быть уродом.
И бедный дровосек царем царей не стал,
Он пышностью не заблистал,
Тельцов не предавал закланью;
Он просто выразил (бывают же дела!)
Одно довольно жалкое желанье:
Иметь жену, какой жена была...
Никак нельзя считать, что нам, глупцам презренным,
Слепым, бессмысленным, честолюбивым, бранным,
Питать желанья не суждено;
Но мало кто из нас способен сделать ценным
И то небольшое, что нам судьбой дано.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СКАЗКИ

ЛЕРИТЬЕ ДЕ ВИЛЛОДОН,
Д'ОНУА,
ЛЕПРЕНС ДЕ БОМОН

СМЫШЛЕННАЯ ПРИНЦЕССА, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОСТРУШКИ

(Новелла)

ГРАФИНЕ ДЕ МЮРА

Вы пишете прелестнейшие новеллы в стихах, и ваши стихи столь же нежны, сколь естественны. Мне бы хотелось, очаровательная графиня, рассказать вам, в свою очередь, одну новеллу, хотя я и не знаю, развлечет ли вас она. У меня сегодня настроение мещанина во дворянстве, мне не хочется писать ни прозой, ни стихами, не хочется

мне ни высоких слов, ни блеска, ни р и ф м , — мне хочется говорить наивным языком. Словом, меня привлекает простой рассказ, изложенный разговорной р е ч ь ю , — мне хочется только вывести некоторое нравоучение.

Нравоучительна моя сказочка в достаточной мере, и этим она должна вам понравиться. Она основывается на двух пословицах вместо одной: такова нынче мода, и вы их любите, а я с удовольствием следую обычаю. Вы увидите, как наши предки умели доказывать, что для того, кто любит ничего не делать, жизнь превращается в полный беспорядок, или, говоря их словами, — *праздность есть мать всех пороков*, и вам, конечно, понравится их способ доказательства. Вторая пословица гласит, что надо всегда быть настороже; вы, конечно, понимаете, что я говорю о пословице: *недоверие есть мать безопасности*.

Любовь лишь те сердца пленяет,
Каких ни труд, ничто не занимает.
И если ловкий волокита страшен вам
И поглупеть от страсти вы боитесь, —
Красавицы, чтоб мир был сохранен сердцам,
Вы делом позаймитесь.
Но если, так иль сяк, а вам судьба—любить,
То бойтесь вы судьбу соединить, не зная,
Кого избрали вы, кто вас увлек, играя.
Страшись, чтоб около тебя
Не шел один из тех, кто с видом кротким,
Не зная, что сказать красоткам,
Вздыхает громко, не любя.
Беги от рассказней любовных,
Да рассуди толково, что и как,
Немало ведь любовных врак
Из уст точится суесловных.
Да берегись всегда любовников таких,
Что с первых слов кипят в восторгах золотых
И пламенем живым клянутся;
Насмешкой остудите их:
Ведь надо много дней больших,
Чтоб сердцу смело встрепенуться.
Смотри, чтоб нежные слова
Несразу бгордость заменили сном беспечным, —
Должна подумать голова
О счастье и спокойствии сердечном.

Но я не мечтаю об этом, сударыня, я пишу стихи: вместо того чтобы следовать вкусам господина Журдена, я рифмую подобно тому, как это делал Кино. Но сейчас я спешу перейти как можно скорее к простой речи, опасаясь старой ненависти, которую питали к этому милому моралисту, и опасаясь также, как бы меня не обвинили в том, что я его обкрадываю и рву на куски, как ныне делают многие бессовестные авторы.

Во время первых крестовых походов король, уж не знаю какого европейского королевства, решил пойти войной на неверных в Палестину. Перед тем как предпринять столь долгое путешествие, он привел в такой блестящий порядок дела своего королевства и передал управление такому искусному министру, что на этот счет был совершенно спокоен. Гораздо больше тревожила нашего государя забота о его семье. Совсем недавно умерла королева, его супруга, не было у него сыновей, но он был отцом трех принцесс, молодых девушек на выданье. Летопись не сохранила нам их настоящих имен; знаю я только, что так как в счастливые те времена простота народная без обиняков давала прозвища видным особам по добрым их качествам или по недостаткам, то старшую принцессу прозвали Разиней, что по-нашему означает ленивицу, вторую Болтушкой, а третью Вострушкой, и эти прозвища как раз подходили к характерам трех сестер.

Никогда еще не видано было такой ленивицы, как Разиня. Раньше часа пополудни не могла она проснуться, в церковь тащили ее прямо с постели, и шла она непричесанная, платье расстегнуто, пояс надеть позабудет, и нередко на правой ноге у нее одна туфля, а на левой совсем другая. Кое-как за целый день, бывало, подберут ей одинаковые, но никак нельзя было ее уговорить обуться не в туфли, потому что она считала невыносимо трудным надеть башмаки. Бывало, Разиня пообедала, да и начнет одеваться и провозится так до самого вечера, а там до полуночи кушает да балуется. Потом начнет раздеваться на ночь и все так же медленно, как днем одевалась, так что спать она укладывалась, когда совсем рассветет.

Болтушка проводила время по-иному. Эта принцесса была очень живого нрава и очень мало собой занималась,

но до того она любила поговорить, что как, бывало, проснется, так рта и не закроет, пока не заснет. Она знала истории всех неудачных браков, всех нежных связей, всех волокитств, не только при дворе, но и у самых что ни на есть скромных горожан. Она наизусть знала, какие женщины обкрадывают свое хозяйство, чтобы заказать себе самый ослепительный убор, и ей в точности было известно, сколько зарабатывает горничная княгини такой-то и дворецкий маркиза такого-то. Чтобы разузнать обо всех этих делишках, она беседовала со своей кормилицей да своей портнихой с таким удовольствием, какого не получила бы от беседы с посланником, а потом все уши, бывало, прожужжит этими сплетнями всем, начиная с короля, своего отца, до последнего лакея, потому что ей все равно было, с кем бы ни говорить, лишь бы только поговорить.

Непреодолимая ее любовь к болтовне имела еще и другие дурные последствия. Несмотря на высокое ее положение, ее болтовня запанибрата давала повод придворным любезникам приставать к ней со своими нежностями. Она выслушивала их затейливые комплименты попросту, лишь бы не лишиться удовольствия поговорить, а все потому, что ей нужно было во что бы то ни стало с утра до вечера либо слушать, либо болтать пустяки. Болтушка, так же как и Разиня, никогда не могла ни подумать, ни рассудить о чем-нибудь, ни книжку почитать; хозяйством домашним она себя тоже не беспокоила, а иголка или веретено ее вовсе не занимали. Таким-то образом эти две сестры в вечной праздности никогда не утруждали ни рук своих, ни головы.

Младшая сестра этих двух принцесс была совсем другого нрава. Она непрестанно заботилась и о себе и о своем образовании, была очень живая, всех заражала своей живостью и всегда старалась, чтобы все при этом шло по-хорошему. Она чудесно танцевала, пела, играла на разных инструментах, очень ловка была во всяких рукоделиях, любезных прекрасному полу, вела в большом порядке королевское хозяйство и следила, чтобы мелкие слуги поменьше добра растаскивали, ибо уже в те времена они не упускали случая обокрасть своего государя.

Но ее таланты на этом еще не кончались; она была, кроме того, весьма рассудительна, и так много было у нее

здорового смысла, что в самом трудном положении всегда она, бывало, найдется. Эта юная принцесса раскрыла однажды своей прозорливостью опасную западню, которую приготовил королю, ее отцу, один коварный посланник, и раскрыла она в ту самую минуту, как король уж готов был подписать важную бумагу. Тогда, чтобы наказать вероломство посланника и его повелителя, король изменил текст соглашения, изложив его в выражениях, которые подсказала ему дочь, и, таким образом, в свою очередь обманул обманщика. Юная принцесса также открыла однажды плутню одного министра, и по ее совету отец сделал так, что предательство этого человека обратилось против него же. Принцесса не однажды еще выказывала прозорливость и остроту ума, и так часто это случалось, что в народе ее прозвали Вострушкой. Король любил ее гораздо больше, чем других дочерей, и так он надеялся на ее здравый ум, что если бы у него не было детей, кроме нее, он бы уехал на войну, нимало не беспокоясь. Но так как он не доверял своим старшим дочерям, то он только и мог положиться что на Вострушку. И вот, чтобы быть уверенным в своей семье, — потому что со стороны своих подданных он ничего не опасался, — принял он некоторые меры, о которых я сейчас расскажу.

Вы, очаровательная графиня, столь сведущи во всем, касающемся древности, что я не смею сомневаться в том, что не раз вы слышали о могущественных чарах фей. Король, о котором я вам рассказываю, был давнишним другом одной из этих искусных женщин. Поехал он к ней и рассказал о том, как беспокоится о своих дочерях.

— Я беспокоюсь, — сказал король, — только о двух старших; конечно, они никогда не поступят против своего долга, но они так неразумны, так неосторожны, ничем решительно не заняты, и я боюсь, как бы они, когда я уеду, не увлеклись от нечего делать какой-нибудь сумасшедшей затеей. Что до Вострушки, то я уверен в ее добродетели, но не хочу выделять ее из остальных, — я решил поступить и с нею так же, как и с другими. Поэтому, премудрая фея, прошу я вас сделать мне три хрустальных прялки для моих дочерей, причем вы сделаете их так искусно, что каждая прялка должна в один миг сломаться, ежели принцесса, которой она будет принадлежать, поступит против своего достоинства.

Так как фея была одной из самых искусных, то она дала королю три очаровательных прялки, наделенных свойствами, необходимыми для осуществления его намерения. Но королю и этих предосторожностей было еще недостаточно, поэтому он заключил всех трех принцесс в очень высокую башню, которая стояла в пустынном месте. При этом король сказал принцессам, что повелевает им жить в этой башне все время, пока он будет в отъезде, и запрещает им принимать у себя кого бы то ни было. Он отстранил от них всех слуг и служанок, потом преподнес им очаровательные прялки, объяснив волшебные их свойства, обнял своих дочерей, запер двери башни, взял с собой ключи, да и уехал.

Вы, может быть, подумаете, госпожа моя, что принцессам в их башне грозила голодная смерть? Вовсе нет: к одному из окон башни приделали крепкий блок, повесили на него веревку, а к веревке принцессы привязывали корзинку, которую каждый день спускали вниз. В эту корзиночку клали им провизию на целый день, а они, подняв корзинку наверх, старательно втягивали и всю веревку к себе в комнату.

Разиня и Болтушка вели в этом одиночестве жизнь, которая их приводила в отчаяние; до того они там скучали, что и рассказать нельзя. Однако пришлось запастись терпением, так как им сделали такие страшные прялки, что они боялись и шагу ступить, как бы те вдруг не сломались.

Ну, а Вострушка, так та вовсе не скучала; ее веретено, иголка да музыкальные инструменты забавляли ее, а кроме того, по приказу министра, который управлял страной, в корзинку принцесс клали для них письма, которые осведомляли их обо всем, что происходило в королевстве, а также и за его пределами. Так повелел король, и министр, чтобы услужить принцессам, аккуратно выполнял его распоряжение. Вострушка с интересом читала эти письма, и они очень ее развлекали. Другие же две сестры нимало ими не интересовались. Они говорили, что слишком огорчены, чтобы забавляться такими пустяками. И они играли в карты, чтобы не скучать, пока отец в отлучке.

Так грустно они жили и ворчали на судьбу. Думаю, не раз они повторяли, что *лучше родиться счастливым, чем королевским сыном*. Частенько сиживали они у окна башни, чтобы по крайней мере посмотреть на то, что

делается вокруг. И вот однажды, когда Вострушка сидела у себя за рукоделием, увидали ее сестры из окна, что к подножию их башни подошла бедная женщина в изодранном рубище, взывая к ним о сострадании. С воздетыми руками умоляла она позволить ей войти в их замок, говоря, что она несчастная чужеземка, что она знает всякую работу и будет им служить верой и правдой. Принцессы вспомнили было о приказании отца никого не пускать в башню, но Разине до того надоело все себе самой делать, а Болтушке так было скучно, что не с кем, кроме сестер, поговорить, и так им захотелось — одной, чтобы ее причесали как следует, а другой, чтобы у нее было еще с кем посудачить, что они решили пустить к себе бедную чужеземку.

— Подумайте, сестрица, — сказала Болтушка, — может ли это быть, чтобы королевское запрещение касалось людей вроде этой бедняжки? Я думаю, что ее можно пустить, ничего не опасаясь.

— Делайте, как знаете, сестрица, — ответила ей Разиня.

Болтушка только этого и ждала. Она опустила сейчас же вниз корзинку, бедная женщина уселась в нее, и принцессы подняли ее наверх на блоке.

Когда женщина предстала перед их очами, им стало противно, до того были грязны ее одежды. Они решили ее переодеть, но та сказала, что переоденется завтра, а сейчас она хочет им послужить да помочь. Пока она это говорила, Вострушка вошла в комнату. Младшая сестра была очень удивлена, увидав незнакомку со своими сестрами. Те ей рассказали, как это случилось, и Вострушка, видя, что уже ничего не поделаешь, притворилась, что вовсе не огорчена их неосторожностью.

Тем временем новая прислужница принцесс уже несколько раз успела обежать весь замок под предлогом, что надо то и другое сделать, а на самом деле, чтобы получше рассмотреть расположение комнат. Потому что, госпожа моя, уж не знаю, догадались ли вы или нет, но только эта мнимая нищенка была так же опасна этому замку, как принц Ори, вошедший в монастырь переодетой беглой аббатиссой.

Чтобы не мучать долее ваше любопытство, скажу вам, что это существо, покрытое лохмотьями, был не кем иным, как старшим сыном могущественного короля, соседа отца наших принцесс. Этот юный принц был одним из самых

изобретательных умов своего времени и распоряжался, как хотел, своим отцом, хотя, впрочем, для этого и не требовалось много ума, потому что у короля этого был такой добрый и податливый нрав, что его прозвали Добряком. Ну, а принца, который был известен только своими хитростями да увертками, прозвали в народе На-хитрости-богат, или Хитрая Голова.

У него был младший брат, у которого было столько же хороших качеств, сколько у старшего недостатков, и все-таки, несмотря на разницу в нравах, оба брата были так дружны, что все удивлялись. Кроме доброй души, младший так был хорош собой и такой он был стройный да складный, что его прозвали Красавчик. Как раз принц Хитрая Голова и посоветовал когда-то посланнику короля, своего отца, заманить отца наших принцесс в коварную ловушку, и только хитрость Вострушки обернула это дело против них. Хитрая Голова и раньше недолюбливал короля, отца наших принцесс, а после этого случая и вовсе возненавидел. И вот, когда он узнал, какие предосторожности принял король, уезжая, он решил доставить себе опасное удовольствие обмануть осторожность столь заботливого отца. Хитрая Голова выпросил под разными вымышленными предложениями у короля, своего отца, позволение отправиться путешествовать и придумал, как ему проникнуть в башню принцесс, что, как вы видели, ему и удалось.

Осматривая замок, принц заметил, что прохожие легко могли бы услышать, что происходит в нем, и поэтому решил оставаться целый день ряженым, потому что, если бы принцессы его разглядели, они легко могли бы позвать на помощь и наказать его за дерзкую выходку. Итак, целый день он ходил в лохмотьях и притворялся нищенкой, а вечером, когда три сестры поужинали, Хитрая Голова скинул свое рубище и появился перед ними в богатой одежде рыцаря, весь в золоте и драгоценных камнях. Бедные принцессы так перепугались, увидев его, что тут же бросились бежать со всех ног. Вострушка и Болтушка, которые были порезвее, успели спрятаться к себе в комнаты, ну, а Разиню, которая и ходить-то не привыкла, не то что бегать, принц в тот же миг и поймал.

Он сразу бросился к ее ногам, объявил, кто он такой, и сказал, что молва о ее красоте и ее портреты заставили его покинуть пышный двор, чтобы предложить ей свою любовь и верность. Разиня сперва так растерялась, что

слова вымолвить не могла, но он, стоя на коленях перед ней, так нежно ее уговаривал, так уверял, с таким жаром заклинал ее стать его супругой тотчас же, нимало не медля, что она по своей природной вялости, которая не давала ей силы спорить, сказала ему беспечно, что верит его искренности и согласна разделить его судьбу. Она и не подумала о том, чтобы обставить какими-нибудь церемониями заключение их брака, с нее было довольно этого разговора; но в эту минуту уронила она свою прялку, а та и разбилась на тысячу кусочков.

Тем временем Болтушка и Вострушка были в ужасном беспокойстве; каждая из них добежала до своей комнаты и там заперлась. Их комнаты были довольно далеко одна от другой, так что ни одна из них не знала, что случилось с другими сестрами, и они провели ночь глаз не смыкая. Утром коварный принц повел Разиню в нижнюю комнату, выходящую в сад, и там принцесса сказала Хитрой Голове, что она очень беспокоится за своих сестер, а пойти к ним боится, потому что они наверное будут ругать ее за замужество. Принц ответил ей, что он сам им об этом объявит, и, поговорив с ней, вышел да и запер Разиню в комнате так, что она этого и не заметила. А сам стал усердно искать принцесс.

Некоторое время он никак не мог догадаться, где они заперлись. Но наконец Болтушка не выдержала, она так любила поговорить, что стала говорить сама с собой и сама себе жаловаться; принц услышал это, подошел к двери и увидел Болтушку в замочную скважину. Хитрая Голова стал с ней говорить через дверь и сказал ей то же самое, что и ее сестре: что только для того и вознамерился он проникнуть в их башню, чтобы предложить ей свое сердце и верность. Он с таким жаром восхвалял ее красоту и ум, что Болтушка, которая была совершенно уверена в своих замечательных качествах, оказалась столь глупа, что поверила его словам. Она ответила ему целым потоком слов, которые были не так уж нелюбезны. Видно, действительно, эта принцесса без ума любила поговорить, раз уж она могла болтать в такую минуту. Ведь она была в ужасном унынии, уж не говоря о том, что ничего не ела с вечера, потому что у нее в комнате ничего съедобного припасено не было. Она была страшно ленива и никогда ни о чем и не мечтала, лишь бы ей только поговорить; ни о чем дельном она никогда не задумывалась, а если ей что нужно было, так она просила Вострушку, эта же милая принцесса была

столь же трудолюбива и предусмотрительна, сколь сестры ее — ленивы и рассеянны; поэтому у Вострушки в комнате вечно были и марципаны, и мармелад, и варенье, сухое и жидкое, и все это она сама приготавливала. И вот Болтушка, у которой ничего этого не было, побуждаемая голодом и нежнейшими уверениями принца из-за двери, наконец отворила ее своему обольстителю. И когда она отворила, он в совершенстве разыграл перед ней комедию: он хорошо выучил роль.

Затем они вдвоем вышли из комнаты и отправились в буфетную замка, где было приготовлено разнообразное угощение, так как ведь корзинка всегда снабжала принцесс заранее. Сперва Болтушка огорчалась тем, что не знала, что случилось с ее сестрами, но потом забрала она себе в голову, уж не знаю почему, что обе они заперлись у Вострушки в комнате, а уж там у них всего вдоволь. Хитрая Голова поддержал ее в этом убеждении и сказал, что вечером пойдет к ним. Однако она не согласилась и решила, что надо пойти тотчас же, как только они покушают.

Наконец принц и принцесса накушались вдоволь, и, когда завтрак был окончен, Хитрая Голова попросил, чтобы она ему показала парадные покои замка. Он подал принцессе руку, и они пошли туда, а когда пришли, то принц снова стал уверять ее в своей любви, а также рассказывать ей о том, как ей будет хорошо, когда она выйдет за него замуж. Он сказал ей так же, как и Разине, что она должна сейчас же сделаться его женой, а если раньше рассказать об их помолвке сестрам, то они не преминут воспротивиться этому, потому что как, без сомнения, самый могущественный из соседних принцев он представлял бы скорее партию для старшей сестры, а не для нее; и старшая принцесса уж ни за что не согласится на их союз, столь для него желанный. Болтушка долго судачила с ним об этом, но безо всякого толка, и наконец решилась на такой же необыкновенный поступок, как и ее сестра: она согласилась стать женой принца, а о своей хрустальной прялке и не вспомнила.

Вернулась к вечеру Болтушка в свою комнату вместе с принцем, и первое, что увидела там, была ее хрустальная прялка, разбившаяся на мелкие кусочки. Она очень смутилась при этом зрелище, а принц спросил о причине ее смущения. Она так любила поболтать, что умолчать о чем-нибудь была неспособна и по глупости открыла

Хитрой Голове тайну прялок. А принц злодейски порадовался, что отец принцесс узнает о дурном поведении своих дочерей.

У Болтушки тем временем пропало всякое желание идти к сестрам: она не без основания боялась, что они не одобряют ее поведения. Но принц предложил сам отправиться к ним, обещая, что сумеет уговорить их. Поверив ему, принцесса, не спавшая всю ночь, прилегла и задремала, а как только она заснула, принц вышел из комнаты да и запер ее на ключ, как уже сделал с Разиней.

Не правда ли, прелестная графиня, Хитрая Голова был отъявленным злодеем, а эти две принцессы малодушны и крайне неосторожны? Я очень сержусь на всю эту компанию и не сомневаюсь, что и вы — тоже; но не беспокойтесь, все они получают по заслугам. И только наша умница, храбрая Вострушка, будет награждена.

Когда коварный принц запер Болтушку, он побежал по всем комнатам дворца, заглядывая в каждую, и так как все они были отперты, то решил, что в той единственной комнате, которая оказалась запертой изнутри, и спряталась от него Вострушка.

Так как у него для всех была заготовлена одна любовная речь, он и перед дверью Вострушки стал говорить то же самое, что говорил ее сестрам. Но эта принцесса была не так проста, как старшие сестры, и очень долго ничего ему не отвечала. Наконец, видя, что он знает, что она в этой комнате, Вострушка сказала ему, что если действительно он питает к ней такую глубокую и искреннюю нежность, то пусть спустится в сад и затворит за собой дверь, а после этого она поговорит с ним через окошко, которое выходит в сад.

Хитрая Голова и слышать о том не захотел, а так как принцесса по-прежнему отказывалась отпереть ему дверь, то злой принц, вне себя от нетерпения, достал крепкое полено да и высадил им дверь. Но тут он увидал, что в руках у Вострушки здоровенный молоток, который позабыли случайно в чуланчике около ее комнаты. От волнения она покраснелась, и хоть в очах ее ничего доброго он не увидал, все же она показалась Хитрой Голове восхитительно красивой. Он хотел броситься к ее ногам, но она, отбежав от него, гордо ему сказала:

— Если вы, принц, приблизитесь ко мне, я разобью вам голову этим молотком.

— Как, прекрасная принцесса, — воскликнул тогда

лицемерный принц, — любовь, которую я питаю к вам, вызывает у вас такую ненависть?!

И снова начал он ее превозносить, но уж из другого угла комнаты, и уверять, что весь горит любовью к ней, потому что столько наслышался о ее красоте и удивительном разуме. Он добавил, что только для того и явился переодетым, чтобы почтительнейше предложить ей свою руку и сердце, и что она должна ему простить выломанную дверь, потому что случилось это только от непомерной страсти. И кончил он тем, что стал ее уверять, как и сестер, что ей будет очень хорошо, если она станет его женой как можно скорее. Еще он сказал, что не знает, куда укрылись принцессы, ее сестры, потому что, думая только о ней, он не стал их разыскивать. Хитрая принцесса, сделав вид, что она смягчилась, ответила ему, что надо пойти за сестрами, и тогда они все вместе решат это дело, но Хитрая Голова возразил ей, что никак на это согласиться не может, потому что ее сестры по праву старшинства непременно этому воспротивятся.

Подозрения Вострушки, которая не зря не доверяла коварному принцу, еще больше усилились, когда она услышала его ответ. Дрожа за участь сестер, она решила одним разом и за них отомстить и самой избежать той беды, которой, как она догадывалась, они подверглись. И вот юная принцесса сказала Хитрой Голове, что она с радостью принимает его предложение, но только она слышала, что браки, которые заключаются вечером, всегда бывают несчастными, поэтому она просит его отложить церемонию и соединить их судьбу завтра утром. Она прибавила, что обещает ни о чем не рассказывать принцессам и просит оставить ее ненадолго одну, чтобы ей помолиться; а потом она отведет его в комнату, где для него найдется очень хорошая постель, а она запрется у себя до завтра.

Хитрая Голова был не очень-то храбрым малым, а тут, видя, что у принцессы в руках здоровенный молоток и она помахивает им будто веером, принц, говоря я, решил согласиться с ней и вышел, чтобы она могла помолиться. Не успел он далеко отойти, как Вострушка бросилась стелить ему постель как раз над сточной канавой замка, отверстие которой выходило в одну из комнат. Эта комната была такая же опрятная, как и все остальные, но в полу было широкое отверстие, куда выбрасывались все отбросы и нечистоты из замка. Вострушка положила на

эту дыру крест-накрест две тоненькие жерди, потом сверху накрыла их чистой постелью и возвратилась к себе в комнату. Через минуту вернулся Хитрая Голова, и принцесса отвела его туда, где приготовила ему постель, и ушла.

Принц, как был, не раздеваясь, бросился на постель, под его тяжестью тоненькие жерди сразу сломались, и он, не удержавшись, свалился на самое дно сточной канавы, посадив себе двадцать шишек на голове и весь разбившись. От падения принца громкий шум раздался в трубе, а комната Вострушки была неподалеку; она сейчас же поняла, что хитрость ее удалась на славу, и втайне очень тому порадовалась. Нельзя и описать ее восхищения, когда она услышала, как он барахтается в сточной канаве. Он вполне заслужил такое наказание, и принцессе было отчего радоваться. Но сейчас ей было не до радости, так как она думала о своих сестрах. Первым делом побежала она их искать. Болтушку найти было нетрудно. Хитрая Голова, заперев не на двойной запор, оставил ключ в двери. Вострушка вбежала в комнату, и от шума ее шагов сестра мигом проснулась. Ей стало очень стыдно, когда она увидела Вострушку. Тут Вострушка рассказала ей, как она отделалась от лукавого принца, который явился, чтобы их обесчестить. Болтушка перепугалась, точно около нее гром грянул, потому что, несмотря на бесконечные свои пересуды, она была так мало просвещена, что, как глупенькая, поверила всему, что ей говорил принц. Есть еще такие дурочки на белом свете.

Скрывая свое женское горе, встала эта принцесса и пошла вместе с Вострушкой искать Разиню. Они обошли все покои замка, но не нашли ее. Наконец Вострушка решила, что она, наверное, находится в комнатах около сада, и там они нашли ее, полуживую от Горя и слабости. Ведь целый день она ничего не ела. Принцессы оказали ей всякую помощь, а потом выяснили все, что произошло. Этот разговор поверг Разиню и Болтушку в смертельную тоску, а потом они все трое пошли отдохнуть.

Хитрая Голова провел очень плохую ночь. Занялся день, но и он был для принца невеселым. Он находился в подземной канаве. Хорошо еще, что там было так темно, и он не мог видеть, в какой грязи находится. Наконец, совершенно измучившись, он нашел-таки выход из своей западни, которая выходила в речку, довольно далеко от замка. Кое-как сумел он обратить на себя внимание людей,

которые ловили рыбу в речке. Они вытащили его оттуда в таком виде, что им, добрым людям, жалко его стало. Доставили его ко двору короля, его отца, где он мог отдохнуть и вылечиться. Но неудача, которая его постигла, заставила его так возненавидеть Вострушку, что он больше думал о мести, чем о выздоровлении.

Вострушка зажила теперь очень печально. Добрая слава была ей дороже жизни, а постыдная слабость сестер приводила ее в такое отчаяние, что она ничего с ним поделывать не могла. Однако обе ее сестры так плохо себя чувствовали после своих недостойных свадеб, что постоянству Вострушки предстояло новое испытание. Тем временем Хитрая Голова, который и так был ловким плутом, призывал на помощь всю свою хитрость, чтобы стать плутом из плутов. И сточная канава и синяки — все это не так его огорчало, как то, что ему пришлось встретить человека, который его перехитрил. Его крайне занимало, что вышло из двух его женитьб, и вот, чтобы поискусать больных принцесс, он велел принести под окна их замка два больших ящика с деревьями, отягощенными прекрасными плодами. Разиня и Болтушка, часто торчавшие у окон, тотчас заметили эти плоды, и тут же им страшно захотелось их покушать; они стали приставать к Вострушке, чтобы та спустилась в корзинке и нарвала этих плодов. Доброта младшей принцессы была так велика, что она, чтобы побаловать своих сестер, спустилась вниз и принесла им прекрасных плодов, которые те и съели с величайшей жадностью.

На другое утро появились новые плоды. Снова жадность обуяла принцесс, и снова Вострушка решила им угодить, но на этот раз слуги Хитрой Головы, сидевшие в засаде, не прозевали ее так, как прозевали в первый раз: схватили они Вострушку и утащили ее на глазах сестер, которые волосы на себе рвали от горя.

Люди Хитрой Головы притащили Вострушку в деревенский домик, где их принц оставался до своего выздоровления. Так как он был в страшной ярости на эту принцессу, то стал ее всячески ругать, а она на это отвечала со стойкостью великой души, достойной героини, какой она и была. Наконец, продержав ее пленницей несколько дней, велел он ее свести на вершину высоченной горы и сам через минуту явился туда. Тут он ей сказал, что сейчас ее убьют таким способом, что отомстят за все, что она ему сделала. Затем вероломный этот принц

показал ей на бочку, всю утыканную изнутри перочинными ножиками, бритвами да кривыми гвоздями, и сказал, что для того, чтобы наказать ее по заслугам, ее посадят в эту бочку и скатят с самого верха горы вниз.

Хоть Вострушка и не была римлянкой, она не больше испугалась казни, чем Регул, которому тоже грозила подобная участь. Юная эта принцесса сохранила всю свою стойкость и даже всю находчивость. А принц, вместо того, чтобы залюбоваться геройским ее характером, еще больше разъярился и решил поторопиться с казнью. С этой целью наклонился он к отверстию бочки (которая должна была отомстить за него), чтобы убедиться, что там достаточно натыкано всяких смертоносных орудий. Увидав, как внимательно занялся бочкой ее мучитель, Вострушка, не теряя ни минуты, втолкнула его в бочку да и скатила с самого верха горы вниз, не дав ему и опомниться. Вслед за тем бросилась она бежать со всех ног. Слуги принца, которые с крайним огорчением смотрели на то, как жестоко хочет расправиться их повелитель с этой очаровательной принцессой, и не подумали бежать за ней и ловить ее. Да кроме того, они так были напуганы тем, что случилось с их господином, что ни о чем другом и думать не могли, как только о том, как бы им остановить бочку, которая с грохотом неслась вниз. Но все их старания ни к чему не повели: бочка скатилась к самому подножию горы, и там только вытащили они принца, покрытого тысячью ран.

Это несчастье с Хитрой Головой повергло в отчаяние и короля Добряка и принца Красавчика. Ну, а их подданные, те вовсе этим не огорчились. Хитрую Голову все ненавидели и даже удивлялись, что младший принц, который был так благороден и великодушен, мог любить своего недостойного старшего брата. Но уж таков был добрый нрав принца Красавчика, что он очень был привязан ко всем своим родным, а Хитрая Голова всегда так ловко выказывал ему свою дружбу, что этот благородный принц никогда бы не позволил себе не отвечать ему тем же. Красавчик ужасно скорбел о ранах своего брата и принял все меры, чтобы вылечить его поскорее. Однако, несмотря на то, что все только и старались, как бы исцелить Хитрую Голову, ничего ему не помогало; наоборот, раны его, казалось, все больше и больше разбаливались и грозили ему долгим страданием.

После того как Вострушка избавилась от ужасной опасности, она счастливо достигла замка, где оставила своих сестер; но скоро ей пришлось испытать новые огорчения. У обеих старших принцесс родилось по сыну, и Вострушка очень была этим озабочена. Однако она ничуть не упала духом. Она так хотела скрыть позор своих сестер, что решилась еще раз на отважное предприятие, хотя и знала всю его опасность. Она приняла все меры предосторожности, какие только может внушить благоразумие, для того чтобы ее новый замысел мог удалиться. Она переделалась мужчиной, положила детей сестер в ящички, где были сделаны отверстия, в которые малютки могли бы дышать, села на лошадь, взяла с собой эти ящички да еще кое-что и таким образом приехала в столицу Добряка, где находился Хитрая Голова.

Когда Вострушка приехала в город, она узнала, что великолепные награды, которые раздавал принц Красавчик за лечение своего брата, привлекли ко двору всех шарлатанов Европы, — ибо в те времена расплодилось множество всяких проходимцев без дела и без умения, которые выдавали себя за замечательных врачей, получивших от неба дар исцелять все болезни. Этим людям, единственная наука которых состояла в ловкой плутне, всегда ведь очень верили в народе. Они умели расположить к себе и поразить необыкновенным нарядом и странными именами, которые они принимали. Такие лекари никогда не остаются на своей родине, а то, что они прибыли издалека, нередко поддерживает веру в них у простого люда.

Изобретательная принцесса, разузнав хорошенько обо всем этом, придумала себе имя, которое казалось очень диковинным в этом королевстве, она назвала себя Санацио. Затем она разгласила повсюду, что рыцарь Санацио явился из дальних стран с удивительными тайнами, которые позволяют ему исцелять всякие раны, самые опасные и болезненные. Тотчас же принц Красавчик послал за мнимым рыцарем. Вострушка явилась, разыграла великого шарлатана так, что лучше и придумать нельзя, произнесла несколько загадочных слов крайне самоуверенным тоном; одним словом, все было в порядке. Принцессе понравилось открытое лицо и приятные манеры принца Красавчика, и, поговорив с ним некоторое время о ранах Хитрой Головы, она сказала, что принесет бутылку несравненной воды, а пока оставляет два

ящичка с замечательными мазями, которые должны быть полезны для раненого принца.

После этого мнимый лекарь ушел и не вернулся; все весьма беспокоились, куда он мог запропасться. Наконец решили уже послать за ним, чтобы поторопить его, а в это время из комнаты Хитрой Головы раздался детский плач. Все очень удивились, так как во дворце не было детей. Кое-кто прислушался, и наконец догадались, что детский крик исходит из ящичков великого шарлатана.

То были племянники Вострушки. Она их как следует накормила перед тем, как снести во дворец, но уже прошло немало времени, им опять захотелось есть, вот они и запели жалобными голосами. Открыли ящички, и все очень удивились, найдя там этих двух мартышек, которые оказались славными ребятами. Принц сейчас же заподозрил, что это новые затеи Вострушки; он пришел в неопишумую ярость, а боли его до такой степени усилились, что уже не оставалось сомнений в том, что он не выживет.

Принц Красавчик очень был этим огорчен, а Хитрая Голова, который до последнего вздоха сохранил все свое коварство, вздумал обманным путем воспользоваться привязанностью своего брата.

— Вы меня всегда любили, принц, — сказал он ему, — и вот теперь плачете обо мне. Я умираю и не нуждаюсь больше в доказательствах вашей дружбы. Но если вы действительно меня любите, обещайте исполнить мою просьбу.

Принц Красавчик, видя, в каком состоянии находится его брат, не мог ни в чем ему отказать и обещал с самыми страшными клятвами исполнить все, что тот у него попросит. Как только Хитрая Голова выслушал эти клятвы, обнял он брата и сказал:

— Я умираю утешенным, принц, так как знаю, что буду отомщен. Вот о чем я хочу просить вас: как только я умру, вы должны посвататься к принцессе Вострушке. Конечно, вы легко добьетесь согласия этой плутовки, а как только она будет у вас в руках, вы должны тотчас же вонзить ей кинжал в самое сердце.

Принц Красавчик задрожал от ужаса при этих словах; пожалел он о том, что так неосторожно поклялся брату, но уж теперь было не время рассуждать, он не хотел и знака подать о том, как он горько раскаивается в своем

обещании брату, который умер немного спустя. Король Добряк был очень этим огорчен. Ну, а народ вовсе не жалел Хитрую Голову и даже был доволен его смертью, так как теперь на престол должен был взойти принц Красавчик, которого все любили за его добрый нрав.

Снова благополучно вернулась к сестрам Вострушка и вскоре узнала о смерти Хитрой Головы. А немного спустя трем сестрам сообщили, что возвращается король, их отец. Поспешил явиться король в башню принцесс и первым делом потребовал их хрустальные прялки. Разиня взяла прялку Вострушки и показала ее королю, потом с глубоким поклоном вышла и отнесла прялку на ее место, затем то же проделала и Болтушка, наконец и Вострушка вышла со своей прялкой. Но недоверчивый король захотел увидеть все три прялки одновременно. И тогда только одна Вострушка смогла показать свою прялку. Тут король так рассердился на своих старших дочерей, что сейчас же послал к фее, которая дала ему хрустальные прялки, и просил ее всю жизнь их от себя не отпускать и так их наказать, как они того заслужили.

Наказание принцесс началось с того, что фея привела их в одну из галерей своего очарованного замка, где велела на стенах изобразить в красках историю бесконечного числа знаменитых женщин, которые прославились добродетелями и трудовой жизнью. Удивительными чарами феи все было так устроено, что все эти фигуры могли двигаться и работали с утра до вечера. Повсюду видны были трофеи и девизы во славу этих добродетельных женщин, и нелегко было сестрам сравнивать триумфы этих героинь с тем жалким состоянием, в которое привела их несчастная их неосторожность. А чтобы еще более усилить это огорчение, фея сказала им сурово, что, если бы сестры так были заняты работой, как те, кого они видят на картинах, они бы не впали в недостойное распутство, сгубившее их, и что *праздность — мать всех пороков* и источник всех их несчастий.

Фея прибавила, что для того, чтобы помешать им впасть снова в подобные несчастья и чтобы заставить их наверстать потерянное время, она найдет им подходящее занятие. Действительно, она заставила принцесс нести самую тяжелую и самую грязную работу и, невзирая на их красоту, послала их обирать горох да полоть огород. Разиня не могла выдержать горя, которое ей причиняла такая жизнь, столь не подходящая к ее наклонностям, и

умерла от горя и усталости. Болтушка же умудрилась однажды ночью бежать из замка феи, но разбила себе голову о дерево и умерла от этой раны на руках крестьян, подобравших ее.

У Вострушки была добрая душа, и ее очень огорчала судьба сестер; в это время она узнала, что принц Красавчик просил ее у короля, ее отца, себе в жены, и тот согласился на это, не предупредив ее, ибо в то время взаимные влечения ни во что не почитались при заключении браков. Испугалась Вострушка, когда о том узнала; она опасалась, не осталась ли ненависть Хитрой Головы в сердце брата, который так его любил, и страшилась, что этот юный принц только для того и хочет жениться на ней, чтобы отомстить ей за своего брата. Крайне обеспокоенная, принцесса отправилась посоветоваться с премудрой феей, которая ее любила в такой же мере, в какой терпеть не могла Разиню и Болтушку.

Фея не захотела ничего открыть Вострушке, она только сказала ей:

— Принцесса, вы умны и осторожны, и до сих пор ваши поступки были так обдуманно, как только они могут быть у того, кто помнит пословицу, что *недоверие есть мать безопасности*. Не забывайте и в будущем о важности этого изречения, тогда вы станете счастливой и без помощи моего искусства.

Вострушка так и не добилась от феи ничего более ясного и вернулась во дворец в ужасном волнении.

Несколько дней спустя явился посланник от имени принца Красавчика, и принцессу повезли к ее супругу великолепным кортежем. Ей устроили торжественный въезд уже в двух первых пограничных городах короля Добряка, а в третьем городе ее встретил сам Красавчик, который по приказанию своего отца выехал к ней. Все удивлялись, видя, как грустит принц перед своей свадьбой, которой он так добивался; сам король упрекал его за это и послал против воли навстречу принцессе.

Когда Красавчик посмотрел на нее, ее красота поразила его, и он приветствовал ее так робко, что придворные обоих дворов, которые знали, как умен и любезен принц, решили, что, верно, уж очень он тронут ее красотой и от любви к ней, должно быть, растерялся. Весь город оглашался радостными криками, и со всех сторон слышалась музыка да горели потешные огни. Наконец,

после великолепного ужина, настала пора вести супругов в их покои.

Вострушка все время помнила изречение, о котором говорила ей фея, и держала свой замысел про себя. Подкупила она одну из придворных женщин, у которой был ключ от кабинета в тех покоях, что ей предназначались, и велела снести туда соломы, пузырь, бараньей крови да еще кишки одного из тех животных, которых ели за ужином. Под каким-то предлогом принцесса вышла в этот кабинет и смастерила там чучело из соломы, внутрь которого засунула кишки и пузырь, наполнив его бараньей кровью; потом нарядила она это чучело в женское спальное одеяние и в ночной чепец. Когда Вострушка раздела эту прекрасную куклу, она опять вернулась к гостям, а немного спустя повели принцессу с супругом в их покои. После того как они разделись, фрейлина взяла свечи и удалилась. Тотчас же Вострушка бросила соломенную женщину на постель, а сама спряталась в углу комнаты.

Принц несколько раз громко вздохнул, а потом взял свою шпагу и пронзил ею тело мнимой Вострушки. В тот же миг он почувствовал, как кровь брызнула во все стороны, пощупал — лежит соломенная женщина без движения.

— Что я сделал! — вскричал Красавчик. — Как! После стольких ужасных волнений, после стольких колебаний должен ли я оставаться верным клятве, если она ведет к преступлению? Я лишил жизни очаровательную принцессу, для любви к которой я был рожден! Ее очарование охватило меня, как только я ее увидел, — и все-таки у меня не хватило силы освободить себя от клятвы, которую брат мой, объятый яростью, вынудил у меня так неожиданно и бесчестно! О небо! Разве можно даже подумать о том, чтобы наказывать женщину за ее чрезмерную добродетель? Ну что ж, Хитрая Голова, я удовлетворил твою несправедливую месть, но теперь, в свою очередь, я отомщу за Вострушку своей собственной смертью. Да, прекрасная моя принцесса, та же шпага должна...

При этих словах Вострушка услышала, что принц, который в исступлении выронил свою шпагу, ищет ее, чтобы пронзить свое сердце; она не захотела, чтобы он сделал такую глупость, и закричала ему:

— Принц, да я вовсе и не умирала. Ваше доброе сердце заставило меня предугадать ваше раскаяние, и вот, при помощи невинной хитрости, я уберегла вас от преступления.

Затем Вострушка рассказала ему о своей предусмотрительности, которая внушила ей мысль сделать соломенную женщину. Принц был вне себя от радости, узнав, что она жива, и восхищался ее благоразумием во всяких обстоятельствах. Он чувствовал к ней бесконечную благодарность за то, что она уберегла его от преступления, о котором он и подумать не мог без ужаса, и не понимал, как мог проявить такую слабость, что не понял всего ничтожества несчастной клятвы, которую у него вырвали обманом.

Однако, если бы Вострушка не была всегда убеждена, что *недоверие есть мать безопасности*, она была бы убита, а ее смерть повлекла бы за собой кончину принца Красавчика, и стали бы потом все судить и рядить, какие странные чувства были у покойного принца. Да здравствует предусмотрительность и находчивость! Они спасли этих двух супругов от мрачного несчастья для иной судьбы, самой сладостной в мире. Они всегда чувствовали друг к другу беспредельную нежность и прожили много добрых дней в славе и счастья, каких и не опишешь.

Вот, госпожа моя, преисполненная чудес история Вострушки. Признаюсь вам, что она мной приукрашена и рассказ был немножко длинноват. Но ведь когда рассказывают сказки, это значит, что дел у нас мало и мы хотим поразвлечься, а в таком случае, кажется мне, надо рассказывать подлиннее, чтобы подольше поговорить. Кроме того, я думаю, что различные подробности в наших забавных сказках и есть самое в них приятное. Вы можете поверить мне, очаровательная графиня, что сократить их весьма просто. Уверяю вас, что, когда вы захотите, я расскажу вам приключения Вострушки в очень немногих словах. Однако в детстве мне ее не так рассказывали, и рассказ длился по меньшей мере целый час.

Не сомневаюсь в том, что вам известно, какая это знаменитая сказка, но мне неизвестно, знаете ли вы, что говорит предание о ее старине. Предание удостоверяет, что трубадуры, или провансальские сказочники, выдумали сказку про Вострушку еще задолго до того, как Абельяр и славный граф Тибо Шампаньский стали писать романы. Такие сказки заключают в себе отличное нравоучение. Вы

совершенно справедливо изволили заметить, что очень хорошо их рассказывать детям, чтобы внушать им чувство любви к добродетели. Не знаю, рассказывали ли вам о Вострушке, когда вы были ребенком, что же до меня —

Сто раз, наверно, няня повторяла
Мне, вместо сказок о зверях,
О королевских дочерях
Нравоучительны начала.
Здесь зло карает месть и страх,
А принц коварный в мрачном исступленьи
Решается на преступленьи.
Нам эта сказка говорит,
Как две принцессы поживали,
Ленились без толку, судачили да спали
И как ленивцев сторожит
Распутство, а за ним и стыд,
Которого они никак не ожидали,
А он казнить их велит.
Но в сей истории прекрасной, величавой
Не только преступленья есть,
Здесь доблесть, добродетель, честь
Являются, покрыты славой.
И после всех причуд судьбины злой
Вострушка, умница живая,
Да принц, жених ее, герой,
В великой славе отдыхают.
Историю о волшебствах
Ведь лучше слушать, чем рассказы о волках.

Мне с детства милы сказки эти.
Да и теперь их любят дети.
Но и высокий ум оценит наш рассказ, —
Графиня, вы могли б отлично
Талантом счастливым украсить их подчас,
О том вас просит галл античный.
Перенесите в оны дни
Рассказ простой и поэтичный,
От трубадуров к нам давно пришли они,
Их тайный смысл живет, скажу вам без поклепа
Не хуже старика Эзопа.

КРАСАВИЦА ЗОЛОТЫЕ КУДРИ

Жила-была однажды королевская дочь, такая красавица, что не было никого красивее ее на белом свете. И звали ее Красавица Золотые Кудри, ибо волосы у нее были цвета золота.

Идет она, бывало, вся покрытая своими дивными кудрями, с венком из цветов на голове, а платье все расшито алмазами да жемчугами, и кто ее ни увидит, так сейчас же и полюбит.

Неподалеку жил молодой король, их сосед, который не был женат, а был он очень красив и богат. Когда он услышал, что говорят о Красавице Золотые Кудри, то хотя он и не видал ее ни разу, однако полюбил так сильно, что не мог ни есть, ни пить, и решил отправить к ней посла просить ее руки. Он снарядил великолепную карету своему послу, дал ему больше сотни лошадей и столько же лакеев и приказал во что бы то ни стало привезти принцессу.

Посол распрошался с королем и отправился в путь; весь королевский двор только и говорил, что об этом посольстве. А король, который не сомневался, что Красавица Золотые Кудри согласится на его предложение, уже заказал для нее прекрасное платье и замечательную мебель. Покуда мастера были заняты этой работой, посол прибыл к Красавице Золотые Кудри и передал ей свое нежное поручение. Но, потому ли, что она была в тот день в дурном настроении, или потому, что ей пришлось не по вкусу любезности посла, она ответила ему, что очень благодарит короля, но замуж выходить не собирается.

Посол уехал от ее двора очень опечаленный тем, что уезжает без нее; он вез назад все подарки, которые король посылал ей, потому что она была очень умна и хорошо знала, что девушки не должны ничего брать от молодых людей; по этой причине она не приняла ни одного из подарков, которые не раз ей посылались, и ничего другого. Но уж, чтоб не обидеть короля, она взяла из всех его подарков четверть сотни английских булавок.

Когда посол вернулся в королевскую столицу, где его поджидали с таким нетерпением, все ужасно огорчились, что он не привез Красавицы Золотые Кудри, а король принялся рыдать, как малое дитя, и сколько его ни утешали, никак не могли утешить.

Был у этого короля при дворе один юноша, красивый, как ясное солнышко, и такой статный, что другого такого не было во всем королевстве; за его ум и любезность звали его Приветом. Все его любили, хоть у него были и завистники, которые досадовали, что король к нему благоволит и поверяет ему все свои дела.

Однажды Привет был с придворными, которые говорили о том, что королевский посол вернулся ни с чем; Привет не поостерегся и сказал:

— Вот если бы король меня послал за Красавицей Золотые Кудри, то я бы ее привез.

В ту же минуту его завистники побежали доложить о том королю:

— Государь, знаете ли вы, что говорит Привет? Он говорит, что если бы его послали за Красавицей Золотые Кудри, он бы непременно ее привез. Вот он каков! Он, значит, думает, что он красивее вас и что она бы его так полюбила, что всюду бы за ним пошла.

Король страшно рассердился и сердился все сильнее и сильнее, покуда, наконец, совсем не вышел из себя.

— А, — сказал король в гнев, — так этот красавчик смеется над моим несчастьем и считает, что он лучше меня! Ладно! А ну-ка, посадите его в мою большую башню, пусть он умрет там с голода.

Королевская стража явилась к Привету, который уж и думать забыл о том, что сказал, схватила его и потащила в тюрьму, обращаясь с ним самым ужасным образом. Бедному малому бросили охапку соломы вместо постели, и он, наверное, умер бы, если бы в углу башни не протекал маленький ключ, откуда он пил воду, чтобы промочить горло, когда его очень уж мучил голод.

Однажды, когда ему уж совсем пришлось туго, он сказал со стоном:

— На что же гневается король? Ведь у него нет никого, кто был бы ему так предан, как я; я никогда его не оскорблял.

Король случайно проходил мимо башни и, услышав голос своего прежнего любимца, остановился, хоть ему и говорили сопровождавшие его ненавистники Привета:

— Охота вам слушать, государь! Разве вы не знаете, что он просто плут?

Но король отвечал:

— Оставьте, я хочу послушать.

Когда же он услышал жалобные стоны Привета, слезы навернулись у него на глаза; он открыл дверь башни и позвал узника. Удрученный Привет бросился перед ним на колени, целуя ему ноги.

— Что сделала, государь, — сказал он, — что вы меня так жестоко наказываете?

— Ты насмеялся надо мной и моим послом, — ответил король. — Ты сказал, что если бы я послал тебя к

Красавице Золотые Кудри, то ты бы ее непременно привез.

— Это правда, — ответил Привет, — потому что я бы так рассказал ей о ваших достоинствах, что она не смогла бы отказаться.

Король увидел, что Привет действительно ни в чем не виноват; он косо посмотрел на тех, кто наговаривал на его любимца, и увел его с собой, громко раскаяваясь в том, что обрек его на такие мучения.

Угостив его великолепным ужином, король позвал его в свои покои и сказал:

— Привет, ведь я по-прежнему влюблен в Красавицу Золотые Кудри, и ее отказ нимало не оттолкнул меня от нее, но я не знаю, как бы мне за это взяться, чтобы она пошла за меня замуж; хочу послать к ней тебя: может быть, тебе удастся ее уговорить.

Привет ответил, что готов повиноваться каждому его приказанию и завтра же тронется в путь.

— О! — сказал король. — Я дам тебе большую свиту.

— В этом нет надобности, — ответил тот, — нужен только добрый конь да ваше письмо.

Король его обнял, в восторге от того, что он готов сразу же ехать.

В понедельник утром попрощался он с королем и друзьями и отправился в свое посольство без шума и без пышности. Он только и думал, как бы заставить Красавицу Золотые Кудри выйти замуж за его короля; в кармане у него были перо да пузырек с чернилами, и как только, бывало, придет ему в голову что-нибудь дельное по этому поводу, он сейчас же слезет с лошади, сядет под деревом и запишет, чтобы не позабыть. Однажды утром, когда он двинулся спозаранку в путь, ему пришла в голову чудная мысль; он сошел с лошади и пристроился под тополями да ивами, которые росли на лугу по берегу небольшой речки. Записав все, он огляделся по сторонам, любуясь красивыми окрестностями. И тут он заметил, что в траве бьется и еле дышит большой золотистый карп. Дело в том, что карп, лоя мошкарку, выпрыгнул из воды, да так неловко, что попал в траву, где ему туго пришлось. Привет пожалел рыбу, и, хоть день был постный и из карпа вышел бы чудный обед, он осторожно взял карпа и пустил в речку. Как только куманек-карп почуял свежую воду, начал он

резвиться в волнах, нырнул до самого дна, а потом вернулся к берегу речки молодец молодцом и говорит:

— Привет, спасибо вам за то, что вы для меня сделали; без вас бы мне не жить. Ну, да я не останусь в долгу.

С этими словами карп скрылся в воде, а Привет немало подивился уму и вежливости рыбы.

Поехал он дальше, и вот однажды увидел ворона в большой беде: за бедной птицей гнался огромный орел, этот вечный враг воронов; он уж совсем было его настиг и проглотил бы, как горошину, если бы Привет не пожалел несчастную птицу.

— В о т , — сказало н , — как кто посильней, так и обижает слабого, а по какому праву орел будет есть ворона?

Тут он схватил свой лук, с которым никогда не расставался, натянул тетиву, прицелился как следует, и — хлоп! — стрела вонзилась в орла, пробила его насквозь, и он упал мертвым, а ворон обрадовался и уселся на дерево.

— П р и в е т , — сказал о н е м у , — вы поступили великодушно, что помогли мне, но я не останусь в долгу и отплачу вам добром.

Привет подивился, какой ворон умный, и пустился снова в путь. Въехал он однажды утром, чуть еще светало, в темный лес и услышал, как где-то отчаянно кричит сова.

— О й - о й , — сказал о н , — как жалостно сова кричит: наверно, в западню попалась.

Посмотрел он хорошенько кругом и увидел большие сети, которые поставили птицеловы на ночь для птичек.

— Бедная! — сказал П р и в е т . — Вот люди только и занимаются тем, что друг с другом ссорятся да обижают бедных животных, которые не причинили им ни горя, ни забот.

Выхватил он свой нож и разрезал сети. Сова взлетела, но тут же вернулась и сказала ему:

— Нечего мне разглагольствовать, Привет, о том, какое добро вы мне сделали, это и так ясно: пришли бы утром охотники, схватили бы меня, тут бы и смерть мне пришла; благодарю от всего сердца и не останусь в долгу.

Привет так торопился, что уже скоро приехал во дворец Красавицы Золотые Кудри. Все было там восхитительно: алмазы лежали кучами, словно камни, а что до

платьев, серебра и лакомств, то все это были прямо чудеса да и только. И Привет подумал, что уж если она все это оставит и поедет к его королю, то немало такому делу порадуетесь. Надел он парчовое платье, шляпу с кармашинными да белыми перьями, причесался, напудрился, лицо умыл, привязал богатый шарф себе на шею да прихватил с собой корзиночку, куда посадил красивенькую собачку, которую купил проездом в Булони. Привет был такой стройный и любезный, и все он делал так приятно и просто, что, когда он появился у дворцовых дверей, все стражи ему низко поклонились и тут же побежали сказать Красавице Золотые Кудри, что Привет, посол короля, ближайшего ее соседа, просит его принять.

Услышав имя Привета, принцесса сказала:

— Это добрый знак. Бьюсь об заклад, что он красавец и всем нравится.

— Верно, верно! — закричали разом все фрейлины. — Мы его видели из комнаты, где прилаживали вашу кудель, и покуда он стоял под окнами, мы так ничего и не могли делать.

— Вот как! — ответила им Красавица Золотые Кудри. — Вы там работаете, заглядываясь на красивых юношей! Ну, несите же мне парадное платье из голубого атласа, завейте мои белокурые волосы, давайте мне высокие сапожки и веер да подметите у меня в комнате и пыль оботрите с трона, потому что я хочу, чтобы везде говорили, что я действительно Красавица Золотые Кудри.

И вот все женщины бросились наряжать свою королеву; такая поднялась суматоха, что они только друг другу мешали, а дело не двигалось с места. Наконец принцесса вышла в галерею больших зеркал, чтобы увериться, что все на ней в порядке, а потом села на свой трон, который был сделан из золота, слоновой кости и черного дерева, пахнущего бальзамом, и велела своим фрейлинам взять музыкальные инструменты и петь совсем потихоньку, чтобы это никому не мешало.

Привета ввели в приемную залу, и он так был восхищен — как и сам потом не раз говорил, — что почти слова не мог вымолвить; но он все-таки собрался с духом и прекрасно произнес свою речь; при этом он просил

принцессу, чтобы та не причинила ему огорчения, заставив возвращаться без нее к королю.

— Любезный Привет, — отвечала она, — все ваши доводы весьма убедительны, и уж поверьте, я была бы очень рада сделать для вас больше, чем для всех остальных. Но знаете, месяц тому назад гуляла я у речки с моими дамами, и когда приготовили нам закусить, я сняла перчатку, и вместе с перчаткой соскользнул у меня с пальца перстень, который, на горе, упал в речку; а я его любила больше, чем все мое королевство; подумайте только, как я была огорчена. И вот я дала клятву — не слушать ни одного предложения, пока посол не принесет мне мой перстень. Теперь вы знаете, что вам делать, потому что, если бы даже вы меня уговаривали день и ночь, и целых две недели, я все равно не изменю своего решения.

Привет был немало удивлен таким ответом; он низко поклонился ей и попросил ее принять собачку, корзинку и шарф, но она ответила, что не хочет брать никаких подарков и что лучше пусть он подумает о том, что она ему сказала.

Вернулся он к себе и лег спать, не поужинав, а его собачка, которую звали Прыжок, тоже не захотела ужинать и улеглась около него. Всю ночь напролет Привет не переставал вздыхать.

— Нугдежевзятьмнеперстень, — говорил он, — который упал месяц тому назад в большую реку? Безумие — браться за такое дело. Принцесса только для того это и сказала, чтобы сделать для меня невозможным ей повиноваться. — И он все вздыхал да огорчался. А Прыжок, который все это слышал, говорит ему:

— Дорогой мой хозяин, прошу вас, не отчаивайтесь; вы слишком добры, чтобы не быть счастливым; идемте завтра с раннего утра на берег речки. — Привет похлопал его, но ничего не ответил, и так ему было грустно, что он повернулся да и заснул.

Прыжок, видя, что рассвело, принялся прыгать, разбудил хозяина и сказал ему:

— Ну, одевайтесь да и пойдем.

Привет согласился, встал, оделся, спустился в сад, а из сада незаметно вышел к реке, где и стал похаживать, скрестив руки да подумывая, что пора ему отсюда уезжать. И вдруг он услышал, что его зовут:

— Привет! Привет!

Поглядел он кругом — никого не видно; он подумал, что ему показалось. Пошел дальше, и опять его зовут:

— Привет! Привет!

— Кто меня зовет? — спрашивает он. Тут Прыжок, который был очень мал и бежал по берегу, заглядывая в самую воду, ему ответил:

— Ну, хотите верьте, хотите нет, а я вижу золотистого карпа в р е к е . — В ту же минуту появился большой карп и сказал Привету:

— Вы мне спасли жизнь в долине Боярышника, и я вам обещал, что в долгу не останусь: держите-ка, Привет, вот перстенок Красавицы Золотые Кудри.

Привет нагнулся и вынул перстень изо рта куманька-карпа, от всей души поблагодарив его.

И, не заходя домой, он пошел прямо ко дворцу с маленьким Прыжком, который был очень доволен тем, что привел хозяина на берег реки. Доложили принцессе, что Привет хочет ее видеть.

— А х , — сказала о н а , — бедный малый, он пришел проститься со мной, он понял, что я прошу невозможного, и доложит о том своему королю.

Вошел Привет и сказал ей, подавая перстень:

— Принцесса, ваше поручение исполнено; согласны ли вы стать супругой моего короля?

Когда она увидела свой перстень, который блестел, как новенький, она была так удивлена, что не поверила глазам своим.

— Поистине , — сказала о н а , — любезный Привет, вам помогает какая-нибудь фея, потому что иначе это сделать невозможно.

— Принцесса, — отвечал о н , — ни одной феи я не знаю, мне только очень хотелось исполнить ваше приказание.

— Ну, если вы такой послушный, — продолжала о н а , — вы должны мне сослужить еще одну службу, без этого я никогда не выйду замуж. Здесь неподалеку живет принц, которого зовут Галифрон. Он забрал себе в голову жениться на мне. Он сделал мне предложение, сопроводив его ужасными угрозами. Если я откажусь, сказал этот принц, то он разорит все мое королевство. Но посудите сами, как я могла согласиться: он великан, ростом выше

самой высокой башни, ему съесть человека все равно, что обезьяне каштан. Когда он отправляется на прогулку, то засовывает себе в каждый карман по пушке, они у него вместо пистолетов, а когда он громко говорит, то, кто близко стоит от него, сразу же глохнет. Я говорила ему, что не хочу замуж, и просила меня простить, но он продолжает меня преследовать и убивает моих подданных. Теперь вы должны вступить с ним в бой и принести мне его голову.

Привет был несколько смущен таким предложением, но, немного подумав, сказал:

— Хорошо, госпожа моя, я буду биться с Галифроном; думаю, что буду побежден, но я умру, как храбрец.

Принцесса была очень удивлена и стала его всячески отговаривать от этого замысла. Но это ни к чему не привело, он распрощался и пошел искать себе оружие и снаряжение. Раздобыв все, что нужно, он посадил маленького Прыжка в его корзинку, сел на доброго коня и прибыл в страну Галифрона. Он стал расспрашивать о нем у встречных, и все говорили, что это настоящий демон, к которому никто не смеет приблизиться; чем больше он об этом слышал, тем ему становилось страшнее. Прыжок его утешал.

— Дорогой мой хозяин, — говорил он, — когда вы будете с ним биться, я стану кусать его за ноги; он нагнется, чтобы меня отогнать, тут-то вы его и убьете.

Привет дивился уму собаки, но понимал, что ее помощи ему будет мало...

Наконец он подъехал к замку Галифрона. Все дороги были покрыты костями и скелетами людей, которых тот сожрал или разорвал на куски. Недолго ему пришлось ждать, он увидал, что Галифрон идет к нему через лес; голова великана была выше самых высоких деревьев, и он напевал страшным голосом:

Давайте мне ребят,
Так вкусно их жевать!
И сколько их ни жрать,
Все хочется опять.

Привет сейчас же запел на тот же лад:

Иди сюда скорей
Да принимай гостей

Отучишься, злодей,
Жевать детей!

Рифмы, конечно, были не очень хороши, но он ведь в одну минуту придумал эту песенку, и еще удивительно, что не вышло хуже, потому что ему было очень страшно. Когда Галифрон услышал песенку, он огляделся по сторонам и заметил Привета, который, с мечом в руке, обругал его еще раза два, чтобы хорошенько рассердить. Но это было ни к чему, так как он и без того пришел в страшную ярость, схватил огромную железную палицу и с одного удара размозжил бы голову милому Привету, как вдруг ему на темя сел черный ворон да так метко нацелился своим клювом, что в один миг выклевал ему глаза. Кровь залила лицо великана, и он, как бешеный, начал разить направо и налево. Привет увернулся от палицы и ударил его так, что меч вошел по самую рукоятку. Он наносил ему рану за раной, и наконец великан упал, истекая кровью. В тот же миг Привет отрубил ему голову, радуясь своей удаче. А ворон, усевшись на дерево, сказал ему:

— Я не забыл вашей услуги, когда вы убили орла, меня преследовавшего; я обещал вам в долгу не остаться и сегодня, кажется, это исполнил.

— Это я ваш вечный должник, господин мой ворон, — ответил ему Привет, — остаюсь вашим покорным слугой.

И он вскочил на лошадь, увозя с собой страшную голову Галифрона.

Когда он въехал в город, все побежали за ним, крича:

— Вот храбрый Привет, который убил чудовище!

А принцесса, слышавшая шум и боявшаяся, что ей вот-вот расскажут о гибели Привета, не решалась спросить, что с ним случилось. Но в это время Привет вошел к ней, таща голову гиганта, которая и сейчас еще заставляла дрожать от страха, хоть уже бояться-то было нечего.

— Госпожа моя, — сказал он ей, — ваш враг умер, и я надеюсь, что вы не откажете королю, моему повелителю.

— Ах, — ответила Красавица Золотые Кудри, — таки есть, откажу, если вы только не сумеете до моего отъезда принести мне воды из Темной пещеры. Неподалеку отсюда есть глубокая пещера, в которой не меньше шести миль в окружности; у самого входа ее стоят два дракона,

преграждающие вход туда, и пламя пышет у них из пасти и из очей. А если пробраться в пещеру, там есть громадное отверстие, наполненное жабами, ужами да змеями, в него надо вам спуститься. В глубине есть маленький подземный грот, где течет источник красоты и здоровья; и вот я хочу, чтобы у меня непременно была вода оттуда. Что ни вымыть этой водой, все станет чудесным; красавица навсегда сохранит свою красоту; уродина станет красавицей; молодая всегда останется молодой, а старуха помолодеет. Теперь вы сами понимаете, Привет, что я не покину своего королевства без этой воды.

— Госпожам о я , — отвечал о не й , — вы так прекрасны, что она вам вовсе не нужна; но я несчастный посланник, смерти которого вы хотите , — и я пойду на поиски того, чего вы желаете, уверенный, что мне не вернуться оттуда.

Но Красавица Золотые Кудри ничего не ответила, а Привет взял с собой маленького Прыжка и отправился в Темную пещеру за водой красоты и здоровья. Все, кого он встречал по дороге, говорили:

— Жалко смотреть, как такой славный малый погибает от своего доброго сердца; подумать только, идет он один в ту пещеру, куда и впятером-то идти бесполезно. И чего это принцессе приходят в голову такие невозможные желания?

Он не отвечал ни одного слова и продолжал свой путь; но у него было очень тяжело на душе.

Поднявшись на вершину горы, он расположился на отдых, пустил свою лошадь пастись, а Прыжку позволил побегать и погоняться за мухами. Привет знал, что Темная пещера находится уже неподалеку, и смотрел по сторонам, не видно ли где ее. Наконец разглядел он мрачный утес, черный, как чернила, из которого выходил густой дым, а через минуту различил и одного из драконов, у которого пламя вырывалось из пасти и из глаз. У него было желто-зеленое туловище, громадные когти и хвост, завивавшийся чуть ли не сотней колец. Прыжок тоже все это увидел и не знал, куда спрятаться, так ему было страшно.

Привет приготовился к смерти, обнажил меч и спустился, держа в руке склянку, которую ему дала Красавица Золотые Кудри, чтобы налить в нее воды красоты и здоровья. И сказал он своей собачке Прыжку:

— Ну, пришел мой конец! Никогда не добыть мне этой воды, раз ее охраняют драконы; когда я умру, налей в склянку моей крови и снеси принцессе, чтобы она поняла, чем я для нее пожертвовал, а потом беги к моему королю и расскажи ему о моей беде.

Пока он это говорил, он услышал, что его зовут:

— Привет! Привет!

Он спросил:

— Кто меня зовет? — И тут увидел сову в дупле старого дерева, а она ему сказала:

— Вы меня высвободили из сетей охотников и спасли мне жизнь. Я обещала вам, что в долгу не останусь; теперь пришло время для этого. Давайте-ка мне вашу склянку: я знаю все дороги к Темной пещере и принесу вам воды красоты и здоровья.

Вот так штука! Ну-ка, догадайтесь теперь, кто был этим больше всех доволен! Привет сейчас же подал ей склянку, а сова проникла в грот, и никто ей не помешал. Не прошло и четверти часа, как она вернулась, а склянка была полным-полнехонька. Привет был вне себя от радости; он поблагодарил сову от всего сердца, поднялся опять на гору и весело поехал назад, в город.

Он прямо направился во дворец и преподнес склянку Красавице Золотые Кудри, которой на этот раз уж нечего было сказать; она поблагодарила Привета, отдала приказание приготовить все для отъезда и пустилась с ним в путь. Он ей очень нравился, и она говорила ему не раз:

— Если бы вы захотели, я бы сделала вас королем, и мы не покинули бы моего королевства.

Но он всякий раз отвечал ей:

— Я не причинил бы такой неприятности моему повелителю и за все королевства мира, хотя вы и красивее самого солнца.

Наконец они прибыли в столицу короля, который, узнав, что едет Красавица Золотые Кудри, выехал к ней навстречу и преподнес ей самые лучшие подарки в мире. Свадьбу сыграли такую пышную, что все только о ней и говорили. Но Красавица Золотые Кудри, которая в глубине души любила Привета, только тогда и была весела, когда его видела, и вечно его хвалила:

— Без Привета я бы сюда не приехала, — говорила она королю, — и он должен был совершить для меня

неописуемые подвиги — вы всем ему обязаны; наконец, он мне добыл воду красоты и здоровья, я никогда не состарюсь и всегда буду красавицей.

Завистники подслушали, что говорит королева, и сказали королю:

— Вы совсем не ревнивы, а между тем у вас есть к тому повод: королева так влюблена в Привета, что не может ни пить, ни есть, она только и говорит, что о нем да о том, что вы ему всем обязаны; как будто если бы был послан кто-нибудь другой, он бы не сделал того же.

Король сказал:

— Да, я и сам это заметил; а ну-ка пусть его закуют по рукам и по ногам и посадят в башню.

Привета схватили и в благодарность за его добрую службу королю бросили в башню закованного по рукам и по ногам. Он никого не видел, кроме тюремщика, который бросал ему кусок черного хлеба через отверстие да подавал воду в глиняной посудине. Но его собачка, Прыжок, не покидала его; она его утешала и являлась к нему со всякими новостями.

Когда Красавица Золотые Кудри узнала про эту немилость, она в слезах бросилась к ногам короля, умоляя освободить Привета из темницы. Но чем больше она просила, тем больше он сердился, говоря себе:

— Она его любит! — И не хотел ничего сделать для него. Она перестала просить и очень опечалилась.

Король подумал, что все это произошло потому, что она считает его недостаточно красивым, и решил потерять себе лицо водой красоты, чтобы королева любила его посильнее. Склеянка с этой водой стояла на камине в покоях королевы; она нарочно ее там поставила, чтобы почаще на нее смотреть; но одна из служанок хотела убить щеткой паука да и задела за склянку; та упала на пол, разбилась, и вся вода вылилась. Служанка быстренько все вытерла и, не зная, что делать, припомнила, что она видела у короля в кабинете похожую склянку с прозрачной жидкостью, совсем как вода красоты; не говоря ни слова, она ловко стащила эту склянку и поставила ее королеве на камин.

Но жидкость, которая стояла у короля в кабинете, служила отравой для принцев и важных вельмож, когда они совершали преступления; вместо того чтобы рубить

головы или вешать на виселице, им натирали лицо этой жидкостью, они засыпали и больше не просыпались. И вот как-то вечером король взял склянку и хорошенько натер себе той жидкостью лицо; потом он заснул и умер. Маленький Прыжок узнал о том раньше всех и не преминул рассказать Привету, который велел ему бежать к Красавице Золотые Кудри, чтобы напомнить ей о бедном узнике.

Прыжок осторожно пробрался среди всеобщей толкотни, так как во дворце была большая суматоха по случаю смерти короля. Он сказал королеве:

— Госпожа моя, не забудьте о бедном Привете.

И она сейчас же вспомнила о том, что он претерпел ради нее, и о его великой верности. Не сказав никому ни слова, она вышла и пошла прямехонько к башне. Там она сняла своими руками оковы с Привета, и ручные и ножные, и, возложив ему корону на голову и королевскую мантию на плечи, сказала:

— Идите, мой дорогой Привет, жалую вас королевской властью и беру себе в супруги.

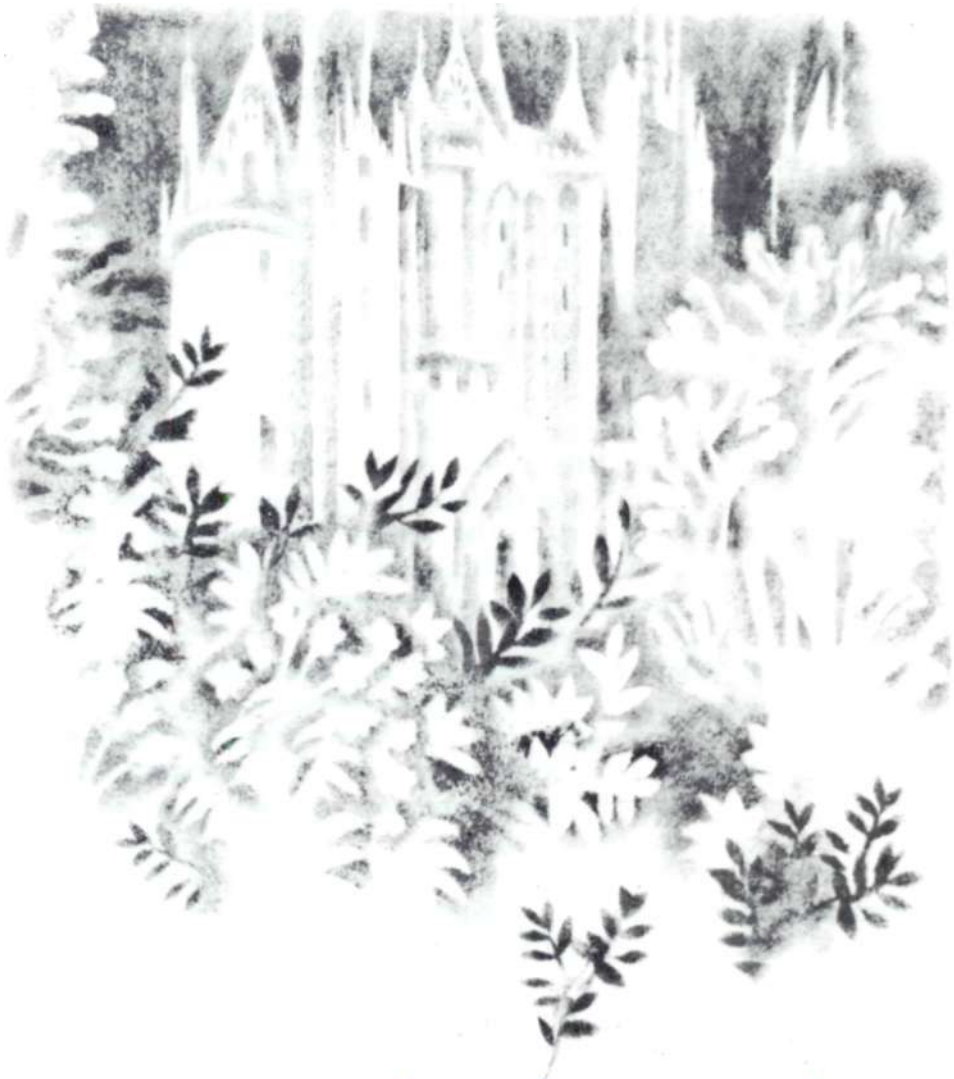
Он бросился к ее ногам и благодарил. Все очень обрадовались, что у них будет такой повелитель. Сыграли свадьбу, такую веселую, какой еще никогда не бывало, и Красавица Золотые Кудри долго жила с красавцем Приветом, и оба они были довольны и счастливы.

ПРАВОУЧЕНИЕ

Когда какой-нибудь бедняк
Тебя о помощи попросит,
Помочь ему не откажи никак:
Поступок добрый добрый плод приносит.
Так наш Привет всем другом добрым был:
И карпа пожалел, и ворона избавил,
И даже совушку-дурнушку не оставил
И ей свободу возвратил,
А мог ли он тому поверить,
Что бедные ему зверьки
Всю славу принесут, какой и не измерить,
Когда он королю хотел помочь в любви?
И как бы ни была девица та прекрасна,
И даже им едва не увлеклась она,
Он помнил короля, забыв о вздохах страстных,
И честь его была верна.
Безвинно вытерпел он злое заключение,
Но в самый горький миг он мог торжествовать:
Ведь небо видит все мученья
И добродетели не может отказать.

ЛЕСНАЯ ДАТЬ

Жили-были однажды король с королевой. Жили они счастливо, и подданные их обожали, одного только не хватало и тем и другим — не было у них наследника. Королева, уверенная, что король любил бы ее еще больше, если бы у них был сын, каждой весной отправлялась пить целебные воды, которые славились на всю округу. Туда съезжалось очень много народу и столько чужеземцев, что там встречались люди со всего света.

В большом лесу, куда ходили пить воды, было много источников; они были выложены мрамором и порфиром.

так как все старались наперебой их украсить. Однажды королева, сидя на берегу источника, попросила всех своих дам удалиться и оставить ее одну. И стала она тут громко сетовать:

— Ах, как я несчастна, — говорила она, — что у меня нет детей! У самых бедных женщин они есть; вот уже пять лет, как я только того и прошу у неба. Неужели я никогда не приласкаю своего ребенка? Неужели так мне и умереть без этой радости?

Говоря так, она заметила, что вода в источнике забурлила, потом из воды появился громадный рак и сказал ей:

— Великая королева, вы получите наконец то, чего желаете. Скажу вам, что здесь неподалеку есть дивный дворец, построенный феями. Но его невозможно найти, потому что он окружен густыми тучами, через которые не может проникнуть взгляд смертного. Однако я хочу вам услужить, и если вы согласитесь довериться бедному раку, я вас туда отведу.

Королева молча слушала, так как очень была удивлена тем, что рак говорит по-человечьи. Потом она ответила ему, что очень рада воспользоваться предложением, но только она не умеет пятиться, как это делают раки. Рак усмехнулся и тут же превратился в хорошенькую маленькую старушку.

— Ну вот, госпожа моя, — сказала она, — как видите, нам незачем пятиться, и прошу вас считать меня своим другом, потому что я думаю только о том, чтобы быть вам полезной.

И она вышла из источника совсем сухой. Она была одета в белое с красным, а ее седые волосы были повязаны зелеными лентами. Никогда еще королева не видала такой любезной старушки. Она поклонилась королеве, поцеловала у нее руку и, не откладывая дела в долгий ящик, повела ее лесной дорожкой, которая королеву очень удивила, потому что сколько раз она ни проходила здесь, а этой дорожки никогда не замечала. Как же это она на нее попала? А дело все в том, что по этой дорожке феи ходили к источнику. Обычно она была совершенно закрыта колючим кустарником да терновником, но как только королева и ее спутница появились, тотчас же вместо колючек выросли розы, жасмины и апельсиновые деревья сплелись ветвями, образовав навес из листьев и цветов, земля покрылась фиалками, и тысячи различных птиц защебетали на деревьях.

Не успела еще королева опомниться от удивления, как глазам ее представилось уже ни с чем не сравнимое зрелище дворца, который весь был выстроен из алмазов; и стены, и крыши, и потолки, и полы, и лестницы, и балконы, и даже террасы — все было сделано из алмазов. Совершенно восхищенная, она не могла удержаться от радостного крика и спросила любезную старушку, во сне ли это или наяву.

— Госпожа моя, — отвечала та, — это вовсе не сон.

В ту же минуту двери замка открылись, и оттуда вышли шесть фей. Но что это были за феи! Самые красивые и самые великолепные, какие когда-либо появлялись в их царстве. Они почтительно склонились перед королевой, и каждая поднесла ей цветок из драгоценных камней, чтобы у нее был целый букет; тут были роза, тюльпан, анемон, колокольчик, гвоздика и цветок граната.

— Королева, — сказали они ей, — мы не можем лучше выказать вам наше благоволение, как тем, что позволили вам посетить нас здесь; мы рады сообщить вам, что скоро у вас родится прелестная принцесса, которую вы назовете Желанье, потому что вы ведь очень долго ее желали. Но не забудьте, как только она родится, позвать нас, потому что мы хотим одарить ее всякими добрыми качествами. Для этого вы должны только взять ваш букет и назвать каждый цветок по имени, думая о нас, и будьте уверены, что мы тотчас же появимся в ваших покоях.

Королева, не помня себя от радости, бросилась их обнимать, и целовались они добрых полчаса. После этого они пригласили королеву к себе во дворец, который был так прекрасен, что и описать нельзя. Дело в том, что строил его тот самый архитектор, который создал солнце, и он там все так и сделал, как на солнце, только поменьше. Глаза королевы едва могли выдержать его ослепительный блеск, и поминутно ей приходилось жмуриться. Они повели ее в свой сад. Никогда еще королева не видала таких прекрасных плодов: абрикосы там были величиной с голову, а кушая вишни, приходилось резать каждую на четыре части, и такого там были прекрасного вкуса плоды, что, попробовав их, королева во всю жизнь не хотела есть никаких других. Был там фруктовый сад, весь состоявший из искусственных деревьев, которые росли и цвели, как живые.

Не буду рассказывать, как восторгалась наша королева, сколько она говорила о своей маленькой принцессе Желанье, как благодарила милых фей, которые ей сообщили такую приятную новость; одним словом, она выразила

им всю свою нежность и признательность. Фея Источника тоже не была забыта ею. До самого вечера королева пробыла во дворце. Она любила музыку, а у фей были такие чудесные голоса, что они показались ей прямо небесными. Надавали ей всяких подарков, и она, еще раз поблагодарив фей, вернулась домой вместе с феей Источника.

Все были ужасно взволнованы ее отсутствием, ее искали повсюду с большим беспокойством и представить себе не могли, куда она могла деваться. Боялись даже, не похитил ли ее какой-нибудь дерзкий чужеземец, потому что она была молода и красива. Одним словом, все чрезвычайно радовались ее возвращению, а так как сама она была бесконечно довольна теми надеждами, которые внушили ей феи, то своей приятной и изящной беседой очаровала всех.

Фея Источника покинула ее у самого ее дома; новые ласковые приветы сопровождали их расставание. Королева пробыла еще восемь дней на целебных водах и не преминула снова пойти в замок фей вместе со своей кокетливой старушкой, которая появлялась всегда в виде рака, а потом уж принимала свой естественный облик.

Королева уехала; она понесла и родила принцессу, которую называли Желанье. Тотчас же взяла она в руки полученный ею букет, назвала каждый цветок по имени, и в тот же миг явились феи на колесницах. У каждой была особая: у одной колесница была из черного дерева и запряжена белыми голубями, у другой — из слоновой кости, а везли ее маленькие вороны; были еще колесницы из кедра и бамбука. Все это было выражением согласия и мира, ибо, когда феи гневались, они являлись на летающих драконах, на змеях, у которых пламя вырывалось из пасти и из очей, на львах, на леопардах, на пантерах, и на этих зверях они переносились из одного края земли в другой так быстро, что не успеешь сказать «здравствуйте» или «прощайте». Но на этот раз они были в самом лучшем настроении.

Королева радостно и величественно пригласила их войти, а за ними потянулись карлики и карлицы, сгибающиеся под тяжестью всяких подарков. После того как они обняли королеву и поцеловали маленькую принцессу, они развернули привезенные ей пеленки, сделанные из такого тонкого и добротного полотна, что можно было сто лет ими пользоваться и они бы не износились. Феи ткали это полотно в часы досуга. Что касается кружев, то они были еще лучше полотна, и вся история мира была представле-

на на них с помощью иголки да веретена. После этого они показали еще простыни и одеяла, вышитые нарочно для этого случая, на них были изображены тысячи различных игр, которые любят дети. С тех пор как на белом свете есть вышивальщики и вышивальщицы, еще не было таких чудесных вышивок. Но когда появилась колыбелька, королева вскрикнула от восхищения, потому что колыбель превосходила все, что она до сих пор видела. Она была сделана из такого редкого дерева, что оно стоило сто тысяч экю за фунт. Четыре маленьких амура поддерживали ее; это были четыре мастерски сделанные фигурки, где искусство настолько превзошло свой материал, хотя само он состоял из алмазов и рубинов, что прямо и не расскажешь. Маленькие амуры были оживлены феями, и, если дитя кричало, они потихоньку укачивали и убаюкивали его. Это было чудо как удобно для кормилиц.

Феи по очереди брали девочку на руки, сами целовали и без конца ее целовали, потому что она уж и теперь была так хороша, что нельзя было на нее взглянуть и не полюбить. Заметив, что она хочет кушать, они тотчас же ударили по полу своей волшебной палочкой, и мгновенно появилась кормилица, такая, какую и нужно было для этой милой куколки. Теперь оставалось только надеть дитя дарами фей, и они не замедлили это сделать. Одна одарила ее добродетелью, другая — умом, третья — дивной красотой, следующая — счастливой судьбой, пятая пожелала ей здоровья, а шестая сказала, что все, что бы она ни начинала делать, будет выходить у нее очень хорошо.

Довольная королева тысячу раз их благодарила за все те милости, которые они оказали маленькой принцессе, но в эту самую минуту все увидели, как в комнату ползет такой громадный рак, что еле-еле пролезает в двери.

— А, неблагодарная королева, — сказал рак, — вы не изволили вспомнить обо мне? Как же это вы так скоро забыли фею Источника и ту услугу, что я вам оказала, проводив вас к моим сестрам? Как! Всех их вы позвали и только мной одной пренебрегли! По правде сказать, я это предчувствовала, потому и обернулась раком, когда заговорила с вами впервые, чтобы намекнуть, что ваша дружба ко мне, вместо того чтобы идти вперед, будет пятиться назад.

Королева, огорченная своим промахом, прервала ее и попросила у нее прощения; она говорила, что, вызывая фей, хотела назвать и ее цветок, но что это драгоценный букет сбил ее с толку, что для нее было бы невысказанно забыть о тех одолжениях, которые та ей сделала, что она

умоляет не лишать ее своей дружбы, а, главное, быть добрее к маленькой принцессе. Все феи, которые боялись, как бы фея Источника не посулила ребенку несчастий и неудач, присоединили свои голоса, чтобы смягчить ее.

— Милая сестрица, — говорили они, — пусть ваша светлость не изволит сердиться на королеву, которая никак не хотела вас огорчить! Покиньте, будьте милостивы, ваше обличье рака и сделайте так, чтобы мы увидели вас во всей вашей красе.

Как сказано, фея Источника была весьма кокетлива, и похвалы, которые расточали ей сестры, немного ее смягчили.

— Ну, хорошо, — сказала она, — я уж не причиню маленькой принцессе всего того зла, которое решила ей сделать, потому что я, правда, хотела ее погубить, и ничто не могло бы мне в этом помешать. Однако предупреждаю вас, что, если принцесса увидит дневной свет раньше, чем ей исполнится пятнадцать лет, ей придется в этом горько раскаяться, и, может быть, это ей даже будет стоить жизни.

Слезы королевы и мольбы славных фей не смогли ничего изменить в приговоре, который был произнесен. И она ушла, пятась, ибо не захотела покинуть свой панцирь рака.

Как только она удалась из покоев, королева спросила фей, нет ли какого средства предохранить ее дочку от грозящих ей бедствий. Они сейчас же стали держать совет и наконец, после того как обсудили целый ряд различных соображений, остановились на следующем: надобно построить дворец без окон и дверей, с подземным ходом и воспитать принцессу в этом убежище, пока не минет роковой срок, в продолжение которого ей угрожает несчастье.

Трех ударов волшебной палочки достаточно было, чтобы воздвигнуть громадное здание. Снаружи оно было из белого и зеленого мрамора, на потолках и полах из алмазов и изумрудов изображены были цветы, птицы и тысячи разных приятных вещей. Все стены были обиты бархатом различной окраски, вышитым руками фей. А так как наши феи были учеными-историками, то они доставили себе удовольствие вышить самые замечательные истории; будущее было там представлено так же, как и прошедшее, и геройские дела величайшего короля в мире были изображены на многих коврах.

Здесь духу Фракии подобен,
Победоносен, величав,
И страшный взор его среди военных слав
Молниеносен, дик и грозен.
А там—спокоен и велик,
В глубоком мире Францией он правит,
И целый мир его, ревнуя, славит,
И пред законами поник.
И живопись изображает
Черты различные его великих лет:
Он, грозный, грады покоряет,
Великодушен, мир лиет.

Мудрые феи придумали все это для того, чтобы юная принцесса могла без труда изучить различные события жизни героев и других людей.

В ее дворце было светло только от блеска свеч, но их было такое множество, что казалось, в залах царит вечный день. Лучшие учителя были приглашены к ней. Ее ум, живость и догадливость почти всегда предупреждали то, что ей хотели сообщить. И все учителя восхищались без конца ее удивительными речами уже в том возрасте, когда другие дети едва умеют назвать по имени свою кормилицу. Ну, да ведь кого феи одарят, та не останется невеждой и дурочкой.

Но если ее разум пленял всех, кто ее видел, то не меньшее действие оказывала ее красота; она восхищала самых бесчувственных людей, а королева, ее мать, так та никогда бы с ней и на минуту не рассталась, если бы долг не заставлял ее быть около короля. Добрые феи приходили время от времени взглянуть на принцессу; они ей приносили разные невиданные редкости, платья как раз точно по мерке, да такие богатые и красивые, что можно было подумать, что они сшиты на свадьбу какой-либо юной принцессы, которая не менее мила, чем та, о которой я рассказываю. Все феи очень ее любили, но больше всех фея Тюльпанов, которая особенно заботливо напоминала королеве, что принцесса не должна видеть дневного света раньше, чем ей исполнится пятнадцать лет.

— Наша сестра, фея Источника, — говорила она королеве, — мстительна, и как бы мы ни лелеяли вашу дочку, она может принести ей немало зла, если захочет. Поэтому, госпожа моя, вы должны быть как можно бдительнее.

Королева обещала ей непрестанно думать об этом, но так как ее дочка уже приближалась к тому возрасту, когда

должна была выйти из своего замка, она заказала живописцу ее портрет. Этот портрет был послан ко дворам самых великих королей мира. Не было принца, который бы не залюбовался им, а один принц так им пленился, что не мог даже расстаться с ним. Он повесил его у себя в комнате, запирался с ним один на один, разговаривал с ним, точно тот мог его слушать и понимать, и произносил перед ним самые нежные речи в мире.

Король, который теперь почти не видал своего сына, захотел узнать, чем тот занят и почему он не так весел, как обычно. Иные из придворных, что стараются ответить королю раньше других (а таких ведь немало), сказали ему, что следует опасаться, как бы принц не помешался, потому что он по целым дням запирается у себя в комнате, и слышно, как он там один-одинешенек разговаривает, точно там кто-то с ним есть.

Король выслушал это с беспокойством.

— Может ли это быть, — спрашивал он у своих приближенных, — чтобы мой сын помешался? Ведь он всегда был так умен. Вы знаете, что до сих пор все им восхищались, да и сейчас я не вижу, чтобы у него был блуждающий взор; просто он, мне кажется, чем-то удручен. Надо мне самому с ним поговорить: может быть, я разужаю, что за безумие им владеет.

В конце концов король послал за ним, велел всем выйти вон, и после нескольких слов, которые сын выслушал невнимательно и на которые ответил невпопад, король его спросил, что с ним такое случилось и почему он так изменился. Принц, полагая, что минута благоприятна, бросился к его ногам и сказал:

— Вы решили женить меня на Черной Принцессе. Вы находите очень важным этот брачный союз, и я не могу обещать вам того же, говоря о принцессе Желанье, но, отец мой и повелитель, в ней я вижу такую красу, которой нет у другой.

— А где вы их видели? — спросил король.

— Мне прислали портреты и той и другой, — ответил принц Воитель (его звали так после того, как он выиграл три больших сражения). — Уверяю вас, что я так сильно люблю принцессу Желанье, что, если вы не расторгнете нашу помолвку с Черной Принцессой, я умру — и я рад, что не буду жить, потеряв надежду соединиться с той, которую люблю.

— Это, значит, с ее портретом, — продолжал строго король, — извольте вы вести разговоры, которые делают вас посмешищем всех придворных? Вас уже считают

сумасшедшим, и если бы вы только знали, что мне об этом передают, то устыдились бы своей слабости.

— Я не могу упрекать себя за столь дивный пламень любви, — отвечало он, — и если бы вы увидели портрет этой прелестной принцессы, вы бы одобрили и чувства мои к ней.

— Ну так принесите его сейчас же, — сказал король с нетерпением, выдававшим его горе. Наверно, принц был бы тем весьма озабочен, если бы только не был уверен, что никто в мире не может сравниться по красоте с принцессой Желанье. Он бросился к себе в комнату и вернулся к королю, который почти так же восхитился портретом, как и его сын.

— Ах, — сказал он, — дорогой мой Воитель, теперь я понимаю, что вас так страстно волнует. Да я прямо помолодею, если при моем дворе будет такая очаровательная принцесса. Я сейчас же снаряжу послов к Черной Принцессе, чтобы расторгнуть вашу помолвку; пусть даже у нас с ней возгорится жестокая война, я все же решаюсь на это!

Принц почтительно поцеловал руки отца и несколько раз обнял его колени. Он так был доволен, что его еле узнавали. Он торопил отца послать поскорее гонцов не только к Черной Принцессе, но и к принцессе Желанье. При этом он требовал, чтобы к ней был послан самый богатый и самый хитроумный человек, потому что ему придется выступать в самом блистательном посольстве и добиться того, чего принцу так хочется. Король остановился на Бекафиге; это был молодой, очень красноречивый вельможа, и доходу у него было сто миллионов в год. Он очень любил принца Воителя и, чтобы угодить ему, снарядил такой громадный и пышный посольский поезд, что и вообразить нельзя. Его усердие не знало пределов, ибо любовь принца увеличивалась с каждым днем, и он без конца умолял его ехать как можно скорей.

— Подумайте, — говорил ему принц, — ведь дело идет о моей жизни, — я теряю рассудок, как подумаю, что отец принцессы может принять чье-нибудь другое предложение и не захочет его расторгнуть ради меня, — и тогда я ее потеряю навек.

Бекафиг успокаивал его, чтобы немного оттянуть свой отъезд, так как ему очень хотелось, чтобы все его расходы принесли ему честь и почет. Он снарядил восемьдесят карет, которые все блестели золотом и алмазами, и самые красивые миниатюры не могли сравниться с теми, которые украшали эти кареты. Было еще

пятьдесят других карет, двадцать четыре тысячи конных пажей, одетых роскошнее принцев, да и все остальное в этом великолепном поезде было им под стать.

Когда посланник был на прощальном приеме у принца, тот его дружески обнял и сказал ему:

— Не забудьте, мой дорогой Бекафиг, что жизнь моя зависит от супружества, которое вы едете устраивать; не упустите ничего, чтобы уговорить и привезти к нам принцессу, которую я обожаю.

Он снабдил его тысячей разных подарков, изящество и роскошь которых соперничали друг с другом: тут были и различные любовные изречения, вырезанные на алмазных печатках, карбункуловые часы с буквами имени принцессы Желанье и браслеты с рубинами, вырезанными сердечком. Словом, чего он только не выдумал, чтобы ей понравиться.

Посланник вез с собой портрет юного принца, написанный человеком столь ученым и искусным, что портрет этот умел разговаривать и говорить весьма хитроумные любезности. По правде сказать, он не на все отвечал, что ему говорили, но это было уж не так важно. Бекафиг обещал принцу сделать все возможное, чтобы исполнить его желание, и прибавил при этом, что везет с собой такую кучу денег, что если ему откажут в руке принцессы, он столкнется с кем-нибудь из приближенных дам и сумеет ее похитить.

— А х , — воскликнул п р и н ц , — на это я не могу согласиться: мы можем ее обидеть такой непочтительностью.

Бекафиг ничего на это не отвечал и пустился в путь.

Шумные слухи о посольстве предупредили его прибытие. Король и королева были в восторге: они очень уважали его государя и знали о великих подвигах принца Воителя. Однако они еще лучше были осведомлены о личных достоинствах принца, и потому, подумывая о том, что пора приискать жениха дочери, во всем мире не могли найти никого, кто был бы более достоин такой невесты. Для Бекафига приготовили целый дворец и сделали все надлежащие распоряжения, чтобы он увидел королевский двор в полном великолепии.

Король и королева решили, что посол должен увидеть принцессу Желанье, но тут к королеве явилась фея Тюльпанов и сказала ей:

— Берегитесь, госпожа моя, и не приводите Бекафига к нашей малютке (так она всегда называла принцессу); ни в коем случае не должен он видеть ее, ибо еще не пришло время для этого, и не соглашайтесь отсылать ее к

королю, который зовет ее, раньше, чем ей минет пятнадцать лет, ибо я уверена, что в этом случае с ней произойдет какое-нибудь несчастье.

Королева обняла добрую фею Тюльпанов и обещала ей послушаться ее совета, после чего они направились к принцессе.

Приехал Бекафиг. Его посольский поезд въезжал в столицу целых двадцать три часа, ибо в этом поезде было шестьсот тысяч мулов; их колокольчики и подковы были из чистого золота, чепраки из бархата и из парчи, расшитой жемчугами. Нельзя описать, какая толкотня была на улицах, все спешили поглазеть на поезд. Король и королева вышли навстречу послу, так довольны они были его приездом. Нечего и говорить, как он их приветствовал и с какими церемониями они встретились, но когда он попросил разрешения представиться принцессе, то получил отказ, чем был весьма удивлен.

— Если мы отказываем вам, сеньор Бекафиг, — сказал ему король, — в том, что вы имеете полное право просить, то вовсе не из-за какой-то особой нашей прихоти. Чтобы вы поняли это, надобно вам рассказать диковинную историю нашей дочери. При ее рождении одна фея невзлюбила ее и пригрозила ей страшными несчастьями в том случае, если она увидит дневной свет до достижения пятнадцатилетнего возраста. Она живет у нас во дворце, лучшие покои которого находятся под землей. Мы хотели повести вас к ней, но фея Тюльпанов воспретила нам это.

— Как же так, государь? — спросил посланник. — Неужели мне выпадет несчастье возвратиться без нее? Вы благоволите выдать ее замуж за сына моего повелителя, и ее ожидают с величайшим нетерпением; возможно ли, чтобы вас останавливали какие-то пустяки вроде предсказаний фей? Вот портрет принца Воителя, который я должен ей преподнести, он до того здесь похож, что мне кажется, что я вижу его самого, когда смотрю на этот портрет. — Тут же он достал и показал им портрет принца, а так как этот портрет умел говорить только о принцессе Желанье, то все услышали вот что:

— Прекрасная принцесса Желанье, вы себе представить не можете, с каким жаром ожидаю я вас. Явитесь скорее и украсьте наш двор вашими несравненными прелестями.

Портрет больше ничего не сказал, но король и королева были так удивлены, что стали просить Бекафига отдать им этот портрет, чтобы снести его принцессе; Бекафиг был очень доволен и вручил им портрет.

Королева до сих пор ничего не рассказывала своей дочке о том, что происходило в столице, она даже запретила дамам, которые служили принцессе, рассказывать ей о приезде посла; но они ее, конечно, не послушались, и принцессе было известно, что затевается великое сватовство. Однако она была очень осторожна и ничего не сказала матери. Когда королева показала ей говорящий портрет принца, который сказал ей несколько вежливых и нежных слов, она была очень удивлена. Ведь ей никогда не приходилось видеть ничего подобного, а доброе лицо принца, его умный взгляд и правильные черты поразили ее не меньше, чем то, что портрет умел говорить.

— Были бы вы недовольны, — сказала ей, смеясь, королева, — супругом, похожим на этого принца?

— Госпожа моя, — отвечала принцесса, — мне не принадлежит выбор, и я всегда останусь довольна тем, кого вы мне предназначите.

— Ну, хорошо, — сказала королева, — а если выбор наш упал бы на него, разве вы не почувствовали бы себя счастливой?

Принцесса покраснела, опустила очи и ничего не ответила. Королева обняла ее и долго целовала. Она не могла удержаться от слез, когда вспомнила, что скоро расстанется со своей дочкой, потому что оставалось только три месяца до того дня, когда принцессе должно было исполниться пятнадцать лет. Но она скрыла свое огорчение и рассказала ей и о посольстве знаменитого Бекафига и обо всем, что до нее касалось. Она даже отдала ей редкостные подарки, которые ей привез посол. Принцесса полюбивалась ими, похвалила, проявив большой вкус, самые любопытные подарки, но время от времени ее взгляд ненароком отрывался от них и останавливался на портрете принца с какой-то особой радостью, ей до сих пор неизвестной.

Посол, видя, что ему не удастся добиться отъезда с ним принцессы и что хозяева довольствуются тем, что обещают ему ее, но обещают так торжественно, что в этом не приходится сомневаться, недолго пожил у короля и поехал обратно к своим повелителям, чтобы доложить о своем посольстве.

Как только принц узнал, что не может надеяться увидеть свою милую принцессу раньше трех месяцев, он принялся так жаловаться на судьбу, что встревожил весь двор. Он ничего не ел, стал печальным и задумчивым, цвет лица его, прежде свежий, стал болезненным. Целыми днями он лежал на диване в своей комнате и смотрел на

портрет принцессы, все время писал ей письма и подносил их к ее портрету, как будто бы тот мог их прочесть. Наконец силы оставили его, и он опасно заболел. А чтобы открыть причину этой болезни, не нужно было ни медиков, ни лекарей.

Король был в ужасном отчаянии. Он так нежно любил сына, как никогда еще ни один отец не любил своих детей. А теперь он начал бояться, что его потеряет. Какое горе для отца! И он не мог и придумать, как помочь принцу. Принц думал только о принцессе Желанье, он не мог жить без нее, он погибал. В такой великой крайности король решил сам отправиться к королю и королеве, которые обещали ему принцессу, и упросить их, чтобы они сжалились над несчастным принцем и не затягивали их свадьбы. Потому что если еще дожидаться, пока принцессе минет пятнадцать лет, то случится так, что эта свадьба никогда не состоится.

Итак, король решился на чрезвычайный шаг, но что делать, если иначе пришлось бы видеть гибель своего любезного и дорогого сына? Однако тут оказалась еще одна трудность, которую никак нельзя было одолеть. Король был уже стар и мог отправиться в путь только на носилках, а такой способ путешествия плохо согласовывался с нетерпением сына. Поэтому король опять отправил верного Бекафига с письмами к королю и королеве, где в самых трогательных словах просил их уступить ему.

В это время принцесса Желанье любовалась портретом принца с таким же удовольствием, с каким он сам любовался ее портретом. Она все время в мечтах переносилась туда, где был он, и, хотя старалась скрыть свои чувства, все же их нетрудно было обнаружить. Две ее фрейлины, из которых одну звали Левкой, а другую Колючая Роза, заметили, что она немножко скучает. Левкой очень любила принцессу и была ей верна, а Колючая Роза всегда втайне завидовала и ее достоинствам и высокому положению. Мать Колючей Розы воспитала принцессу и после этого стала ее приближенной дамой; она бесконечно любила принцессу, но свою дочь обожала до безумия, и видя теперь, что ее дочь ненавидит прекрасную принцессу, и сама стала гораздо меньше любить свою воспитанницу.

Посол, которого отправили ко двору Черной Принцессы, был не очень-то хорошо там принят, когда узнали, с каким приятным известием он к ним явился. А надо сказать, что эта эфиопская принцесса была самым мстительным существом в мире. Она считала, что с ней

поступили не очень-то по-рыцарски — только что посватались к ней и получили ее согласие, и вдруг является посол с вежливым отказом. Она видела портрет принца и была в него влюблена, а ведь эти эфиопки если полюбят, так уж так безумно, как никто другой.

— Как же так, господин мой посланник, — сказала она, — верно, ваш повелитель полагает, что я не столь богата или не так уж красива? Прогуляйтесь по моим владениям, и вы увидите, что нет на свете другого такого обширного государства. Пойдемте со мной в мою королевскую сокровищницу, и вы увидите там столько чистого золота, что из всех россыпей Перу не добыть столько. Наконец, взгляните на черную мою кожу, на мой расплоснутый носик, на толстые мои губы — ну, разве не такие бывают красавицы?

— Госпожа моя, — отвечал посол, который до смерти боялся, как бы ему не пришлось попробовать палок, как это иной раз случается с послами в восточных странах, — я проклинаю моего повелителя так, как только дозволено его подданному, и если бы небо даровало мне самый блистательный трон во вселенной, я, уж поверьте, недолго бы думал, с кем его разделить.

— Эти мудрые слова спасли вам жизнь, — отвечала она ему, — я было собиралась с вас начать свою месть, но это было бы несправедливо, так как теперь я вижу, что вы не виноваты в отвратительном поступке вашего государя. Идите к нему и скажите, что я очень счастлива разорвать нашу помолвку, потому что не люблю обманщиков! — Посол, который только о том и думал, как бы с ней распрощаться, не замедлил воспользоваться ее приказанием и уехал.

Но эфиопка была слишком уязвлена поступком принца Воителя, чтобы простить его. И вот села она на колесницу из слоновой кости, запряженную страусами, которые быстро побежали, делая по десять миль в час. И направилась она во дворец феи Источника, которая была ее крестной и лучшим другом. Она рассказала ей все свои злоключения и умоляла помочь ей в ее обиде. Фея, тронутая горем своей крестницы, посмотрела в волшебную книгу и тотчас же прочла там, что принц Воитель покинул Черную Принцессу только ради принцессы Желанье, в которую влюблен без ума и даже занемог единственно от нетерпения ее видеть. Хотя фея почти было простила принцессу Желанье к этому времени, но тут она снова распалилась ужасным гневом против нее. Она не видала принцессы со дня ее рождения и, наверно,

уже не причинила бы ей никакого зла, если бы мстительная Чернавка не стала взывать к ее помощи.

— Как! — воскликнула в ярости фея. — Так, значит, опять эта несчастная Желанье будет раздражать меня? Нет, прелестная моя Принцесса, нет, крошечка моя, я не потерплю, чтобы тебя обижали, — небо и все стихии замешаны в этом деле. Возвращайся спокойно к себе домой и надейся на свою крестную.

Черная Принцесса поблагодарила ее и поднесла ей цветов и фруктов, чем та осталась очень довольна.

Посол Бекафиг спешил со всей быстротой в столицу отца принцессы Желанье. Он бросился к ногам короля и королевы, немало пролил слез и сказал самыми трогательными словами, что принц Воитель умрет, если они дольше будут откладывать радостное свидание его с принцессой, их дочерью; что ведь в конце концов осталось только три месяца до того срока, когда ей исполнится пятнадцать лет; что ничего дурного с ней за такой короткий срок случиться не может; что он берет на себя смелость заметить, что такое слепое доверие к феям может повредить их королевскому достоинству. Одним словом, он убеждал их со всем искусством, каким славился. Они поплакали вместе с ним, когда представили себе печальное состояние молодого принца, и наконец сказали ему, что все обдумают и через несколько дней дадут ему решительный ответ. Посол им ответил, что может задержаться только на несколько часов, так как повелитель его тяжело болен и воображает, будто принцесса сама откладывает свой отъезд, потому что он ей ненавистен. Тогда они сказали, что в этот же вечер все решат.

Королева побежала во дворец к своей дорогой дочке и рассказала ей все, что произошло. И тогда принцесса Желанье беспримерно опечалилась: сердце у нее сжалось, и она упала без памяти. Тут королева поняла, что принцесса любит принца, и сказала ей:

— Не удручайтесь этим, дорогое дитя мое, ведь вы можете в один миг исцелить его от болезни, меня беспокоят только страшные угрозы феи Источника, которые она произнесла в день вашего рождения.

— Я уверена, — возразила принцесса, — что если бы мы приняли некоторые предосторожности, то провели бы злую фею. Ну, если бы, например, я поехала в большой карете, со всех сторон закрытой, куда не проходил бы ни один солнечный луч? Ее бы открывали только ночью, чтобы дать нам поесть, и таким образом я бы счастливо доехала до принца Воителя.

Королеве очень понравилось это предложение, она рассказала о нем королю, который тоже его одобрил. Он сейчас же послал за Бекафигом, и они пообещали ему, что принцесса поедет в самом скором времени, так что посол может вернуться и сообщить эту добрую новость своему повелителю. К этому они еще добавили, что для того, чтобы ни на одну лишнюю минуту не задержаться, они не станут даже, как оно подобало бы, готовить для дочери пышный поезд и богатый гардероб. Посол в полном восторге бросился к ногам короля и королевы, благодаря их, а затем немедленно уехал, так и не увидав принцессы.

Горько было бы принцессе расставаться с королем и с королевой, если б не привязалась она уже сердечно к принцу, а ведь это такое чувство, которое заглушает почти все другие.

Построили ей карету, снаружи всю из зеленого бархата, с большими золотыми украшениями, а внутри все было обито серебряной парчой, расшитой розами. В этой карете не было ни единого стекла, и была она очень большая. Закрывалась она наглухо, крепче, чем ларчик, и один из самых важных вельмож королевства хранил ключ, которым запирались замки в дверцах.

Красою Грации сияли,
Утехи, игры, легкий смех!
И, улетаю дальше всех.
За ней амуры поспешали.
Взор сочетала величавый
С небесной нежностью она,
Мечта была поражена
Ее улыбкою и славой.
Она могла нас подивить
Красою царственного вида;
Как нежная Аделаида,
Сюда пришла она, чтоб мир нам подарить.

Только немногие кавалеры должны были сопровождать принцессу, дабы не обременять поезда большой свитой. Подарили ей драгоценные ожерелья, которым цены не было, и несколько богатейших платьев, и вот после прощания, когда король с королевой и весь двор заливались слезами, принцессу посадили в темную карету, а вместе с ней поехали Левкой и Колючая Роза со своей матерью.

Может быть, вы уже позабыли, что Колючая Роза совсем не любила принцессу Желанье, но зато она очень

любила принца Воителя, потому что видела его говорящий портрет. До того он ее поразил, что, уже собравшись ехать с принцессой, она сказала матери, что не жить ей на белом свете, если эту свадьбу сыграют, и что если мать хочет видеть ее живой, пусть она эту свадьбу расстроит. Мать просила ее не огорчаться и сказала, что постарается все устроить, чтобы только сделать дочку счастливой.

А королева, посылая свое дорогое дитя в путешествие, ни на кого так не надеялась, как на эту злую женщину.

— Сокровище мое я доверяю вам! — говорила она ей. — Оно мне дороже жизни. Смотрите, чтобы она была здорова, а главное, чтобы не увидела дневного света, — тогда все пропало. Вы ведь знаете, какими бедствиями ей это грозит, и я уговорилась с послем принца Воителя, что, пока ей не исполнится пятнадцати лет, она будет жить в особом замке, где никакого света, кроме свеч, не будет.

От королевы эта женщина получила много всяких подарков, чтобы она получше выполнила ее поручение. А та обещала королеве глаз не спускать с принцессы и, как только приедут на место, ей обо всем написать.

И вот, понадеявшись на эти обещания, король и королева не очень тревожились за дочь, и это облегчало им разлуку с ней. Каждый вечер кавалеры, сопровождавшие принцессу, открывали карету, чтобы приготовить ей ужин, и от них Колючая Роза узнала, что скоро они приедут в город, где их ожидали. Тогда Колючая Роза стала торопить свою мать, чтобы та сделала поскорей то, что ей обещала, потому что она боялась, как бы король с принцем не выехали им навстречу, а тогда уже не будет случая расстроить свадьбу. И вот однажды около полудня, когда солнце ярко светит, взяла мать Колючей Розы большой острый нож, который заранее припасла, да и прорезала одним ударом верх у кареты. И тогда принцесса Желанье впервые увидела солнечные лучи. Не успела она и взглянуть на белый свет, как испустила глубокий вздох и выскочила из кареты, обернувшись белою ланью. И пустилась она бежать в лес все дальше и дальше, покуда не забралась в самую глушь, где и стала горевать одна-одиношенька о том, чем она была да чем стала.

А фея Источника, которая и затеяла все это необычайное дело, видя, что все, кто сопровождал принцессу, бросились ей на помощь — кто за ней в лес, а кто к принцу Воителю, чтобы известить его о том, какое приключилось

г о р е , — готова была перевернуть всю природу: гром загремел, молния засверкала, так что самые храбрые перепугались, а кроме того, своим волшебством она всех этих людей унесла далеко-далеко от этого места, где их присутствие ей не нравилось.

Только и остались там Левкой да Колючая Роза со своей матерью. Левкой бросилась за своей госпожой, оглашая леса и горы своими жалобами и именем принцессы. А другие две, очень довольные тем, что освободились от тяжелой обязанности, не теряя ни минуты, принялись за то, что задумали. Колючая Роза надела самые богатые платья принцессы Желанье. Королевская мантия, которую сшили к свадьбе, была бесподобной роскоши, а в корону были вправлены алмазы в два или в три раза больше кулака, скипетр был из цельного рубина, а держава, которую она взяла в другую руку, была из жемчужины побольше головы. Уж такие это были драгоценные вещи, и как тяжело их было нести! Но Колючая Роза хотела разыграть из себя принцессу и решила ничего не упустить в королевском наряде.

В этом наряде Колючая Роза с матерью, которая несла шлейф ее мантии, пошла по дороге к столице принца Воителя. Поддельная принцесса важно шагала вперед, ничуть не сомневаясь в том, что им окажут торжественный прием; и действительно недалеко они еще отошли, как заметили, что навстречу им движется конница, а посреди ее два великолепных паланкина, сверкающие золотом и драгоценными камнями, и несут их мулы, украшенные султанами из зеленых перьев (это был любимый цвет принцессы). Король, находившийся в одних носилках, и больной принц, бывший в других, не знали, что и подумать об этой странной паре, которая к ним приближалась. Самые нетерпеливые из всадников поскакали им навстречу и, увидав их роскошные одежды, решили, что это, должно быть, важные особы. Они соскочили с коней и почтительно им поклонились.

— Скажите мне, — спросила их Колючая Роза, — кто находится в этих носилках?

— Госпожа моя, — отвечали ей, — это король наш и принц, его сын, которые выехали навстречу принцессе Желанье.

— В таком случае, — отвечала она, — поезжайте к ним и скажите, что принцесса идет им навстречу; одна фея, которая завидовала моему счастью, рассеяла всех моих провожатых страшными ударами грома, сверкающими молниями и всякими чудесными явлениями; со мной

только и осталась моя приближенная дама, у которой письма моего отца и мои драгоценности.

В тот же миг рыцари поцеловали край ее мантии и поскакали обратно, чтобы доложить королю, что перед ними принцесса.

— Как! — вскричал он. — Она идет пешком и при дневном свете?!

Они передали то, что она им рассказала. Принц, горевший нетерпением, подозвал их к себе и, не дав им слова выговорить, спросил:

— Поклянитесь мне, что она — диво красоты, истинное чудо, настоящая принцесса!

Они ничего ему не ответили и весьма удивили тем принца.

— Чтобы не перехвалить, вы предпочитаете молчать, — заметил он.

— Государь, вы ее сейчас сами увидите, — отвечал самый смелый из них, — она, наверно, очень изменилась, потому что устала с дороги.

Принц был очень удивлен и, конечно, не будь он так слаб, сейчас же соскочил бы с носилок из нетерпения и любопытства. Король спустился на землю и вместе со всем своим двором подошел к поддельной принцессе. Но, взглянув на нее, громко вскрикнул и, отступив на несколько шагов, сказал:

— Что я вижу! Какое вероломство!

— Государь, — сказала ему приближенная дама принцессы, отважно выступая вперед, — перед вами принцесса Желанье, и вот письма короля и королевы; вручаю вам также и ларчик с драгоценностями, которые они мне передали, когда мы отъезжали.

Король угрюмо промолчал, а в это время принц, опираясь на Бекафига, подошел к Колючей Розе. О боги! Что с ним сделалось, когда он рассмотрел эту странную фигуру, при одном взгляде на которую прямо страшно делалось. Она была так высока, что одежды принцессы еле достигали ей до колен, худа она была как щепка, нос — крючком, словно у попугая, красноватый, лоснящийся, и зубы у нее были такие черные да кривые, каких ни у кого другого не было. Словом, насколько принцесса была хороша, настолько эта была страшна.

Принц, который ни о чем не думал, как только о своей милой принцессе, стоял как вкопанный, глядя на нее с великим удивлением; долгое время он не мог рта раскрыть и наконец сказал королю:

— Я жертва предательства; чудеснейший портрет, которому я отдал мою свободу и любовь, не имеет ничего общего с дамой, которую к нам прислали. Нас захотели обмануть и обманули — и это будет стоить мне жизни.

— Как, государь, — воскликнула тут Колючая Роза, — вас хотели обмануть, говорите вы? Знайте же, что вы никогда не будете обмануты, если станете моим супругом.

Ее бесстыдство и самомнение были беспримерны. Ее мать добавила еще со своей стороны:

— Ах, красавица моя принцесса! — вскричала она. — Куда мы попали? Разве так принимают дочь короля? Каково непостоянство людей! На что они только способны! Но король, ваш отец, сумеет дать им достойный ответ.

— И мы заставим его это сделать, — ответил король. — Он обещал нам красавицу принцессу, а вместо нее посылает нам скелет, мумию, на которую страшно смотреть. Теперь уже мне неудивительно, что он пятнадцать лет держал это сокровище под спудом: он хотел поймать на этом какого-нибудь простачка. Жребий пал на нас, но мы еще постоим за себя!

— Какие оскорбления! — вскричала поддельная принцесса. — Несчастливая я, что мне пришлось ехать, доверяясь словам таких людей! Подумаешь, какое преступление — заставить нарисовать себя на портрете чуточку красивее, чем ты е с т ь , — да ведь это же все делают каждый день. Если бы это могло препятствовать браку, вряд ли многим принцам удалось бы жениться.

Король и принц, вне себя от ярости, не удостоили ее ответа. Каждый из них снова взошел в свои носилки, и без дальних церемоний один из гвардейцев посадил принцессу на лошадь позади себя, и так же пышно усадили и ее приближенную даму. Их повезли в город и там по приказу короля заключили в замок Трех Башен. Принц Воитель до того был удручен этим неожиданным ударом, что сначала всю скорбь затаил в своем сердце. Когда же, наконец, собрался с силами и заговорил, как только ни плакался он на свою злую судьбу! Он по-прежнему был влюблен, но ему не о ком было теперь вздыхать, кроме как о портрете. Его надежды более уже не существовали, все его прекрасные мечты о принцессе Желанье рушились. Он готов был скорее умереть, чем жениться на той, кого принимал за принцессу. Трудно даже себе представить, как велико было его отчаяние; он не мог больше выносить шума королевского двора и решил, как только здоровье ему это позволит, удалиться тайно в какое-нибудь уеди-

ненное место и там провести остаток своей грустной жизни.

Принц никому не рассказывал об этом своем решении, кроме верного Бекафига; он был уверен, что тот последует за ним повсюду. С ним говорил он чаще, чем с кем-либо другим, об ужасном обмане, жертвою которого стал. Как только принц начал поправляться, он немедленно уехал, оставив на столе в кабинете короля длинное письмо. В нем он уверял отца, что, когда немного успокоится, вернется к нему, но просит, в ожидании его возвращения, обдумать их общую месть и по-прежнему держать в плену отвратительную принцессу.

Легко представить себе горе короля, когда он прочел это письмо. Разлука со столь дорогим сыном едва не довела его до смерти. А покуда все приближенные старались его успокоить, принц и Бекафиг были уже далеко. Спустя три дня они очутились в большом лесу, который был очень темен благодаря густой своей листве и очень приятен свежестью травы и ручейков, что журчали повсюду. Принц, еще не вполне здоровый и утомленный долгой дорогой, соскочил с коня и, грустный, бросился на траву, подложив руку под голову. Он был еще так слаб, что почти не мог говорить.

— Государь, — сказал ему Бекафиг, — пока вы будете отдыхать, я пойду поискать, нет ли здесь каких-нибудь плодов, чтобы мы могли освежиться, а кстати, посмотреть, куда мы с вами попали. — Принц ничего ему не ответил, а только знаком показал, что он может идти.

Давно уж мы с вами оставили нашу лесную лань — я говорю о несравненной принцессе. Она была ланью и безутешно расплакалась, когда неожиданно увидела свое отражение в воде источника, который послужил ей зеркалом.

— Как! — сказала она. — Это я? Сегодня действительно со мной произошло самое страшное приключение, какое феи могли только послать невинной принцессе вроде меня! Сколько же времени останусь я в этом образе? Куда мне деваться, чтобы львы, медведи и волки не загрызли меня? Как же я буду есть траву?

Так она задавала самой себе тысячу вопросов, чувствуя самую горькую печаль. Одно только могло ее немного утешить: это то, что она была такой же прелестной ланью, какой была красавицей принцессой.

Голод начал мучить принцессу, и она принялась с аппетитом жевать траву, сама этому удивляясь. Потом она прилегла на мох. Спустилась ночь, принцесса провела ее в

непостижимом страхе. Она слушала, как хищные звери бродят неподалеку, и не раз, забывая о том, что она лань, пыталась влезть на дерево. Дневной свет ее несколько успокоил, она любовалась его красотой, и солнце ей казалось столь чудесным, что она не переставала глядеть на него; все, что она до сих пор о нем слышала, казалось ей ничего не значащим по сравнению с тем, что она теперь видела. Это было единственным утешением, которое нашла она в этом пустынном месте. Она была совершенно одна в продолжение нескольких дней.

Фея Тюльпанов, которая всегда любила принцессу, сочувствовала ее горю, но она очень досадовала, что ни королева, ни принцесса не воспользовались ее советами, ведь она много раз им говорила, что, если принцесса уедет раньше, чем ей минет пятнадцать лет, это добром не кончится. Однако она не хотела обрекать принцессу в жертву ярости феи Источника и направила шаги Левкоя к лесу, чтобы новая эта наперсница могла утешать принцессу в ее несчастьи.

Красивая лань шла потихоньку по берегу ручья, когда Левкой, которая так устала, что уж не могла идти дальше, прилегла отдохнуть. Она печально размышляла о том, в какую бы сторону ей направиться, чтобы найти свою дорогую принцессу. Когда лань ее заметила, она одним прыжком перенеслась через широкий и глубокий ручей, бросилась к Левкое и начала нежно к ней ласкаться. Левкой была очень этим удивлена, она недоумевала, то ли здешние звери так уж особенно любят людей, то ли эта лань знает ее. В конце концов ведь было очень странно, чтобы дикая лань оказывала человеку такие любезности.

Она внимательнее на нее посмотрела и с крайним удивлением заметила, что две крупные слезы катятся из ее глаз; тут уж она больше не сомневалась, что перед ней ее любимая принцесса. Она взяла в руки ножки лани и стала целовать их с такой же нежностью и уважением, как бывало, целовала ручки принцессы. Она заговорила с ней и поняла, что лань ожидала ее, но не может ей отвечать; тут слезы и вздохи с обеих сторон возобновились с новой силой. Левкой обещала своей повелительнице, что ни за что ее не покинет, лань отвечала ей глазами и кивками головы, что этому очень рада и что теперь многие ее горести не так ей будут страшны.

Почти весь день они были вместе. Лань, боясь, что Левкою захочется покушать, повела ее в дальний край леса, где она заметила дикие деревья, на которых росли

очень вкусные плоды. Левкой ела их без конца, так как она умирала от голода, но когда насытилась, то впала в страшное беспокойство, потому что представить себе не могла, где и как они будут спать. Ей казалось невыносимым остаться спать в лесу, среди тысячи опасностей, которые могли приключиться.

— Разве вам не страшно, милая лань, — говорила она, — провести здесь ночь? — Лань подняла очи вверх и горько вздохнула.

— Но ведь вы, — продолжала Левкой, — бегали по всему этому громадному лесу, ужели же здесь нет какого-нибудь домика, хижины какого-нибудь угольщика, дровосека или кельи монаха?

Лань ответила ей кивком головы, что ничего она такого не видала.

— Обоги! — воскликнула тогда Левкой. — Завтра меня уже не будет в живых! Если удастся мне избежать тигров и медведей, я уверена, что умру просто от страха. И не подумайте, дорогая принцесса, что я говорю о своей судьбе; я думаю только о вас. Увы, каково-то остаться в этих глухих местах одной! И никто не утешит вас! Может ли быть что-нибудь ужаснее?

Бедная лань принялась плакать, она рыдала прямо как человек.

Ее слезы тронули фею Тюльпанов, которая ее нежно любила. Несмотря на то, что принцесса ее не послушалась, все-таки она продолжала все время заботиться о ней, и тут она внезапно появилась.

— Я не буду вас корить, — произнесла она, — мне слишком тяжело видеть вас в таком положении. — Лань и Левкой бросились перед ней на колени. Одна целовала руки феи и нежно к ней ласкалась, а другая умоляла фею пожалеть принцессу и вернуть ей образ человеческий.

— Это не в моей власти, — отвечала фея Тюльпанов, — та, кто причинила ей это, — могущественная волшебница. Но я могу сократить срок этого испытания, а чтобы облегчить его, обещаю вам, что, как только день сменится ночью, она перестанет быть ланью, однако, чуть займется утренняя заря, опять обратится в лань и будет бегать по лесам и долам, как дикий зверь.

Это уж было немало — хоть ночью не быть ланью, и принцесса в восхищении начала прыгать и скакать, что очень развеселило фею Тюльпанов.

— Идите же, — сказала она им, — вот по этой тропинке, и вы найдете хижину, довольно опрятную для этих мест.

И, произнеся эти слова, она исчезла. Левкой послушалась ее, она пошла с ланью по указанной феей дороге, и они вышли к хижине, у дверей которой сидела старуха и вязала корзинку из тонкого ивняка. Левкой поклонилась ей.

— Приютите меня, бабушка, — сказала она, — с моей ланью! Может быть, у вас найдется комнатка для нас?

— Хорошо, доченька, — отвечала та, — вам найдется местечко; входите, входите сюда с вашей ланью. — И она повела их в прелестную комнатку, со стенами из дерева дикой вишни; там стояли две кровати с чистым бельем и покрывалами — и все было так чистенько и просто, что принцесса говорила потом, что никогда не видала более приятного жилья.

Как только совсем смерклось, принцесса Желанье обернулась человеком. Сто раз, а то и больше поцеловала она Левкою, от всей души благодаря ее за добрые чувства к ней, за то, что она не оставила ее в беде. И еще она обещала ей устроить ее счастье, как только кончатся все их испытания.

Старушка постучала к ней потихоньку и, не входя к ним, протянула Левкое прекрасные плоды, которые принцесса покушала с большим аппетитом, и затем они улеглись спать. Как только занялся день, принцесса Желанье снова стала ланью и принялась скрести копытцем дверь, чтобы Левкой отворила ей. Грустно им было расставаться, хоть и ненадолго, но лань быстро побежала в самую гущу леса и стала там бегать и прыгать, как она делала это и раньше.

Мы уже сказали, что принц Воитель остался один в лесу, а Бекафиг пошел поискать ему диких плодов. Совсем уже было поздно, когда он наткнулся на избушку доброй старушки, о которой только что шла речь. Вежливо потолковал он с ней и попросил еды для своего повелителя. Старушка наложила полную корзину всякой снеди и подала ему.

— Боюсь я, — сказала она ему, — чтобы не случилось чего с вами ночью в темном лесу; есть у меня для вас комнатка, хоть и бедная, да вас в ней дикие львы не тронут. — Он ее поблагодарил и сказал, что он здесь не один, а с одним своим другом и пойдет ему об этом сказать. Действительно, ему удалось уговорить принца, и тот согласился идти к доброй старушке. Она встретила их на пороге и бесшумно провела в комнату, точь-в-точь такую же, как и комнатка принцессы; они помещались рядом и разделялись только перегородкой.

Принца всю ночь беспокоили грустные мысли. Как только блеснули первые лучи солнца в окошках, он поднялся и, чтобы разогнать тоску, пошел в лес, сказав Бекафигу, чтобы не сопровождал его. Долго он шел куда глаза глядят и наконец вышел на широкую поляну, поросшую деревьями да мхом. Только он показался, как лань пустилась бежать оттуда. Посмотрел он на нее да и погнался за ней. Охота была его любимой забавой, но после болезни он уже не мог очень быстро бегать. Несмотря на это, он все-таки долго гнался за ланью и время от времени пускал в нее стрелу. Бедная лань умирала от страха, хоть ни одна стрела не ранила ее, ибо фея Тюльпанов охраняла ее, и поистине принц так метко стрелял, что только рука феи могла защитить от его стрел. Никогда еще принцесса-лань так не уставала, никогда еще ей не приходилось так бегать. Наконец, ей удалось какой-то тропинкой так ловко ускользнуть, что опасный охотник потерял ее из виду, и так как он и сам очень устал, то прекратил преследование.

День клонился к вечеру, и лань с радостью увидела, что пора уж ей возвращаться, и побежала к домику, где с нетерпением ждала ее Левкой. Вбежав в комнату, бросилась она, еле дыша, на кровать, вся мокрая, так она измучилась. Левкой ее ласкала и жалела, умирая от любопытства узнать, что с ней такое приключилось. Пришел час, когда ей пора было стать снова девушкой; тогда она бросилась на шею своей любимице и сказала:

— Увы, я боялась только феи Источника и злых хозяев лесов, а сегодня за мной гнался молодой охотник, и так мне пришлось от него бежать, что я почти даже его и не разглядела. Стрела за стрелой летели за мною, угрожая мне неминуемой смертью, и уж не знаю, каким я чудом спаслась.

— Не надо вам больше отсюда выходить, принцесса, — сказала Левкой, — оставайтесь здесь, в этой комнате, покуда не минет роковое время вашего испытания. А я схожу в ближний город, куплю разных книжек, чтобы не было нам здесь скучно; читаем мы с вами новые сказки про фей да будем сочинять стихи да песенки.

— Молчи, молчи, моя дорогая, — отвечала ей принцесса, — не нужно мне никаких развлечений, потому что я все время думаю о милом моем принце Воителе; но та ужасная сила, которая обращает меня днем в лань, та же сила заставляет меня вопреки моим желаниям делать то, что делают все лани: я бегаю и ем траву, как и они. Днем нет моих сил оставаться в комнате.

До того она устала после погони, что сейчас же попросила поесть, а потом ее красивые глазки закрылись, и она заснула до зари. И как только занялась заря, опять обернулась ланью и убежала в лес.

Принц к вечеру тоже вернулся к своему другу.

— Я провел весь день, — сказал он, — гонясь за самой красивой ланью, какую я когда-либо видел, но она с удивительной ловкостью провела меня. Стрелял я так метко, что не понимаю, как она могла увернуться от моих стрел. Чуть рассветет, я снова пойду в лес, и уж на этот раз ей от меня не уйти.

И вот наш юный принц, который хотел позабыть о своей мечте, казавшейся ему теперь несбыточной, был очень доволен, опять прираствившись к охоте. С раннего утра отправился он опять туда же, где спугнул лань, но та на этот раз поостереглась там показываться, боясь, чтобы опять не пришлось ей туго. Смотрел он, смотрел по всем сторонам, долго ходил по лесу, устал и разгорячился. Увидав на дереве очень красивые яблоки, он обрадовался, сорвал их, попробовал, и тут же одолела его дремота. Упал он на свежую траву под деревьями, где кругом щебетали птицы, и сладко заснул.

Пока он спал, боязливая наша лань, которой нравились уединенные места, прибежала как раз туда, где он лежал. Если бы она его раньше заметила, то, конечно, тотчас же убежала, но она увидала его, совсем уже к нему приблизившись, и не могла удержаться, чтобы не посмотреть на него. Так крепко он спал, что она перестала бояться и решила на досуге хорошенько его разглядеть. Боги! Что с ней только сделалось, когда она его узнала! Ведь она так о нем мечтала, что не могла забыть его за столь короткое время! Ах, любовь, любовь! Что ты только делаешь! Ужели же бедной лани погибнуть от руки ее возлюбленного? Так, верно, оно и будет, потому что она уже не думает о своей безопасности. Она прилегла в нескольких шагах от него и от радости глаз с него не сводила; она вздыхала, она тихо стонала. Наконец, осмелев, подошла к нему еще ближе, коснулась его — и он проснулся.

Принц был ужасно удивлен. Он узнал лань, которая так его помучила и которую он так долго искал, но странно, что она решилась так близко к нему подойти! Она не стала дожидаться, пока он ее поймает, и бросилась со всех ног бежать, он — за ней. Время от времени они останавливались, чтобы передохнуть, потому что красавица-лань еще не отдохнула после вчерашней погони, да и

принц тоже. Но что больше всего замедляло бег — увы! сказать ли, — было то, что ей страх как не хотелось удаляться от того, кто ранил ее не стрелами, а любовью. Он не раз видел, как она оборачивалась к нему, словно спрашивая, неужели он хочет, чтобы она погибла от его руки; но как только он ее настигал, она делала новое усилие и убегала.

— Ах, малютка лань, — вскричал он, наконец, — если бы ты только могла понимать меня! Тогда бы ты не стала убегать от меня; ведь я люблю тебя, я хочу кормить тебя да ухаживать за тобой — такая ты красавица! — Но ветер унес его слова, и она не слыхала их.

Наконец, обежали они кругом весь лес, и наша лань, совсем обессилев, замедлила шаг. А принц в это время удвоил силы и нагнал ее с такой радостью, что сам себе не верил. Он видел, что она совсем выбилась из сил; она упала, бедняжка, полумертвая от усталости, и ждала только смерти от рук своего победителя. Но, вместо того чтобы причинить ей зло, он начал ее ласкать.

— Красавица моя лань, — сказал он ей, — не бойся меня, я хочу тебя взять с собой и никогда с тобой не разлучаться.

Он нарезал ей ветвей, постлал их ровненько, покрыл мхом, набросал на них роз, которые кругом цвели на кустах, потом взял лань на руки, положил ее головку себе на плечо и уложил ее потихоньку на это ложе. Потом сел около нее, время от времени срывал вкусные травы и давал ей, а она ела их из его рук.

Принц продолжал с ней говорить, хоть и был уверен, что она его не понимает. Но как ей ни приятно было его видеть, все-таки она беспокоилась, потому что надвигалась ночь.

«Что-то будет, — думала она, — когда он увидит, как я вдруг обращусь в девушку? Наверно, испугается и убежит от меня, а если не убежит, как я буду с ним одна в темном лесу?» Она только о том и думала, как бы ей убежать от него, но он сам ей в этом помог: боясь, что ей захочется пить, он пошел посмотреть, нет ли где поблизости какого-нибудь источника, куда бы он мог ее отвести. Как только он ушел, она тотчас же вскочила и помчалась к своему домику, где ее ждала Левкой. Она бросилась на постель. Стемнело; снова она стала принцессой и рассказала подруге свое приключение.

— Поверишь ли, моя дорогая, мой принц Воитель два дня охотился за мной в этом лесу, и когда он наконец поймал меня, то стал меня нежно ласкать. Ах! До чего же

этот портрет, который мне тогда подарили, мало на него похож; он во сто раз красивее. Другой на охоте замарается да обдерется, а он все так же хорош, а до чего мил и красив, и рассказать тебе не сумею. Ну, не несчастная ли я, что мне приходится бежать от принца, который мне сужен всеми моими родными, — бежать от него, который меня любит и которого я люблю! Надо же было, чтобы злая фея возненавидела меня со дня моего рождения и погубила всю мою жизнь. — Она принялась плакать, а Левкой ее утешала, уверяя, что скоро все ее несчастья сменятся радостями.

Как только принц отыскал ручей, он пошел назад к своей милой лани; но ее уже не было на том месте, где он ее оставил. Тщетно искал он ее повсюду и чувствовал такую обиду на нее, словно она обладала разумом. «Как! — воскликнул он. — Неужели же мне придется иметь вечно повод жаловаться на этот лживый и вероломный женский пол?» В тоске возвратился он к доброй старушке. Он рассказал своему наперснику все приключения с ланью, обвиняя ее в неблагодарности. Бекафиг не мог не улыбнуться гневу принца и посоветовал ему наказать лань, когда он встретится с ней.

— Только ради этого я здесь и останусь, — ответил принц, — затем мы отправимся дальше.

Настало утро, и вместе с ним принцесса обернулась белой ланью. Не знала она, на что решиться: то ли бежать ей в те места, где обычно гуляет принц, то ли не попадаться ему на глаза. Наконец она выбрала последнее и ушла далеко, но юный принц был тоже не прост и тоже пошел другой дорогой, подозревая, что она пустится на хитрости. И он нашел ее в самой глуши леса. Она чувствовала себя в безопасности. И тут-то вдруг его заметила. В тот же миг она вскочила, одним прыжком перенеслась через кусты и помчалась быстрее ветра, словно ее вчерашняя проделка с ним заставила ее еще больше его бояться. Но в ту минуту, как она перебежала одну тропинку, он схватил лук да так ловко нацелился, что стрела вонзилась ей в ногу. Она почувствовала ужасную боль, силы оставили ее, и она упала.

Ах! Амур, жестокий и безжалостный, где же ты был? Как! Ты позволил, чтобы несравненную девушку ранил ее нежный возлюбленный? Но печальный конец был неизбежен, ибо так подстроила фея Источника. Принц подошел к лани. Когда он увидел, что кровь бежит из раны, ему стало очень жаль ее. Он сорвал длинные стебли трав и перевязал ими раненую ножку, потом, как и в прошлый

раз, сделал ложе из ветвей. Он положил голову лани себе на колени и сказал ей:

— Не сама ли ты виновата, ветреница моя, в том, что с тобой случилось? Зачем ты вчера меня покинула? Но сегодня уж этого не случится, потому что я понесу тебя сам.

Лань ничего не ответила, да и что бы она сказала! Она и виновата была и говорить не могла, а ведь вовсе не всегда те, кто виноват, молчат. Принц нежно ее ласкал.

— Как мне больно, — говорил он, — что пришлось тебя ранить! Ты будешь, верно, теперь меня ненавидеть, а ведь я хочу, чтобы ты любила меня.

Казалось, коли его послушать, что какой-то тайный гений нашептывал ему то, что он говорил лани. И вот уже приближался час, когда пора было возвращаться к старушке хозяйке; он поднял свою добычу, и нелегко ему пришлось; он то нес ее, то вел, а то и волочил за собой. Она вовсе не хотела с ним идти.

«Что со мной будет? — думала она. — Ну как же мне очутиться с ним с глазу на глаз! Ах, лучше уж умереть!»

Она нарочно двигалась самым неуклюжим образом и очень обременяла его. Он так устал, что весь был мокрый, и, хотя уж недалеко было до их маленького домика, почувствовал, что ему одному не справиться. Он пошел позвать своего верного Бекафига, но, прежде чем покинуть свою добычу, привязал ее несколькими узлами к дереву, чтобы она опять не убежала.

Увы! Кто мог подумать, что красивейшая принцесса в мире подвергнется такому обращению со стороны принца, который ее обожал! Она тщетно пыталась разорвать свои путы, но только еще сильнее их затягивала, а кроме того, на беду, образовалась мертвая петля, грозившая ее задушить. В это время Левкой, которой надоело сидеть все время взаперти в своей комнате, вышла подышать свежим воздухом и направилась как раз туда, где белая лань билась в путях. Что с ней только сделалось, когда она увидела свою дорогую повелительницу! Она бросилась развязывать ее, а узлов было много, да все в разных местах; наконец дело было сделано, но в эту минуту появились принц с Бекафигом.

— Несмотря на все мое уважение к вам, госпожа моя, — сказал принц Левкое, — позвольте мне сказать вам, что вы хотели присвоить чужое добро: я ранил эту лань, она моя, я люблю ее и умоляю вас оставить ее мне.

— Сударь, — вежливо отвечала Левкой (она была и стройна и прелестна), — эта лань была моей еще до того, как вы ею завладели, и я готова скорей от жизни своей отказаться, чем от нее. А если вы хотите видеть, знает ли она меня или нет, отпустите ее на минутку... Ну-ка, моя Белочка, обнимите меня. — Лань бросилась ей на шею. — Поцелуйте меня в правую щеку. — Лань поцеловала. — Коснитесь моего сердца. — Она тронула ее грудь ножкой. — Вздохните. — И она вздохнула. Принц уже не мог больше сомневаться в том, что Левкой говорит правду.

— Возвращаю ее вам, — благородно заявило он, — но, поверьте, с немалым сожалением. — И Левкой тотчас же ушла со своей ланью.

Они не знали, что принц живет в том же домике; он издалека следил за ними и был очень удивлен, когда увидал, что они входят в хижину доброй старушки. Очень скоро вслед за ними вернулся и он, и, так как ему очень любопытно было узнать о белой лани, то спросил у старушки, кто эта девушка с ланью. Та ответила, что не знает ее, что пустила ее к себе вместе с ланью, что она ей хорошо платит и живет очень одиноко. Бекафиг осведомился, где их комната, и узнал, что она соседняя с их комнатой и что их отделяет друг от друга только перегородка.

Когда они пришли к себе, Бекафиг сказал принцу, либо он ошибается так, как еще никто никогда не ошибался, либо девушка, которую они только что видели, жила с принцессой Желанье, и он ее видел во дворце, когда приезжал туда с посольством.

— Какие мрачные воспоминания оживляете вы! — сказал ему принц. — И каким образом могла бы она очутиться здесь?

— Этого я не знаю, сеньор, — добавил Бекафиг, — но мне очень хочется посмотреть на нее еще раз, и так как нас разделяет всего лишь дощатая перегородка, я проделаю в ней отверстие.

— Вот бесполезное любопытство, — грустно сказал принц, потому что этот разговор снова пробудил все его горести. Он отворил окно, выходившее в лес, и стал мечтать.

Тем временем Бекафиг трудился и скоро просверлил довольно большое отверстие. Посмотрел он и увидал прелестную принцессу, одетую в платье из серебряной парчи с кармазинными цветами, шитое золотом и изумрудами. Ее волосы падали тяжелыми волнами на самую

красивую шею в мире, лицо пленяло живыми красками, а очи приводили в восхищение. Левкой стояла перед ней на коленях и перевязывала ей руку, откуда обильно текла кровь. Казалось, что они обе очень озабочены этой раной.

— Дай мне умереть! — говорила принцесса. — Легче смерть, чем это плачевное существование, которое мне приходится влачить. Как! Целый день быть ланью, видеть своего суженого и не быть в состоянии говорить с ним, рассказать ему о своем роковом несчастье! Ах! Если бы ты знала, как трогательно говорил он со мной, когда я была ланью, какой у него голос, какие у него благородные и располагающие движения, ты бы еще больше меня пожалела, зная, что я не могу поведать ему о моей горькой судьбе.

Можно себе представить, как был удивлен Бекафиг всем, что он увидал и услышал. Он подбежал к принцу и отвел его от окошка с невыразимой радостью.

— Ах, принц, — сказал он, — не медлите, подойдите же к перегородке, и вы воочию увидите ту, чей портрет вас очаровал.

Принц посмотрел и тотчас узнал принцессу. Он бы умер от счастья, если бы не боялся, что его морочат какие-то чары. Ибо что же тогда означала удивительная встреча с Колючей Розой и ее матерью, которые были заключены в замок Трех Башен и называли себя одна принцессой Желанье, а другая ее приближенной дамой?

Однако любовь обнадеживала его. Всякому хочется убедиться в том, на что направлены его желания, а случай был таков, что приходилось или умереть от нетерпения, или дознаться истины. И принц, не откладывая дела в долгий ящик, подошел к двери комнаты принцессы да и постучался тихонько. Левкой, не сомневаясь, что это стучится старушка хозяйка, которая, кстати, была ей нужна, чтобы помочь перевязать руку ее повелительнице, поспешила отворить дверь и оцепенела от удивления, увидав перед собой принца, который сразу же бросился к ногам принцессы Желанье. Восторг его был так велик, что он не мог ничего толком сказать, и как мы ни старались узнать, что он ей говорил в эти первые минуты, так никого и не нашли, кто мог бы нам в этом помочь. Принцесса была в не меньшем замешательстве, но тут вмешался Амур, который частенько служит посредником для тех, кто немеет от любви, и убедил их обоих, что никогда еще не говорили они так умно или по крайней мере так

трогательно и так нежно. Слезы, вздохи, клятвы, даже лукавые улыбки— все здесь было.

Так прошла ночь, занялся день, а принцесса Желанье даже не подумала о том, что она так и не обернулась ланью. Вдруг она это заметила; ничто не могло сравниться с ее радостью, но она так любила принца, что не могла и минуты выдержать, чтобы не поделиться с ним ею. И тут же начала ему рассказывать всю свою историю с такой прелестью, с таким естественным красноречием, что самых записных умников за пояс заткнула.

— К а к , — воскликнуло н , — прелестная моя принцесса, так это вас я ранил в образе белой лани! Как же мне искупить ужасное мое преступление? Я готов умереть от горя на ваших глазах. — Он так был удручен, что огорчение это было написано на его лице. И от этого принцесса Желанье страдала более, чем от своей раны; она уверяла его, что все это пустяки и что она даже рада этой беде, принесшей ей столько радости.

Она так убедительно говорила, что он не мог больше сомневаться в ее доброте. Чтобы все ей было понятно, он, в свою очередь, рассказал ей о том обмане, который затеяли Колючая Роза со своей матерью, и добавил, что надо поторопиться известить отца о его счастье, о том, что он ее нашел, ибо иначе возгорится ужасная война, так как отец его не преминет отомстить за оскорбление, которое ему будто бы было нанесено. Принцесса Желанье упростила его послать письмо с Бекафигом; тот уже готов был исполнить его приказание, как вдруг по лесу разнесся страшный гул и звон военных труб, рогов, литавр и барабанов; им показалось даже, словно большое войско проходит мимо их домика. Принц глянул в окошко и узнал многих рыцарей, знамена и значки; он скомандовал им остановиться и ожидать его.

Никогда еще не ликовало так войско, как на этот раз; все были убеждены, что сам принц Воитель поведет их, чтобы отомстить отцу принцессы Желанье. Войском предводительствовал сам отец принца, несмотря на свой преклонный возраст. Его несли в бархатном паланкине, изукрашенном золотой вышивкой, а за ним ехала открытая повозка, где везли Колючую Розу с матерью. Принц Воитель, увидав паланкин, бросился к нему, а король, простирая к сыну руки с отеческой любовью, вскричал:

— Откуда вы, сын мой? Как могли вы причинить мне такое горе, уехав от нас?

— Государь, — отвечал принц, — благоволите меня выслушать.

Король тотчас сошел с носилок, и, отойдя с ним в уединенное место, сын рассказал ему о своей счастливой встрече и об обмане Колючей Розы.

Обрадованный король воздел руки и благодарил небо за его милость. В эту минуту он увидел принцессу Желанье, которая была красивее и блестела ярче всех звезд небесных. Она сидела на великолепной лошади, игравшей под ней, множество разноцветных перьев окружало ее головку, и самые большие алмазы мира украшали ее одежду. Она была одета охотницей. Левкой, которая сопровождала ее, также была в замечательном наряде. Все это было дело рук феи Тюльпанов, это она обо всем позаботилась, и ее старания увенчались полным успехом. Маленький домик в лесу тоже был создан для принцессы, и там фея много дней под видом доброй старушки принимала и потчевала свою любимицу.

Когда принц узнал свои войска и выбежал навстречу отцу, фея вошла в комнату принцессы Желанье; она подула на ее руку, и рана мгновенно зажила, и тут же она обрядила принцессу в такой пышный наряд, что, когда появилась она перед глазами короля, он так был очарован, что с трудом мог поверить, что перед ним не бессмертная богиня. Он приветствовал ее самыми ласковыми словами, которые только можно было придумать для такого случая, и просил ее не медлить и поскорее стать королевой его царства.

— Да, — сказал он, — я решил передать королевство принцу Воителю, чтобы он еще более был достоин такой невесты!

Принцесса Желанье ответила ему со всей вежливостью, какую можно ожидать от хорошо воспитанной особы, а потом, глянув на двух пленниц в повозке, закрывших себе лица руками, она великодушно попросила короля простить их и разрешить им уехать в той же повозке, куда им заблагорассудится. Король согласился, и тут он еще раз восхитился ее сердечной добротой и похвалил ее за это.

Тут же отдали приказ всей армии повернуть налево кругом и маршировать с музыкой домой. Принц вскочил на коня и поехал рядом с принцессой. В столице их встретили громогласные крики восторга; приготовили все что нужно ко дню свадьбы, который прошел весьма торжественно благодаря присутствию шести благосклонных фей, любивших принцессу. Они поднесли принцессе

такие богатые подарки, что и вообразить себе нельзя, и, между прочим, великолепный дворец, тот самый, в котором впервые увидела их мать-королева. Он мгновенно возник в воздухе: пятьдесят тысяч крылатых амуров принесли его и потом установили на широкой поляне на берегу речки. Ну, прекраснее такого подарка, конечно, уж ничего и быть не могло.

Верный Бекафиг просил своего повелителя поговорить с Левкочем, чтобы она стала его женой после того, как справят свадьбу принца. Принц согласился. Прелестная девушка была очень рада, что нашла себе такого хорошего мужа в чужом королевстве. Фея Тюльпанов, которая была еще щедрее своих сестер, подарила ей на свадьбу четыре золотые копи в далекой Индии, чтобы она была такой же богатой, как и ее будущий муж. Целый месяц праздновали свадьбу принца, каждый день устраивали новое празднество, и песни о приключении белой лани распевали повсюду.

ПРАВОУЧЕНИЕ

*Принцесса слишком поспешила
Покинуть темный замок свой,
Куда от мести роковой
Ее премудро фея скрыла.
Ее несчастья, превращенья,
Остерегая, учат нас,
Какие страшные мученья
Нетерпеливых в свете ждут подчас.
О вы, кому любовь рукою тороватой
Дала черты, способные пленять!
Краса — нередко злой вожатый,
А можно ли ее скрывать?
Вам верной кажется защитой,
Что вы, любимая, не любите сейчас,
Но как опасен пламень скрытый,
Взгляните на него — и он зажжет и вас.*

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

Жил-был некогда король, очень богатый и деньгами и угодами. Умерла у него жена, и никак он не мог утешиться. Целую неделю не выходил он из своего кабинета да об стены головой бился, так был огорчен. Все стали бояться, как бы он насмерть не убился, а потому потихоньку на стены под ковры навешали пуховиков. Теперь уж он мог биться, сколько ему угодно.

Все его подданные, потолковав между собой, решили идти его утешать, кто чем может. Иные приготовили важные и глубокомысленные речи, иные — более прият-

ные и даже веселые, но ничто не трогало короля, он еле слушал, что ему говорили. Наконец, явилась к нему некая дама, укрытая всякими траурными черными крепами, вуалями да мантиями, и до того громко она плакала и рыдала, что король даже рот разинул. Она сказала ему, плача, что пришла не для того, чтобы попытаться уменьшить его горе, а чтобы увеличить его, ибо нет на свете ничего более справедливого, нежели оплакивать достойную женщину. Что до нее, так она сама потеряла самого лучшего мужа в мире и будет плакать о нем, пока глаза не выплывут. Сказав это, заплакала она вдвое громче, и тут же король по ее примеру тоже зарыдал.

Он ее принял лучше, нежели других. Рассказал ей о великих достоинствах умершей своей супруги, она же еще больше о своем муже. И столько они толковали об этом, что под конец уж и говорить больше было нечего. Когда хитрая вдовушка заметила, что разговор почти истощился, приподняла она немножко свои вуали, и обездоленный король не без удовольствия стал развлекаться видом этой обездоленной женщины. А она то сюда поглядит, то туда обернется, а глаза у нее большие, синие, ресницы длинные, черные и лицо цветущее. Все это король рассмотрел с большим вниманием. Стал он понемногу все меньше о своей жене вспоминать, а потом и вовсе перестал. Вдовушка ему сказала, что она вечно будет своего мужа оплакивать, а король стал ее упрашивать не увековечивать так своей скорби. В заключение всех удивил он, женившись на ней, и черные одежды сменились зелеными и розовыми: достаточно иной раз узнать слабость человека, чтобы покорить его сердце, а потом делай с ним что угодно.

От первого супружества у короля была только одна дочка, но ее считали восьмым чудом света. Звали ее Флориной, так как она напоминала богиню Флору, своей свежестью, юностью и красотой. Никогда она роскошных платьев не носила: идет, бывало, в легком тафтяном платьице, только разве застежку с блестящими камнями наденет, вся в цветах, и особенно были они хороши в ее чудесных косах. Было ей пятнадцать лет от роду, когда король во второй раз женился.

Новая королева сейчас же велела послать за своей дочкой, которая воспитывалась у своей крестной, феи по имени Суссио. Но хоть и воспитывала ее фея, дочка королевы все-таки ни красотой, ни грацией не обладала. Как над ней фея Суссио ни старалась, никакого толку добиться не могла. Но все-таки фея ее очень любила.

Звали ее Пеструшка, потому что у нее все лицо было в рыжих пятнах, как у рыбки-пеструшки. Ее черные волосы были всегда такие сальные и грязные, что тронуть страшно, а желтая кожа лоснилась от жира. Королева от нее была без ума и только и говорила, что о своей ненаглядной Пеструшке. А так как Флорина перед дочкой имела все преимущества, то это королеву приводило в отчаяние, и она всячески старалась ее перед королем очернить. Дня не проходило, чтобы королева и Пеструшка не делали чего-нибудь во вред Флорине. Но добрая и умная принцесса старалась не обращать на это внимания.

Сказал однажды король королеве, что и Флорина и Пеструшка уже невесты на выданье и что, как только приедет к ним ко двору какой-нибудь принц, надо одну из них за него выдать замуж.

— Я полагаю, — ответила ему королева, — что надобно сперва выдать мою дочь, она ведь старше вашей, а так как она еще в тысячу раз ее любезнее, тут даже и говорить не о чем.

Король спорить не любил, согласился и сказал, что предоставляет все ее воле.

Через несколько дней узнали, что едет к ним некий король, который так был хорош собой, что все его звали Очарователем. Никогда еще никто не видал короля более любезного и более блистательного. И ум его и внешность вполне соответствовали его имени. Как только королева о том проведала, созвала она всех вышивальщиков, всех портных и всех мастеров, чтобы приготовить своей Пеструшке платьев и украшений побольше. А короля упросила, чтобы Флорине ничего нового не шили, а, кроме того, ее прислужниц подговорила выкрасть у нее все одежды, гребни и украшения как раз в тот день, когда король Очарователь приехал. Пошла Флорина одеться и даже ни одной ленточки не нашла. Она сразу догадалась, кому обязана этой услугой. Посылает она к купцам в лавки тканей купить, а те отвечают, что королева запретила товары ей продавать. И осталась она в простеньком платьице, изрядно поношенном, и так было ей стыдно, что, когда король Очарователь появился, спряталась она в дальний уголок залы.

Королева приняла его с великими церемониями, представила ему свою дочку, которая от богатых украшений и нарядов, как солнце, блестела, но от этой роскоши казалась еще противней. Король Очарователь как на нее взглянул, тут же и отвернулся, а королева стала сама себя уверять, что это оттого отвернулся он, что уж очень ему

дочка ее понравилась и он перед ней робеет. И каждую минуту свою Пеструшку к нему подводила. А тут он спросил, нет ли здесь другой принцессы, которую зовут Флориной.

— Е с т ь , — ответила ему Пеструшка, показывая на ту пальцем, — вон она там прячется, ведь она не из храбрых.

Флорина же покраснела и до того стала хороша, до того хороша, что король Очарователь замер от восхищения. Вскочил он с места и отвесил глубокий поклон принцессе.

— Госпожа м о я , — сказал о н е й , — несравненная красота ваша так украшает вас, что нужды вам нет ни в каких других украшениях.

— К о р о л ь , — отвечала она е м у , — уверяю вас, что я не привыкла так грязно одеваться, и очень вы бы меня порадовали, если бы совсем на меня не смотрели.

— Н е м ы с л и м о , — воскликнул король Очарователь , — чтобы была на свете такая удивительная принцесса и люди могли бы еще кем-нибудь любоваться.

— А х , — сказала разъяренная королева , — довольно я слушала вас. Поверьте, гость дорогой, что Флорина и без того страшная кокетка, и ни к чему ей расточать столько сладких слов.

Король Очарователь тотчас же разгадал, почему королева ему так говорит, но так как принудить ни к чему его не могли, то он продолжал выказывать свое восхищение Флориной и беседовал с ней часа три подряд.

Рассерженная королева и неутешная Пеструшка, которой не удалось одержать верх над Флориной, бросились к королю со страшными жалобами и добились такого приказа, чтобы на время, пока у них гостит король Очарователь, Флорину заключили в высокую башню, откуда уж ей дорогого гостя не увидеть. И вот как только Флорина вернулась к себе в комнату, схватили ее четыре молодца в черных масках и унесли в башню на самый верх. Пришла она в совершенное отчаяние, потому что поняла, для чего с ней так поступают: чтобы она не могла понравиться королю, который ей уже очень нравился и за кого она не прочь была бы и замуж пойти.

Король Очарователь ничего о том не знал и с величайшим нетерпением дожидался времени, когда вновь с Флориной увидится. Захотелось ему о ней поговорить с теми придворными, кого король приставил к нему для вящего почета, но те по приказу королевы стали всячески ему ее порицать: и кокетка-то она, и характер-то у нее злой да непостоянный, и друзей-то своих и прислугу

вечно мучает, и нечистоплотна она, и до того уж скупа, что лучше готова одеваться простой пастушкой, лишь бы не тратить те деньги, что отец дает на наряды. Слушая все это, король Очарователь страдал душевно и еле-еле сдерживал свой гнев.

— Н е т , — говорил он сам с е б е , — немыслимо, чтобы судьба вложила такое дурное сердце в такой перл создания. Согласен я, что плохо она была одета, когда я ее встретил, но смущение ее доказывает, что она к тому непривычна. И может ли быть она злой при такой ее скромности и очаровательной нежности? Нет, уж этому я никак не поверю, а скорее поверю тому, что это ее королева так расписывает. Недаром она ей мачеха, а уж дочка-то ее, принцесса Пеструшка, — такой уж гадкий зверь, что дивиться нечему, коли она завидует этому самому совершенному из всех творений.

Покуда он так рассуждал сам с собой, придворные стали догадываться, что не очень-то ему нравится о принцессе такие речи слушать, и нашелся тут один из них похитрее, который, чтобы выведать чувства короля, слова свои изменил да и голос тоже и начал ему Флорину выхвалять. При его словах король точно проснулся от долгого сна, разговорился, и лицо его засияло радостью. Ах, любовь, любовь, до чего трудно скрыть тебя! Везде-то ты проявляешься: и на устах любовника, и в очах его, и в звуке голоса. Когда человек любит, то и молчание его, и разговор, и радость, и грусть—все только о любви говорит.

Не терпелось королеве узнать, действительно ли король Очарователь так увлечен, и послала она за теми, кому на этот случай доверилась, и всю ночь их о том выспрашивала. Все, что они ей ни говорили, только в том ее убеждало, что король Очарователь влюблен во Флорину.

Но что мне сказать вам о тоске бедняжки принцессы? Лежала она на земле в той ужасной темнице, куда ее принесли люди в масках.

— Не так бы я горевала, — говорила о н а , — если б меня в эту темницу раньше того заключили, как к нам гость дорогой приехал. А теперь я все вспоминаю о нем, а от этого мне еще горше. Нечего и сомневаться, что королева со мной так ужасно поступила, чтобы помешать мне вновь видеть его. Увы, мне! Дорогой ценой платит мое спокойствие за невеликую мою красоту!

И так она горько плакала, так горько, что если бы ее лютый враг увидел, так и тот бы ее пожалел.

Так прошла ночь. А королева, которая хотела во что бы то ни стало привлечь к себе короля Очарователя знаками своего внимания, послала ему в подарок великолепные, богатые одежды, шитые портными по самой последней моде. А сверх того послала она ему орден Кавалеров Амура, который заставила учредить короля, своего супруга, в день их свадьбы. Был тот орден в виде золотого сердца, украшенного пламенного цвета эмалью, окруженного несколькими стрелами, и одна из стрел пронзала его с такой надписью Единая меня ранит. Королева приказала, чтобы для короля Очарователя это сердце было выточено из цельного рубина в страусовое яйцо величиной, каждая стрела из алмаза в палец длиной, а цепь, на которой то сердце висело, была сделана из жемчуга, причем наименьший из них целый фунт весил, — словом, с тех пор как стоит белый свет, ничего такого не было видано.

Король Очарователь, как тот орден увидел, несколько времени даже и слова вымолвить не мог. В то же время поднесли ему книгу, листы которой были из тончайшего пергамента, с восхитительными миниатюрами, а переплет золотой с драгоценными камнями; в книге в самых нежных и любезных словах был написан статут ордена Кавалеров Амура. При сем королю сказали, что те подарки посылает ему принцесса, которую он видел, и она просит его быть верным ее рыцарем. Подумал он было при этих словах, что это та самая принцесса, которая ему полюбилась.

— Ах! — воскликнул он. — Так это прекрасная принцесса Флорина так великодушно и так приветливо обо мне вспоминает?

— Государь, — отвечали ему, — вы изволили именем ошибиться: мы к вам от прелестной Пеструшки явились...

— Которая меня себе в рыцари прочит? — сказал король строго и холодно. — Весьма огорчен, что не могу сей великой чести принять. Но короли ведь сами себе не хозяева и они не властны по собственному желанию накладывать на себя любое обязательство. Мне известны рыцарские обязанности, и я все готов выполнить, а потому предпочитаю от милости принцессы отказаться, дабы не делать того, что несовместимо с королевским достоинством.

С этими словами положил он обратно в корзинку и сердце, и цепь, и книгу и отослал все назад. А королева со своей дочкой едва не задохнулась от ярости, видя, как

чужеземный король, кому они такую честь оказали, с ними распорядился.

Когда пришло время королю Очарователю идти в покои короля и королевы, он пошел туда в надежде увидеть Флорину и взглядом всюду ее искал. Чуть только услышит, что кто-то входит, тотчас голову поворачивает к двери, и видят все, беспокоится и грустит он. Догадывалась злая королева, что у него на душе делается, но и виду не подавала. Она только и говорила ему, что о веселых гуляньях, а он отвечал ей на все невпопад. Наконец он прямо спросил о принцессе Флорине.

— Король, — отвечала ему королева надменно, — король, отец ее, запретил ей выходить из своей комнаты, покуда моя дочка замуж не выйдет.

— Но зачем же такую красавицу, — спросил король Очарователь, — держать взаперти?

— Мне это неизвестно, — сказала королева. — Но даже если я это узнаю, у меня есть право не отвечать вам на подобный вопрос.

Тут король Очарователь страшно разгневался. Он с ненавистью смотрел на Пеструшку и только думал о том, что из-за этого жалкого чудовища лишен он радости видеть красавицу принцессу. Скоро откланялся он королеве, слишком тяжело ему было беседовать с нею.

Вернувшись к себе, призвал он одного юного принца из своей свиты, которого очень любил, и сказал ему, что все на свете отдаст, лишь бы какая-нибудь из прислужниц принцессы устроила так, чтобы ему с ней поговорить хоть минуту. Этот принц без труда нашел некоторых дворцовых дам, которые с ним втайне поговорили. И одна из них сообщила ему, что в этот самый вечер будет Флорина ждать у маленького окошка, выходящего прямо в сад, и что там с ней король Очарователь сможет поговорить, однако с великими предосторожностями, чтобы о том не узнали.

— Потому что, — добавила она, — король и королева до того строги, что казнят меня, ежели дознаются, что я помогала любви короля Очарователя.

Молодой принц, радуясь, что так все устроилось, пообещал ей все, что она желала, и бросился к своему королю возвестить ему о часе свидания. Но злая его наперсница не преминула тут же пойти к королеве, обо всем рассказать ей и спросила, каковы будут ее приказания. А та тотчас решила, что следует к тому окошку послать свою дочь; и она подучила ее, что ей делать и

говорить, а Пеструшка хоть и очень глупа была, но все-таки постаралась все выполнить.

Такая ночь была темная, что королю Очарователю невозможно было бы заметить обман, даже если бы он и не так в своем счастье был уверен. Подошел он к окошку в полном восторге и невыразимой радости и сказал Пеструшке все, что мог бы Флорине сказать, чтобы ее уверить в своей страсти. Пеструшка, пользуясь обстоятельствами, ему отвечала, что нет ее несчастней на белом свете из-за злой мачехи и придется страдать ей, покуда королевину дочь не возьмут замуж. А король уверил ее, что если она согласится выйти за него, то не может быть для него большей радости, как разделить с ней и корону свою и сердце. С этими словами снял он с руки перстень и, надев его Пеструшке, сказал, что это вечный залог его верности и что ей надо лишь время выбрать, чтобы с ним тайно отправиться. А Пеструшка на его горячие заявления отвечала как только могла умнее. Заметил он тут, что ничего она дельного не умеет сказать, и очень бы это его огорчило, если бы он не подумал, что она боится, как бы ее королева не застигла, и потому у нее мысли путаются от страха. И покинул он ее лишь с условием встретиться на другой день опять в тот же час, что она ему и обещала от всей души.

Королева, узнав об успехе свидания, весьма обрадовалась. И действительно, в назначенный день король Очарователь явился похитить принцессу в воздушных носилках, запряженных крылатыми лягушками: один его друг волшебник подарил ему эти носилки. Ночь была темная-темная. Пеструшка вышла тайком из маленькой дверцы, а ожидавший король схватил ее в объятия и не меньше чем сто раз поклялся в вечной верности. Но так как скучно было бы ему долго летать на своих воздушных носилках, не женись на любимой принцессе, он спросил ее, где она желает свадьбу сыграть. Она отвечала, что есть у нее крестная фея по имени Суссио, весьма знаменитая, и хотелось бы ей отправиться в ее замок. Хоть король дороги туда не знал, но ему стоило лишь о том сказать своим громадным крылатым лягушкам. Им вся карта вселенной была известна, и через малое время доставили они короля с Пеструшкой к фее Суссио. А у той во дворце до того было светло, что король, как только приехал, сейчас же узнал бы свою ошибку, не будь принцесса так старательно укутана. Пошла она к своей крестной и, поговоривши с нею наедине, рассказала, как она изловила короля Очарователя, и просила его уговорить.

— Ах, дочка моя, — сказала фея, — трудно это будет сделать, потому что очень уж он привязан к Флорине. И чует мое сердце, наделает он нам хлопот.

Тем временем король дожидался их в зале, где все стены были из алмазов до того чистых и прозрачных, что он насквозь через стену увидел, как Суссио и Пеструшка шепчутся друг с другом.

— Как, — сказал он себе, — уж не предан ли я? Откуда это демоны принесли врага нашего спокойствия? Ужели она сюда явилась, чтобы расстроить брак мой? А дорогой моей Флорины что-то не видно! Уж не догнал ли ее отец?

Много всяких мыслей приходило ему в голову, и он не на шутку встревожился. Но его ждало и гораздо худшее, когда они вошли в залу и фея Суссио решительно ему заявила:

— Король Очарователь, вот перед вами принцесса Пеструшка, которой вы обещали быть верным супругом. Она мне крестница, и я желаю, чтобы вы на ней немедленно женились.

— Я! — вскричал он. — Чтобы я женился на этом маленьком чудовище! Вы, наверное, полагаете, что у меня очень покорный нрав, если мне делаете такие предложения. Знайте же, что ничего я ей не обещал, а ежели она говорит иное, так она...

— Остановитесь, — перебила его фея Суссио, — и не будьте столь дерзки, как смеее вы не оказывать мне должного почтения.

— Я готов, — отвечал король, — почитать вас, как надлежит почитать фею, только отдайте мне мою принцессу!

— А разве я не ваша принцесса, вероломный? — воскликнула Пеструшка, показывая кольцо на своей руке. — Кому же вы это кольцо дали в залог своей верности? С кем же вы у маленького окошка говорили, как не со мной?

— Как так! — вскричал он. — Значит, меня обманули и провели? Ну, я не дамся в обман! Ко мне, лягушки мои верные! Немедленно прочь отсюда!

— Не в вашей это власти, коли я на то не соглашусь, — заявила Суссио. Она притронулась к нему, и ноги его пристали к паркету, точно их гвоздями приколотили.

— Хоть вы меня камнями побейте, хоть вы с меня шкуру сдерите, — воскликнул тогда король, — но ничьим я никогда не буду, кроме Флорины! Решение мое твердо, а там как хотите пользуйтесь вашим могуществом.

Суссио обращалась к нему и с нежностью, и с угрозами, и с посулами, и с мольбами. Пеструшка плакала, кричала, стонала, сердилась, унижалась. Но король ни слова не говорил и, взирая на них с величайшим негодованием, ничего на их речи не ответил.

Так прошло двадцать дней и двадцать ночей, и все это время они все говорили да говорили, не евши, не спавши, не присевши. Наконец Суссио, вконец измучившись, сказала королю:

— Вижу я, что вы упрямец, который не хочет внять голосу разума. Ну, выбирайте: или вы семь лет будете каяться в том, что нарушили данное вами слово, или женитесь на моей крестнице.

Король, продолжавший хранить глубокое молчание, тут внезапно воскликнул:

— Делайте со мной что хотите, лишь бы я был от этой нюни избавлен!

— Сами вы нюня! — отвечала ему разъяренная Пеструшка. — Забавно на вас смотреть, королек лягушачий, приехавший к нам лишь затем, чтобы меня разобидеть и слово свое нарушить. Да будь у вас чести на четыре гроша, разве вы так поступили бы?

— Вот уж поистине трогательные укоризны я слышу! — ответил ей король, насмехаясь. — Видно, ошибся я, что не взял в жены такое сокровище!

— Нет, нет, нет! — вскричала тут Суссио в ярости. — Не бывать ей твоей женой. А теперь лети в окошко, ежели хочешь, потому что быть тебе семь лет Голубой Птицей.

В то же мгновение облик короля стал изменяться. Руки его покрылись перьями и превратились в крылья, ноги стали черными да тоненькими, и на них крючковатые когти выросли, тело уменьшилось, весь он покрылся длинными, тонкими перьями, отливающими небесной лазурью; глаза округлились и заблестали, словно солнце; нос его стал клювом цвета слоновой кости; на голове поднялся белый хохолок в виде короны. И стал он птицей, которая восхитительно пела, но могла и говорить. Увидев свое превращение, он испустил жалобный крик, вспорхнул да и вылетел в окно, покидая мрачный дворец Суссио.

В глубокой тоске стал он перелетать с ветки на ветку, выбирая только деревья, посвященные или любви, или печали, — то мирты, то кипарисы. И петь жалобные песни, оплакивая горькую судьбу свою и Флорины.

«Куда-то враги, — думает он, — могли ее запрятать? Что случилось с прекрасной их жертвой? Не погубила ли ее жестокость королевы? Где искать мне ее? Неужели осужден я семь лет без нее томиться? Может быть, ее за это время выдадут замуж, и я навек потеряю надежду, которой жизнь моя держится».

И так все эти мысли огорчали короля Голубую Птицу, что готов он был умереть.

А фея Суссио в это время отослала Пеструшку к королеве, которая очень беспокоилась тем, как свадьба прошла. Но когда увидела она свою дочку и та ей все рассказала, королева пришла в ужасную ярость, которая вновь обратилась на бедную Флорину.

— Ну уж, — сказала королева, — не раз ей придется раскаяться, что понравилась она королю Очарователю.

Поднялась она в башню вместе с Пеструшкой, которая была разодета в самые дорогие платья. На голове у нее была алмазная корона, и три дочери самых богатых баронов королевства несли шлейф королевской мантии. А на пальце у нее был перстень короля Очарователя, который Флорина, однажды беседуя с ним, заметила на его руке. Очень она была удивлена, увидав Пеструшку в таком пышном наряде.

— Вот моя дочь, — сказала королева, — пришла вам показать свои свадебные подарки. Король Очарователь женится на ней. Любит он ее без ума, и никогда еще я не видала, чтобы человек был так счастлив.

В ту же минуту перед принцессой развернули золотые и серебряные ткани, выложили из больших корзин драгоценности, кружева да ленты. Пеструшка не преминула и королевским кольцом блеснуть, так что Флорина уж не могла сомневаться в своем несчастье. Заплакала она, закричала в отчаянии, чтобы убрали от нее все эти роковые подарки, что отныне будет она носить только черный цвет и что лучше б ей сейчас же умереть. И упала она без памяти, а злая королева, довольная своим успехом, даже помочь ей не позволила. Оставив ее в самом несчастном положении, пошла она к королю-отцу и вероломно ему доложила, что дочь его до такой степени изъясляла им свою нежность, что, наверное, помешалась, а потому никак нельзя выпускать ее из башни. Король на это ответил, что она может поступать, как ей заблагорассудится, а он всегда ею будет доволен.

Когда принцесса очнулась от своего забытья и стала думать о том, как с ней обращаются и как недостойная мачеха ее мучает, и о том, что теперь она навек потеряла

надежду соединиться с королем, она до того загрустила, что всю ночь напролет проплакала. Подошла она к окошку и стала тихо и трогательно жаловаться на свою судьбу. Когда рассвело, она затворила окно и продолжала плакать.

На следующую ночь опять она отворила окошко, испуская глубокие вздохи и стенания. Слезы потоком лились из очей; настал день, и опять спряталась она в своей комнате. Между тем король Очарователь, или, вернее сказать, король Голубая Птица, все вокруг дворца порхал, думая хоть издали увидеть дорогую свою принцессу. И если она горевала, то и он не меньше. Подлетал он к окнам как только мог поближе, чтобы в комнаты заглянуть, но, боясь, как бы Пеструшка не заметила и не узнала его, делал это с большой опаской.

— Тут ведь дело идет о моей жизни, — говорил он себе. — Если эти злодейки узнают, где я нахожусь, они будут мне мстить. И либо мне улететь отсюда придется, либо буду подвергаться крайней опасности.

По этим причинам был он очень осторожен и решался петь только по ночам.

Напротив окна Флорины рос высокий-высокий кипарис. И вот король Голубая Птица однажды взлетел на него. И только что сел он на ветку, как вдруг слышит: кто-то жалобным голосом на судьбу свою плачется.

— Долго ли мне еще мучиться? — говорил нежный голос. — Неужто смерть не придет мне на помощь? Вот ведь кто ее боится, к тем раньше времени она приходит, а я и зову ее, да она, злая, меня избегает. Ах, чудовище ты, королева, что я тебе сделала, что ты меня держишь в этой ужасной тюрьме? Разве нет у тебя других мест, чтобы меня мучить? Уж лучше бы ты заставила меня смотреть на то счастье, которым твоя недостойная дочь наслаждается с королем Очарователем!

Голубая Птица ни слова из этих жалоб не проронил и очень им удивился. С крайним нетерпением дожидаясь он дня, чтобы взглянуть на горящую пленницу, но не успело еще рассвети, как она затворила окно и ушла.

Любопытный король-птица прилетел и на другую ночь, а ночь была ясная, лунная, — увидел он девушку в башенном окне и снова услышал ее жалобы.

— Судьба твоя, — говорила она, ты льстила меня королевской короной, ласкала отчей любовью, так что же я тебе сделала, что ты послала мне такое горе? Неужели я в нежном моем возрасте уже должна испытать твое

непостоянство? Приди ко мне, о смерть, заклинаю тебя всем чем могу, положи конец роковой моей жизни.

Голубая Птица слушал все это и, чем дальше слушал, тем все больше уверялся, что это плачет его дорогая принцесса. И сказал он ей:

— Обожаемая моя Флорина, чудо наших дней, зачем вы так скоро желаете окончить дни свои? Беды ваши ведь вовсе не безнадежны.

— Кто э т о , — вскричала о н а , — говорит со мной так утешительно?

— Несчастный к о р о л ь , — отвечает П т и ц а , — который любит вас и никогда никого, кроме вас, любить не будет.

— Любит меня? — повторила о н а . — Наверное, это новые козни моих врагов, но что же они выиграют этим? Если они хотят узнать мои чувства, то я их не скрываю.

— Нет, королева м о я , — отвечал король-птица, — с вами говорит тот, кто любит вас и неспособен вас предать.

И с этими словами вспорхнул он на окно. Флорина сперва было испугалась необыкновенной птицы, которая так умно по-человечьи говорит, но тоненький соловьиный голосок и красота оперения ее успокоили.

— Неужто довелось мне вновь вас увидеть, принцесса? — воскликнул король-птица. — Неужто дано мне насладиться этим счастьем? Сердце мое готово разорваться от радости. Но, увы, радость эта отравлена вашим заточением и тем ужасным состоянием, на которое злая фея Суссио обрекла меня на семь лет.

— Но кто же вы, очаровательная птичка? — спросила принцесса, лаская его.

— Вы сами назвали мое и м я , — ответил король , — а еще притворяетесь, будто не узнаете меня.

— К а к , — воскликнула о н а , — сам великий король, король Очарователь, и вдруг стал маленькой птичкой, которая у меня в руках?

— Увы, прекрасная Флорина, так оно и е с т ь , — ответил король , — и если что меня и может утешить, так только то одно, что я это несчастье предпочел отказу от вашей любви.

— От любви моей? — сказала Ф л о р и н а . — Ах, не пытайтесь обмануть меня! Я знаю, я знаю, что вы на Пеструшке женились: я узнала ваше кольцо на ее руке и всю ее видела, сверкающую алмазами, которые вы ей надарили. Она пришла оскорбить меня в горькую мою темницу, украшенная богатой короной и королевской мантией, которые она получила из ваших рук, а я-то украшена была цепями да оковами!

— Как? — спросил король. — Вы ее видели в таком наряде? И они с матерью решились сказать, что это мои подарки? О небо, слышать такую ужасную ложь и не быть в состоянии отомстить за нее в тот же миг! Знайте же, что они хотели меня обмануть и, пользуясь вашим именем, заставили похитить ужасную Пеструшку. Но как только я увидел свою ошибку, тотчас же покинул обманщицу и решил лучше семь долгих лет быть Голубой Птицей, нежели поступиться верностью, в которой я вам поклялся.

И так трогательно было слушать Флорине своего милого возлюбленного, что она даже о несчастной своей темнице позабыла. И что она только ему не говорила, чтобы его утешить в печальной его участи, чтобы уверить его, что и она не меньше бы для него сделала, чем он для нее сделал! Занимался день, и уж многие из королевской стражи пробудились, а Голубая Птица и принцесса все еще говорили друг с другом. С великим трудом они разлучились, условившись, что каждую ночь будут так встречаться. Радость найти друг друга была так велика, что нет слов ее описать. Каждый со своей стороны благодарил за это любовь и судьбу. И в то же время Флорина беспокоилась о Голубой Птице.

— Кто охранит его от охотников, — говорила она, — да от острых орлиных когтей или от какого-нибудь проголодавшегося коршуна? А ведь тот его съест с таким аппетитом, что даже и не заподозрит, какого он великого короля кушает. О небо! Что будет со мной, если его тонкие легкие перышки ветер занесет ко мне в комнату, возвещая о несчастье, которого я так боюсь?

Эта мысль не позволила бедной принцессе и глаз сомкнуть, потому что в любовном ослеплении воображение кажется действительностью и то, что в другое время немыслимо, представляется легко возможным. Так проплакала она целый день, пока не настал час подойти к окошку.

Очаровательный король-птица, спрятавшись в дупле дерева, целый день думал о своей принцессе.

— Как я рад, — говорил он, — что нашел ее! Как она привлекательна, как живо ощущаю я ту доброту, которую она мне изъясляет.

Этот нежный любовник с величайшим нетерпением переносил наказание, не позволявшее ему жениться и никогда еще никто так страстно не мечтал об окончании срока. Ему так хотелось оказать Флорине всевозможные любезности, что полетел он в столицу своего королевства, к своему двору, впорхнул в свой кабинет через разбитое

стекло и достал из сокровищницы алмазные подвески для ушей, такие красивые и такой превосходной работы, что подобных еще на свете не было. В тот же вечер принес он их Флорине и просил надеть.

— Я согласна была бы надеть их, если бы вы видели меня д н е м , — отвечала о н а , — но так как я только ночью беседую с вами, то не стану их надевать.

Король-птица пообещал ей распорядиться так своим временем, чтобы являться перед ней в тот час, когда она пожелает. Она сейчас же надела подвески, и ночь прошла в приятных разговорах, как и предшествующая.

На другой день Голубая Птица опять полетел в свое королевство, впорхнул в свой кабинет через разбитое окно и унес с собой самые роскошные браслеты, какие когда-либо видели: были они из цельного изумруда, граненного и выточенного посредине, чтобы можно было руку продеть.

— Вы, верно, думаете , — сказала ему принцесса , — что мои чувства к вам нуждаются в поощрении подарками? Плохо вы меня знаете!

— Нет, господам о я , — отвечало н , — не думаю, чтобы безделушки, которые я вам подношу, были необходимы, чтобы мне сохранить вашу нежность, но моя нежность была бы оскорблена, если бы я упустил какую-нибудь возможность оказать мое вам внимание. А когда меня нет с вами, эти маленькие драгоценности напоминают вам обо мне.

Вслед за тем Флорина сказала ему немало любезных слов, а он отвечал ей тысячью таких же любезностей.

На другую ночь влюбленный король-птица не преминул принести своей красавице часики, которые были удивительной величины, ибо были сделаны в жемчуге и притом изящество работы превосходило даже этот драгоценный материал.

— Зачем дарить мне часы? — любезно сказала она е м у . — Когда вас нет со мной, время тянется без конца, а когда мы вместе, оно пролетает как сон, и потому все равно не могу я мерить его точной мерой.

— Увы, принцесса, — воскликнул Голубая Птица , — хоть и держусь я того же мнения, что и вы, но убежден, что вы из деликатности преувеличиваете.

— После того, что вы переносите, — отвечала о н а , — чтобы сохранить мне ваше сердце, я думаю, что нельзя идти далее в дружбе и преданности.

Как только день занимался, король-птица забивался в глубь дупла дерева, чьи плоды служили ему пищей. А ино-

гда он распевал чудесные песни, и голос его восхищал прохожих; они слушали; но никого не видали, а потому все решили, что то поют духи. Это мнение так распространилось, что в тот лес никто не решался входить. Кругом рассказывали тысячи баснословных приключений, которые будто бы там произошли, и этот всеобщий страх служил Голубой Птице верным защитником.

Дня не проходило, чтобы он не дарил чего-нибудь Флорине: то принесет жемчужное ожерелье, то сверкающие перстни тончайшей работы, то алмазные застёжки, то драгоценные печатки, то букетики самоцветных камней, подражавших окраске цветов, то занимательные книжки, то медали; таким образом у нее скопилось множество всяких удивительных сокровищ. Она украшалась ими только на ночь, чтобы понравиться королю, а днем, так как ей некуда было их запереть, заботливо прятала их в свой соломенный тюфячок. Так протекли два года, и Флорина ни разу больше не оплакивала своего заключения, да и как можно было ей плакаться? Она рада была каждую ночь видеть своего возлюбленного, и никогда еще у нее не было столько прелестных вещей. Хотя она ни с кем не видалась, а Голубая Птица днем прятался в дупле дерева, все же у них всегда было тысячу новостей друг для друга, потому что сердца их всегда давали им предмет для беседы.

В то же время злая королева, которая так жестоко держала Флорину в заключении, делала тщетные усилия, чтоб выдать замуж свою Пеструшку. Посылала она послов, чтобы предложить ее в жены всем принцам, каких только знала по имени, но когда послы приезжали, их тотчас же без дальних слов выпроваживали вон.

— Если бы речь шла о принцессе Флорине, — говорили и мы, — мы бы вас с радостью приняли, что же до Пеструшки, то пусть остается навеки девою, никто плакать не станет.

А после доклада послов Пеструшка и ее мать еще больше злобились на ни в чем не повинную принцессу, которую они преследовали.

— Как, — говорили они, — несмотря на то, что она находится в заключении, эта высокомерная особа все-таки становится нам поперек! Как простить ей все гадости, которые она нам наделала! Быть не может, чтобы она не состояла в секретной переписке с заморскими странами, — а уж это одно есть государственное преступление; поймем-ка ее по свежему следу и найдем все возможные способы, чтобы ее уличить.

Мать и дочь совещались так долго, что было уже за полночь, когда они решили подняться на башню и допросить ее. Она в это время стояла у окна, беседуя с Голубой Птицей, украшенная своими драгоценностями, и чудные ее волосы были убраны с такой тщательностью, которая несвойственна удрученным людям. Комната ее и постель были усыпаны цветами, а несколько испанских пастилок, которые она только что сожгла, наполняли комнату чудным ароматом. Королева стала подслушивать у двери, и показалось ей, что там поют арию на два голоса, а у Флорины голос-то был почти небесный. И вот какие нежные слова она услышала:

О, как судьбой огорчены мы,
Как мы страдаем от нее,
За то, что, несмотря на все,
Друг другом нежно мы любимы.
Но что б ни делали враги,
Друг другу будем дороги.

Несколько вздохов заключили их маленький концерт. — Ах, Пеструшка, нас предали! — вскричала королева и, толкнув со всей силы дверь, бросилась в комнату.

Что было делать Флорине в этот миг? Быстро распахнула она окно, чтобы дать время своей королевской птичке улететь, гораздо более занятая его спасением, нежели своим; но у него не хватило решимости оставить ее одну, ибо зоркие его глаза видели опасность, которой подвергалась принцесса. Он видел королеву и Пеструшку и — какой ужас! — был бессилен защитить свою любимицу! А они приближались к ней, как фурии, жаждущие ее растерзать.

— Нам известны ваши коварные замыслы против королевства! — закричала ей королева. — Не думайте, чтобы ваше высокое положение спасло вас от наказания, которое вы заслужили!

— Но с кем же могу я злоумышлять? — возразила принцесса. — Не вы ли моя тюремщица вот уж два года? Кого я видела, кроме тех, кого вы ко мне посылали?

Пока она говорила, королева и ее дочка с несказанным изумлением смотрели на ослепительную красоту ее и на замечательные ее украшения.

— А откуда же у вас, сударыня, — сказала королева, — камни эти, горящие, как солнце? Уж не станете ли вы нас уверять, что у вас в башне копи открылись?

— Я их здесь нашла, — отвечала Флорина, — а больше мне нечего вам сказать.

Королева внимательно на нее посмотрела, стараясь проникнуть в самую глубину ее мыслей.

— Напрасно полагаете вы нас одурачить, — сказала она, — нечего нам рассказывать небылицы. Знайте, принцесса, что нам известно все, что вы делаете с раннего утра и до позднего вечера. А вам все эти драгоценности только затем поднесли, чтобы вы продали за них королевство вашего отца.

— Да уж, в самом деле, это в моей власти — продать его! — отвечала принцесса с презрительной улыбкой. — На какие только козни неспособна несчастная принцесса, которая столько времени томится в оковах!

— А для кого же это, — продолжала королева, — причесались вы столь кокетливо, для кого ваша комната наполнена ароматом, а одеты вы так, что и при дворе вашего батюшки вы так не наряжались?

— Немало ума надо суга, — отвечала принцесса, — что же удивительного, что я уделяю время на то, чтобы одеться. Я столько часов провожу, оплакивая свои несчастья, что нечего меня за это упрекать.

— Так, так, посмотрим, — сказала королева, — не завязала ли эта невинная особа каких-нибудь дел с врагами нашими.

И стала она сама все осматривать да обыскивать. Подошла к тюфячку, встрясла его и нашла там такое количество алмазов, жемчугов, рубинов, изумрудов и топазов, что и придумать не могла, откуда все это взялось. И решила она в укромное место подложить подметные письма и тем погубить принцессу. Улучив время, хотела она сунуть их незаметно в очаг. Но, на счастье, король Голубая Птица сидел как раз над очагом, а глаза у него были такие острые, как у рыси, и разговор он весь слышал.

— Берегись, Флорина, берегись: твой враг собирается предать тебя! — прокричал он.

Этот голос, столь неожиданный, так перепугал королеву, что она не посмела исполнить задуманное.

— Видите, сударыня, — сказала принцесса, — воздушные духи мне покровительствуют.

— Я уверена, — отвечала королева, трясаясь от ярости, — что это демон помогает вам. Но, как бы они ни старались, отец ваш найдет на вас управу.

— Небу да будет угодно, — воскликнула Флорина, — чтобы я боялась только гнева отца моего! Но ваша ненависть, сударыня, гораздо ужасней.

Королева ушла от нее, ошеломленная всем, что она видела и слышала. Стала она совет держать со своими

приближенными, что бы ей предпринять против принцессы. А они на то ей ответили, что ежели принцессу взяли под свое покровительство какая-нибудь фея или какой-нибудь волшебник, то, подвергнув ее новым мучениям, можно сильно их прогневать, а потому лучше постараться открыть ее козни. Королева с тем согласилась и послала ночевать в башню одну юную девицу, которая, прикинувшись невинной, сказала принцессе, как велено было, что она прислана ей для услуг. Но был ли смысл в таком грубом притворстве? Принцесса сразу же поняла, что она приставлена шпионить; горе ее было ужасно.

— Уж не придется мне больше с моим милым королем-птичкой беседовать! — говорила она. — Помогал он мне горе переносить, а я ему горе облегчала, и жили мы нашей нежностью. Что-то он теперь будет делать? Что-то я сама буду делать?

И, думая о том, она пролиwała ручьи слез.

Она теперь не решалась подходить к окну, хоть и слышала, как он кругом порхает; до смерти хотелось ей отворить окно, но она боялась подвергнуть его жизнь опасности. Так целый месяц не появлялась она у окна. Король Голубая Птица был в полном отчаянии. Каким только жалобам он не предавался! Как ему жить без своей принцессы? Никогда еще он так не чувствовал горя от ее отсутствия и от своего превращения. Тщетно искал он средств от того и от другого, — сколько он ни ломал себе голову, так ничего придумать не мог.

Шпионка, которая целый месяц за ней днем и ночью смотрела, глаз не смыкая, так измучилась наконец бессонницей, что однажды уснула глубоким сном. Флорина, заметив это, отворила окошко и сказала:

Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

Так она и сказала, слово в слово. А король-птичка так это внятно услышал, что через миг уже был на окне. Какое счастье они испытали! Сколько новостей надо было им друг другу рассказать! Уверения в нежности и верности возобновлялись тысячу и тысячу раз. Принцесса не могла удержаться от слез, а возлюбленный ее был растроган и утешал ее как только мог. Наконец пришло время расставаться, и, раньше чем тюремщица успела проснуться, распрощались они самым нежным образом. На другой день шпионка снова заснула, а принцесса проворно подошла к окну и сказала, как и в прошлый раз:

Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

Сейчас же птичка прилетела, и ночь прошла, как и первая, без шума и помехи, чем наши влюбленные были очень довольны, надеясь, что надзирательница так полюбила спать, что и впредь ничего другого по ночам делать не станет. В самом деле, и третья ночь прошла так же счастливо, но на четвертую шпионка сквозь сон услышала шум и стала прислушиваться, не подавая вида. Потом пригляделась она хорошенько и увидела в лунном луче, как самая красивая птица на белом свете разговаривает с принцессой, ласкает ее своей маленькой лапкой и тихонечко клювом клюет. Наконец, расслышала она многое из их разговора и тем была очень удивлена, потому что король Голубая Птица говорил, как влюбленный, а прекрасная Флорина с нежностью ему отвечала.

Настал день, они распростились и, словно предчувствуя свои будущие невзгоды, расстались с великой печалью. Вся в слезах бросилась принцесса на постель, а король вернулся к себе в дупло. Тюремщица побежала к королеве и рассказала ей все, что видела и слышала. Королева сейчас же послала за Пеструшкой и своими наперсницами. Долго они рассуждали, и наконец все сошлись на том, что Голубая Птица есть не кто иной, как сам король Очарователь.

— Какое оскорбление! — воскликнула королева а . — Какой позор, Пеструшка ты моя! Дерзкая эта принцесса, которая, я думала, предается скорби, преспокойно себе развлекается приятными разговорами с нашим неблагодарным изменником! Ну, уж и отомщу я им, да так жестоко, что долго о той казни говорить будут.

Пеструшка умоляла ее ни единого часа не терять, и так как она, по ее мнению, еще более в том деле была заинтересована, нежели королева, то умирала от радости, размышляя обо всем, что могло бы наших влюбленных огорчить.

Королева отослала свою шпионку в башню и велела ей не выказывать ни подозрения, ни любопытства, а сделать вид, будто она еще крепче спит, чем обычно. Улеглась та спать спозаранку, захрапела как можно громче, а бедняжка принцесса, отворив окошко, прокричала:

Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

Но тщетно звала она в эту ночь короля-птичку, ибо злая королева велела повесить на кипарис шпаги, ножи, бритвы, кинжалы, и он, взлетев на него и поранив себе

ноги об одно из этих смертоносных оружий, упал на другое и поранил себе крылья. Наконец, весь израненный, кое-как добрался он до своего дерева, оставляя за собой длинный кровавый след.

Где были вы, прекрасная принцесса, что не могли помочь вашему королю-птичке? Но она, наверно, умерла бы с горя, когда увидала бы его в таком плачевном виде. А он не хотел больше о своей жизни заботиться, уверенный, что это сама Флорина с ним так жестоко обошлась.

— Ах, коварная, — восклицал он горестно, — так-то ты платишь за страсть самую чистую и самую нежную, какая когда-либо была? Если ты моей смерти хотела, почему сама мне про то не сказала? Я с радостью принял бы смерть от твоей руки. А я-то к тебе летел с такой любовью, с таким доверием! Страдал я за тебя, и страдал не жалуясь! Как! Ты меня предала самой жестокой из женщин? Она была общим нашим врагом, а ты с ней заключила мир за мое горе. Это ты, Флорина, ты меня изъязвила кинжалами. Руку позаимствовала ты у Пеструшки и направила в мою грудь!

Мрачные эти мысли привели его в такое отчаяние, что он решил умереть.

Но его друг чародей, увидев, что крылатые лягушки к нему вернулись, а король и глаз не кажет, так тем огорчился, что восемь раз всю землю кругом облетел, но найти его не мог. Облетал он теперь землю в девятый раз и пролетал как раз тем лесом, где скрывался король. Следуя правилам, о которых они с ним уговорились, он затрубил протяжно в свой рог, а потом прокричал пять раз подряд что есть силы:

— Король Очарователь, король Очарователь, где вы? Король узнал голос своего лучшего друга.

— Приблизьтесь, — сказал он, — к этому дереву и посмотрите на несчастного короля, вашего любимца, который утопает в своей крови.

Вне себя от удивления, чародей смотрит во все стороны и ничего не замечает.

— Я — Голубая Птица, — сказал тогда король слабым, умирающим голосом.

При этих словах волшебник без труда отыскал его в его маленьком гнездышке. Другой на его месте очень бы удивился, но ему были хорошо известны все тайны некромантии. Стоило ему произнести несколько слов, и кровь, сочившаяся еще из ран, сразу остановилась. Потом сорвал он некоторые травы, которые нашел тут же в лесу,

пошептал над ними свою тарабарщину и тотчас короля так исцелил, как будто тот и ввек ранен не был.

Тогда чародей попросил его рассказать, как это он стал птицей и кто его так жестоко изранил. Король удовлетворил его любопытство и рассказал ему, что это Флорина выдала тайну любовных его посещений и, желая помириться с королевой, согласилась увешать кипарис кинжалами да бритвами, которыми и был он почти что искромсан; тысячу раз обвинял он в неверности свою принцессу, говоря, что уж лучше было бы ему раньше умереть, не узнав ее злого сердца. С гневом стал чародей говорить о ней да и о всех женщинах и посоветовал королю забыть ее.

— Какое было бы несчастье, — сказал он, — если бы вам пришлось и далее любить эту неблагодарную! После того, что она вам сделала, всего можно от нее опасаться.

Король Голубая Птица не мог с ним согласиться: он все еще слишком любил Флорину; и тогда волшебник, поняв его чувства, как тот ни пытался их скрыть, сказал ему нежно:

Зачем без толку утешать?
Когда страданье нас тревожит,
Другого нам нельзя понять,
Одна печаль нам сердце гложет.
Пусть время тихо пролетит
В своем целительном теченье.
А без него и утешенье
Нас только хуже раздражит.

Король-птица согласился с ним и попросил своего друга отнести его к себе и посадить в клетку, где бы ему не грозила лапа кота или иные смертоносные орудия.

— Ну, — сказал ему чародей, — неужели вы еще пять лет будете оставаться в таком плачевном положении, столь неподходящем для ваших дел и вашего королевского достоинства? Потому что ведь в конце концов есть у вас и враги, которые утверждают, будто вы умерли; они хотят поработить ваше королевство, и, боюсь, как бы вам не потерять его раньше, чем к вам вернется прежний ваш образ.

— А нельзя ли мне, — спросил тот, — отправиться в свой дворец и там, как прежде, управлять своим королевством?

— О, — воскликнул его друг, — трудно это! Тот, кто готов подчиняться человеку, станет ли слушать попугая? Боялись они вас, когда вы были королем, окруженным

величием и блеском, а увидя вас маленькой птичкой, они у вас все перья повыдерут.

— Ах, люди, люди! Как они слабы. Как они склонны к пышности внешней! — воскликнул король. — Ничего для вас не значат ни заслуги, ни добродетель! Ну что ж, — продолжал он, — будем мудрецами и станем презирать то, чего не можем получить, — наша участь еще не самая худшая.

— Ну, я так скоро не сдамся, — ответил волшебник, — надеюсь, я еще найду хороший выход.

А Флорина, бедная Флорина, огорченная тем, что не видит больше своего короля, дни и ночи проводила у окна и все повторяла:

Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

И даже присутствие шпионки ее не стесняло: так она была удручена, что ни о чем уже не думала.

— Что случилось с вами, король Очарователь? — восклицала она. — Неужели общие враги наши вновь заставили вас почувствовать ужасные последствия их злобы? Неужели пали вы жертвой их ярости? Увы, увy, неужели нет вас больше? Неужто мне вас больше не видать? Или, утомившись моими несчастиями, покинули вы меня на невзгоды моей судьбы?

Сколько слез, сколько рыданий сопровождали ее нежные жалобы! Как долго текли часы в отсутствие любезного и дорогого ее возлюбленного! Принцесса, сраженная, больная, похудевшая, изменившаяся, через силу себя поддерживала; она была уверена, что с ним случилось что-то ужасное.

А королева и Пеструшка ликовали. Так сладка показалась им месть, что даже и обида не так уж была им тяжела. Да и в конце концов о какой обиде шла речь? Только и было того, что король Очарователь не захотел на маленьком чудовище жениться, ненавидеть которое он имел тысячи причин. А в это время отец Флорины, который был уже стар, захворал да и умер. И судьба злой королевы и дочери ее сразу переменилась, пошли разговоры, что они только у короля в чести были да и той честью немало злоупотребляли. Взбунтовался народ, бросился ко дворцу и стал требовать принцессу Флорину, называя ее единственной государыней. Разъяренная королева думала высокомерием уладить дело, вышла на балкон и стала бунтовщикам грозить. Ну, тут уж все взбунтовались,

бросились ко дворцу, выломали двери, разгромили ее покои, а самое королеву побили камнями. Пеструшка спаслась к своей крестной, фее Суссио: дабы избежать судьбы своей матери.

Собрались тут вельможи королевства и поднялись в башню, где принцесса лежала тяжело больная. Не знала она ни о смерти отца, ни о казни врага своего. Услышав такой великий шум, она решила, что то идут за ней вести ее на смерть. И она не испугалась, потому что жизнь стала ей ненавистна с тех пор, как потеряла она Голубую Птицу. Но подданные бросились к ее ногам и рассказали о переменах в ее судьбе, а она даже и не обрадовалась. Принесли ее во дворец и короновали.

Все так заботились о ее здоровье и так ей не терпелось идти на поиски Голубой Птицы, что она стала поправляться и скоро у нее уже достало сил, чтобы назначить Совет, который бы управлял королевством в ее отсутствие. А затем взяла она с собой на тысячу миллионов драгоценных камней да и ушла ночью совсем одна, и никто и не знал, куда она отправилась.

Волшебник, который принимал участие в делах короля Очарователя, не имея достаточно власти разрушить злые чары феи Суссио, решил отправиться к ней и предложить ей некоторые условия, на которых она согласилась бы вернуть королю его прежний образ. Запряг он своих крылатых лягушек и прилетел к фее, которая как раз беседовала с Пеструшкой. От волшебника до феи рукой подать; они знавали друг друга уже лет пятьсот, не то шестьсот, и за это время и ссорились и мирились. Она его приняла очень любезно.

— Чего угодно куманьку дорогому? — спросила она его (все они друг друга так называют). — Могу ли чем-нибудь быть полезна ему?

— Да, кумушка, — отвечал волшебник, — чтобы доставить мне удовольствие, все в вашей власти; дело идет о лучшем друге моем, о короле, которого вы сделали несчастным.

— А, а! Понимаю я вас, куманек, — воскликнула Суссио, — очень мне неприятно, но нечего ему на мою милость надеяться, коли не хочет он на моей крестнице жениться. Вот она перед вами, хороша и прекрасна; пусть он подумает.

Волшебник чуть не онемел, так гадка ему показалась Пеструшка, а все же не хотелось ему уезжать, ни о чем с феей не договорившись, потому что уж очень большим опасностям подвергался король, сидя в клетке. Однажды

сломался гвоздь, на котором клетка висела, клетка упала, и его пернатое величество от этого падения жестоко пострадало; кот Мине, который случился в комнате в это время, подбежал и так его по глазу когтями царапнул, что думал король кривым остаться. Другой раз забыли ему воды налить, и заработал бы он себе как раз типун на язык, коли наконец не перепало бы ему нескольких капелек воды. Обезьянка волшебника, маленький разбойник, ускользнув на волю, изловила его за перья сквозь прутья клетки, а после того у него столько перьев осталось, что и на сойку или дрозда не хватило бы. Но самое худшее заключалось в том, что мог он скоро свое королевство потерять, потому что наследники его все новые да новые плутни затевали, дабы доказать, что он умер. Наконец волшебник договорился со своей кумой Суссио на том, что она привезет Пеструшку во дворец короля Очарователя, пусть она поживет там месяц-другой, покуда он не примет решения жениться на ней, и тогда фея вернет ему человеческий образ, но при условии, что ежели он не женится, так опять станет птицей.

Подарила фея Пеструшке чудные одежды, все золотые да серебряные, посадила ее позади себя верхом на дракона, и понеслись они в королевство короля Очарователя, который прибыл со своим верным другом чародеем. Три раза тронула она птицу волшебной палочкой, и в тот же миг король стал таким, каким был раньше: красивым, любезным, остроумным и великолепным. Дорого он заплатил за то, чтобы свое испытание сократить, и от одной мысли, что придется ему жениться на Пеструшке, весь он дрожал. Как ни уговаривал его умными речами волшебник, не столько он о делах своего королевства думал, сколько о том, как бы тот срок оттянуть, в какой ему Суссио приказала на Пеструшке жениться.

А тем временем королева Флорина в крестьянской одежде, прикрывая лицо растрепанными волосами, в соломенной шляпе на голове да с холщовой сумой за спиною пустилась в путь; то пешком, то на лошади, то морем, то сушей спешила она все вперед. Однако, не зная, куда ей направиться, она все время боялась, что идет не в ту сторону, где находится любезный ее король. Однажды остановилась она около ручья, где вода серебрилась на маленьких камушках, и ей захотелось помыть себе ноги. Уселась она на лужке, подвязала лентой белокурые свои волосы и опустила ноги в воду; и похожа она была на богиню Диану, купающуюся после охоты. В то время проходила мимо маленькая старушка, вся сгорбленная и

опирающаяся на толстую клюку; остановилась старушка и говорит ей:

— Что это вы делаете, красавица? Да неужели вы совсем одна?

— Ах, бабушка, — ответила ей королева, — в немалой я компании путешествую, потому что со мной мои огорчения, заботы да неудовольствия.

При этих словах слезы потекли из ее глаз.

— Как, — сказала ей добрая старушка, — такая вы молодая, и плачете! Э, дочка, не огорчайтесь. Скажите мне все, как есть, и надеюсь, что смогу вам помочь.

Королева охотно рассказала ей о своих бедах, о соучастии феи Суссио в этом деле и о том, наконец, что она Голубую Птицу ищет.

Тут старушка выпрямилась, прибралась, в один миг лицо ее переменилось, и явилась она красивой, молодой, великолепно одетой и, приветливо улыбнувшись королеве, сказала:

— Несравненная Флорина, узнайте, что король, которого вы ищете, уже больше не птица. Сестра моя Суссио вернула ему прежний образ, и он ныне в своем королевстве; не огорчайтесь, ступайте туда и вы достигнете цели ваших желаний. Вот вам четыре яйца; разбейте их, когда будете вы в великой нужде, и тогда вы получите помощь.

С этими словами она исчезла. Флорина была очень утешена тем, что услышала, положила яйца в суму и направила шаги свои в королевство короля Очарователя.

Восемь дней и восемь ночей шла она не останавливаясь и пришла к подножию горы, невероятно высокой; вся она была из слоновой кости и до того крута, что невозможно было ступить на нее, не упав. Королева без конца пыталась влезть на гору, скользила да уставала и, наконец, отчаявшись преодолеть такое препятствие, легла она у подошвы горы и готовилась уже умереть, как вдруг вспомнила про те яйца, которые ей дала фея. Взяла она одно яйцо и сказала:

— А ну-ка, посмотрим, не посмеялась ли она надо мной, добрую помощь мне посулив.

Разбила она яйцо, а в нем, глядь, золотые подковки лежат. Надела она их на ноги да на руки и пошла по горе из слоновой кости безо всякого труда, потому что шипы от подковок впивались в гору и не давали скользить. Дошла она наконец до самой вершины, взглянула вниз — новое горе: сойти нельзя. Весь склон той горы — сплошное хрустальное зеркало, которое было добрых две мили в ширину да шесть в вышину. В него смотрелись шестьсот

тысяч дам, и всякая в том зеркале такой себя видела, какой хотела. Рыжая отражалась там белокурой, темно-русая становилась черноволосой, старуха казалась молоденькой, а молодая так вовсе не старела; словом, так хорошо скрывало то зеркало все недостатки, что сходились к нему люди со всех четырех концов света. Было от чего со смеху помереть, как поглядишь на все жеманства да гримасы этих кокеток. Это обстоятельство привлекало туда немало и мужчин, зеркало и им нравилось. Одних оно показывало с чудными кудрями, других и выше и стройнее станом, и вид придавало воинственный, и лицо озаряло красотой. Они смеялись над женщинами, а те, в свою очередь, смеялись над ними, а потому ту гору прозвали тысячью разных имен. Никому, однако, не удалось взойти на ее вершину, и когда увидали они Флорину, то все дамы отчаянно стали кричать:

— Куда эта безумная идет? Ишь, какая ловкая, по зеркалу ходить умеет! Разобьет она нам наше зеркало!

И шум они подняли ужасный.

Смотрит королева и не знает, как ей быть, видит, что опасно по зеркалу спускаться. Разбила она еще одно яйцо, и вышли оттуда два голубя, запряженные в маленькую колесницу. И тут же на глазах она настолько увеличилась, что королева удобно уселась в ней, и свезли ее голуби тихонько вниз безо всякого беспокойства. Она им и говорит:

— Друзья мои, доведите уж меня до самого двора короля Очарователя. Будьте уверены в великой моей благодарности.

А голуби те, вежливые и послушные, не останавливались ни днем, ни ночью, пока не прибыли к городским воротам. Сошла Флорина с колесницы и сладко поцеловала каждого, а поцелуи ее были дороже короны.

И как же у нее билось сердце, когда она вступала в город! Запачкала она себе лицо, чтобы никто ее не узнал. И стала спрашивать она у прохожих, как бы ей короля повидать. Засмеялись ей в ответ:

— Короля повидать? — говорят. — Ишь, чего захотела, Милка-Замарашка! Поди-ка, поди-ка умойся, не такие у тебя глаза, чтоб на великого короля ими смотреть!

Ничего им королева не ответила, пошла тихо дальше и начала других спрашивать, где бы ей короля увидеть.

— Завтра, — отвечают ей, — придет он во храм с принцессой Пеструшкой, потому что он наконец согласился на ней жениться.

Небо! Вот какие новости она узнала! Пеструшка, недостойная Пеструшка выйдет замуж за короля! Флорина готова была умереть от горя: силы ее оставили, ни говорить она не могла, ни шагу ступить, и уселась она на камни у чьей-то двери, скрыв лицо волосами и соломенной своей шляпой.

— Ах, я, несчастная! — говорила она. — И пришла-то я сюда, только чтобы увеличить торжество моей соперницы и быть свидетельницей ее радости! Вот почему король Голубая Птица перестал прилетать ко мне! Из-за этого маленького чудовища оказал он мне самую жестокую неверность, когда я в горестях непомерных старалась о спасении его жизни! Бросил меня изменник, забыл обо мне, словно и не видел меня никогда. Предоставил он мне в разлуке с ним печалиться, а самому и заботы мало о разлуке со мной.

Когда нас удручает такое горе, так и аппетита нет; поискала королева, где бы ей устроиться, и улеглась, не поужинав. С первыми лучами солнца она поднялась и побежала в храм. Долго ее туда стража и солдаты не пускали, и немало она их окриков наслушалась. Вошла она и видит два трона — короля и Пеструшки, которую уже королевой считали. Каково было смотреть на это нежной Флорине! Подошла она к трону своей разлучницы и стала рядом, прислонившись к мраморной колонне. Первым явился король, красивее и любезнее, чем когда-либо. Вслед за ним появилась Пеструшка, богато разодетая, но до того безобразная, что смотреть было страшно. Поглядела она на королеву, наморщив брови.

— Кто ты такая, — спросила она ее, — что осмеливаешься приближаться к моей великолепной особе и к моему золотому трону?

— А зовут меня Милка-Замарашка, — та ей отвечает, — и пришла я издалека всякие редкости продавать.

Пошарила она в своей холщовой суме и вынимает оттуда изумрудные браслеты, которые ей король Очарователь подарил.

— О-го-го! — сказала Пеструшка. — Важные стекляшки, хочешь за них пять золотых?

— Покажите-ка их, госпожа моя, знатокам, — отвечала королева, — тогда мы и сторгуемся.

Пеструшка, которая так в короля была влюблена, как только такая жаба влюбиться может, рада была всякому случаю с ним поговорить. Подошла она к его трону и показала ему браслеты, прося высказать свое мнение. Поглядел он на них и вспомнил о тех, что Флорине дарил;

побледнел он, вздохнул и долго молчал; наконец, боясь, как бы не заметили его смущения, поборол он себя и ответил:

— Этим браслетам, я полагаю, такая цена, как всему моему королевству. Думал я, что одна такая пара на свете есть, а вот, оказывается, нашлись и схожие.

Вернулась Пеструшка на свой трон, и так она на нем была хороша, будто устрица из ракушки выглядывает. И спросила она королеву, сколько та без запроса хочет за те браслеты.

— Трудно вам будет, госпожа моя, — отвечала ей королева, — заплатить за мои браслеты; лучше другой я вам торг предложу. Коли вы мне позволите одну ночь в Говорящем Кабинете во дворце короля переночевать, отдам я вам мои изумруды.

— Ладно, Милка-Замарашка! — ответила ей Пеструшка, хохоча как полоумная и показывая зубы, длинные, что кабаньи клыки.

А король ни слова не спросил о том, откуда взялись те браслеты, не потому, что он о той не подумал, кто их принес (да и чем могла бы она его любопытство возбудить?), а потому, что не мог побороть он свое отвращение к Пеструшке. А надо сказать, что король, будучи Голубой Птицей, принцессе рассказывал, что под его покоем есть такой кабинет, который называется Говорящим Кабинетом, и так он хитро устроен, что даже если там и шепотом что сказать, то все королю слышно бывает, когда он спит в своей комнате. А так как Флорина хотела его упрекнуть в его неверности, то лучшего способа она и выдумать не могла.

Привели ее по Пеструшкиному приказу в тот кабинет, и начала она жаловаться и горевать.

— Сомневалась я в своем горе, — говорила она, — а вот оправдалось оно, жесток ты, король Голубая Птица! Забыл ты меня и мою разлучницу недостойную любишь! И браслеты, которые я из твоих рук вероломных получила, ничего тебе обо мне не напомнили, так ты от меня отдалился!

И тут рыдания прервали ее слова, а когда силы к ней вернулись, снова начала она плакаться и так до самого утра.

Лакеи дворцовые слышали, как она всю ночь жаловалась и вздыхала, сказали о том Пеструшке, а та у королевы спросила, чего она такой шум подняла. Сказала ей королева в ответ, что спала она крепко, только бывает с ней, что она по ночам кричит и громко бредит. А король,

так тот и вовсе ничего не слышал по роковой случайности: с тех пор как он Флорину полюбил, пропал у него сон, и, чтобы ночью хоть немного отдохнуть, принимал он, ложась в постель, горькие сонные капли.

Весь-то день провела королева в тяжелой заботе.

— Если он меня слышал, — рассуждала она, — неужели он так жестоко ко мне равнодушен? А если не слышал, что ж мне такое придумать, чтобы услышать он мог?

Не было больше у нее никаких необычайных редкостей, и хотя драгоценные камни всегда хороши, но надо было что-нибудь особое найти, чтобы вкус Пеструшки раззадорить, и опять взялась королева за свои волшебные яйца. Разбила она третье — и выехала из него маленькая карета из полированной стали, вся украшенная золотом. Была она запряжена шестью зелеными мышами, на козлах сидел розовый крысенок, а фореитор, тоже крысиного рода, был серо-льняной масти. Внутри кареты помещалось четверо марионеток, только были они гораздо живей и хитрей тех, что показывают на ярмарках в Сен-Жермене и Сен-Лоране. Замечательные штуки они выделявали! Особенно двое маленьких цыганочек так отплясывали сарабанду да пасспье, что не уступили бы Леансу.

Королева была в восторге от этого нового дивного творения некромантии, но не сказала ни слова до вечернего часа, когда Пеструшка отправлялась на прогулку. Тогда королева вышла в аллею и пустила скакать своих мышей, которые везли карету, крысят и марионеток. Так эта штука Пеструшке понравилась, что она раза два-три воскликнула:

— Милка-Замарашка, Милка-Замарашка, хочешь пять золотых за карету да за запряжку мышиную?

— Спросите-ка вы у ученых да у докторов королевства, — сказала Флорина, — сколько такое чудо может стоить, за ту цену я и уступлю.

А Пеструшка, которая не любила себе ни в чем отказывать, заявила ей:

— Говори прямо цену, да не надоедай мне своей грязной особой!

— Еще разок в Говорящем Кабинете переночевать, — отвечала Флорина, — вот все, что я прошу.

— Иди, — сказала Пеструшка, — уж так и быть, дура ты убогая, не откажу я тебе.

А обернувшись к своим дамам, добавила:

— Вот глупая тварь, такие редкости продает ни за что.

Настала ночь. Флорина все высказала, что только могла придумать самого нежного, но опять она зря старалась, как и раньше, потому что король никогда не забывал принимать своих сонных капель. А лакеи дворцовые между собой толковали:

— Конечно, эта крестьянка сумасшедшая; чего она всю ночь рассуждает?

— А что ни говори, — отзывались другие, — не так уж глупо она причитает.

С нетерпением дожидалась она дня, чтобы узнать, слышал ли ее король.

— Глух этот варвар жестокий к моим речам! — говорила она. — Не слышит он больше дорогую свою Флорину! А я по слабости своей все еще люблю его! Да, правда, заслуживаю я его презрение!

Но, сколько она ни рассуждала, не могла себя от любви излечить. Только одно яйцо у нее в суме и оставалось, решила она к нему прибегнуть и расколола его. И тут же из скорлупы появился пирог, украшенный шестью птицами, на славу изжаренными, ломтиками сала обложенными, вообще мастерски изготовленными; притом пели они дивными голосами, судьбу предсказывали и умели лечить от всяких болезней лучше самого Эскулапа. Осталась королева довольна таким чудом, и пошла она в переднюю к Пеструшке со своим говорящим пирогом.

Ждет она, покуда та выйдет, а один из дворцовых лакеев подошел к ней и говорит:

— А знаете ли вы, Милка-Замарашка, что если бы король на ночь не принимал капель сонных, вы бы ему нынче никакого покоя не дали, потому что всю вы ночь так болтаете, что просто сил нет.

Тут Флорина поняла, почему король ее не слышал. Пошарила она у себя в суме и говорит:

— Не боюсь я королевский покой нарушить, и если бы вы ему нынче с вечера тех сонных капель не дали, а я бы в том кабинете спала, эти вот жемчуга и алмазы были бы вашими.

Лакей на то согласился и обещал свое слово сдержать.

Через несколько минут появилась Пеструшка, заметила королеву с ее пирогом, а та притворилась, будто съест его собирается.

— Что ты там делаешь, Милка-Замарашка? — спросила она.

— Госпожа моя, — отвечала Флорина, — собираюсь есть астрологов, музыкантов да лекарей.

В тот же миг птицы принялись петь благозвучней сирен; а потом все сразу закричали:

— Дайте монетку, а мы судьбу вам предскажем!

А одна из уток, которая в середине сидела, громче других прокричала:

— Кач! Кач! Кач! Я—великий врач! Нет меня полезней ото всех болезней, всякую хворость мигом излечу, только от любви лечить я не хочу!

Пеструшка рот разинула от удивления, никогда она еще такого чуда не видала. И начала она восклицать:

— Ну и пирог! Ну и пирог! С места мне не сойти! Хочу, чтоб он был мой! Эй! Эй! Ну-ка, говори скорей, Милка-Замарашка, что тебе за него дать.

— Переночевать бы еще ночку в Говорящем Кабинете, — ответила Флорина, — а больше ничего мне не нужно.

— Ладно уж, — сказала великодушно Пеструшка (обрадовалась она, получив такой удивительный пирог), — так и быть, получишь сверх того целый золотой пистоль.

Флорина, еще более довольная, чем раньше, ибо теперь у нее была надежда, что король ее услышит, поблагодарила и вышла.

Как только настала ночь, провели ее в кабинет. Как пламенно она желала, чтобы дворцовый лакей сдержал свое слово и вместо сонных капель чего-нибудь другого королю налил и сон его разогнал. Подождала она, пока все заснут, и принялась за свои жалобы.

— Скольким я опасностям подвергалась, чтобы найти тебя, — говорила она, — а ты меня избегаешь и на Пеструшке хочешь жениться! Что сделала я тебе, жестокий, что ты все свои клятвы позабыл? Помнишь ли ты о своем превращении, о моей доброте, о наших нежных беседах?

И почти все разговоры их повторила она слово в слово, и память ее доказывала, как дороги они были ей.

А король вовсе не спал и ясно слышал и голос Флорины и каждое слово ее, только понять не мог, откуда идет тот голос. И тут сердце его, исполнившись нежностью, так живо напомнило ему несравненную его принцессу, что с такой же горечью ощутил он разлуку с ней, как в тот миг, когда его ножи на кипарисе изранили. И стал он тоже, вспоминая ее, говорить.

— Ах, принцесса, — говорил он, — как жестоко вы обошлись со своим обожателем! Возможно ли, что вы предали меня нашим общим врагам?

Услыхала Флорина его речь и отвечала ему, что, ежели бы он соизволил выслушать Милку-Замарашку, она

бы ему все те тайны открыла, в которые он до сих пор проникнуть не мог. В тот же миг кликнул нетерпеливый король своего слугу и попросил тотчас же отыскать и привести к нему Милку-Замарашку. А слуга на то ему ответил, что это дело нехитрое, потому что она спит в Говорящем Кабинете.

Король не знал, что и подумать: можно ли поверить, чтобы такая великая королева, как Флорина, замарашкой переделалась? И можно ли поверить, чтобы у Милки-Замарашки был голос королевы и все бы ее тайны она знала, если бы не была она самой королевой? В таком недоумении поднялся король с ложа, оделся поспешно и потайным ходом спустился в Говорящий Кабинет. И хоть королева Пеструшка на ключ его заперла и ключ вынула, но у короля был свой, который все двери во дворце отпирал.

И увидел он свою Флорину в ее легком тафтяном платьице, которое она носила под своими лохмотьями, чудные ее волосы по плечам рассыпались, лежит она на постели, а издали лампа чуть светит. И едва только король вошел и узнал ее, загорелась в нем прежняя любовь, забыл он свои обиды, бросился к ее ногам, оросил ее руки слезами и думал, что умрет от радости и от горя, и от тысячи мыслей, которые пронеслись у него в голове.

Королева не меньше его растрогалась, стеснило ей сердце, еле вздохнуть могла. Долго смотрела она безмолвно на короля, а когда набралась сил заговорить, уж не стала его упрекать: так радостно было ей его видеть, что забыла она про все свои жалобы. Наконец они объяснились, оправдались друг перед другом, пробудилась их нежность, и только одно их смущало — мысль о фее Суссио.

Но в этот миг вдруг перед ними появился королевский доброжелатель-волшебник вместе с той знаменитой феей, что дала Флорине четыре яйца. Поздоровавшись с ними, они объявили, что, заключив друг с другом союз на пользу короля с королевой, победили они фею Суссио и теперь уж их свадьбе ничто не помешает.

Легко представить себе радость юных влюбленных. Только день занялся, по всему дворцу объявили эту новость, и все были в восторге видеть Флорину. Узнала о том и Пеструшка, прибежала она к королю — и каково-то было ей увидеть там свою соперницу! И только она рот открыла, чтобы ее изругать, как появились волшебник с феей и тут же превратили ее в пеструю свинью, так что она по-прежнему Пеструшкой осталась и могла сколько

угодно хрюкать, если и не ругаться по-прежнему. Хрюкая, побежала она со всех ног на скотный двор, где все стали над ней хохотать и тем уж совсем довели ее до отчаяния.

А король Очарователь и королева Флорина, освободившись от столь ненавистной им особы, ни о чем больше и не думали, как о своей свадьбе. До чего та свадьба была пышной да веселой, рассказать нельзя. А они неописуемо были счастливы, соединившись после таких долгих испытаний.

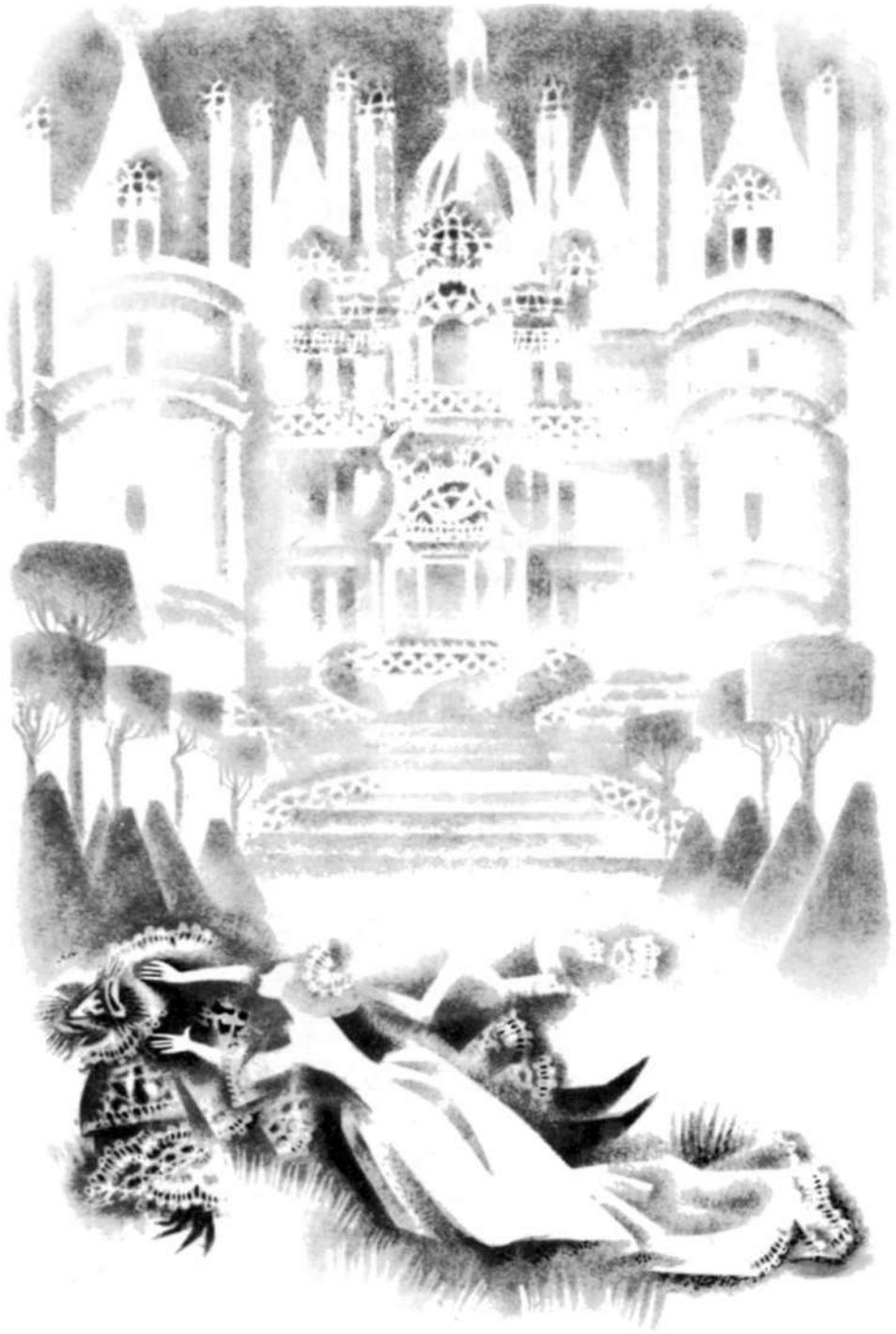

ПРАВОУЧЕНИЕ

*Когда о короле Пеструшка возмечтала,
И хоть не нравилась ему,
Но цепью той она сковать его желала,
Которой не разрезать никому.*

*О, как была она неосторожна
И не подумала о том, что брак такой
Принять за рабство было б можно
Без страсти нежной и живой.
А принц, я думаю, дорогой шел неложной:
Ведь лучше Птицей Голубой летать,
Вороной черной быть иль, наконец, совою,
Чем с нелюбимою женою
Сидеть да ссориться и счастья не видать.
Такими браками наш скучный век обилен,
А ведь куда счастливей был бы он,
Когда бы чародей всесилен
Явился к нам сюда и дал бы свой закон:
Чтоб больше не терпеть нам бракосочетаний,
Что решены деньгой в кармане,
А тот пусть женится, кто истинно влюблен.*

КРАСОТКА И ЧУДОВИЩЕ

Жил-был однажды очень богатый купец. Было у него шестеро детей, трое сыновей и три дочери. Человек он был умный, средств не жалел на их воспитание и приглашал к ним всяких учителей.

Все дочери были красавицами, а уж младшая до того была хороша, что все ею любовались. Когда она еще совсем была маленькой, только и называли ее что Красоточка; это имя за ней так и осталось, и сестры очень ей в этом завидовали. Младшая сестра, которая была красивее других, была и лучше своих сестер и добрее. Старшие

гордились своим богатством, думали про себя, что они важные персоны, и знаться не хотели с другими купеческими дочками. Они все о знатных людях мечтали. Каждый день то на бал поедут, то в театр, то на прогулку; и вечно над младшей смеялись. А она все, бывало, сидит да читает хорошие книжки.

Так как сестры были богаты, то немало к ним сваталось именитых купцов, но старшие отвечали, что уж если пойдут они замуж, то разве за герцога или по крайней мере за графа. А Красотка (которую так и звали) вежливо женихов благодарила, говоря, что она еще молода и ей хочется еще несколько лет пожить с отцом.

Но вот пришла однажды беда: и купец наш потерял все свое добро, остался у него только один домишко, далеко за городом. Заплакал он и говорит детям, что надобно им всем туда отправиться да там и крестьянствовать, а иначе жить нечем. Старшие сестры отвечали ему, что не желают из города уезжать и что есть здесь у них люди, которые почтут за счастье и без приданого их взять себе в жены. Только умницы эти ошиблись: их друзья и глядеть на них не захотели, когда они обеднели. Никто их не любил за их гордость и так о них говорили:

— И жалеть их не стоит, вот гордость их и наказана; так им и надо, пусть-ка теперь разыгрывают важных барынь, пася о в е ц . — И в то же время говорили:

— А вот Красотку жалко, какое с ней горе приключилось! Уж такая она была добрая! Так она с бедными людьми ласково разговаривала! Такая была простая и вежливая!

И хоть не было у нее за душой ни гроша, нашлись у нее знатные женихи, но она им отвечала, что не бросит отца в несчастье, а поедет с ним в деревню, чтобы там его утешать и помогать ему в работе.

Грустно было бедной Красотке потерять все свое приданое, но она говорила себе:

— Коли буду я о том плакать, так ведь слезами горю не поможешь, надо уж мне стараться и без богатства быть счастливой.

Когда приехали они в деревню, отец и сыновья стали пахать землю. А Красотка встанет чуть свет, весь дом приберет да и обед готовит на всю семью. Трудно ей сначала приходилось без привычки, но прошло месяца два, стала она покрепче и как ни уставала, а еще поздоровела на работе. Сделает, бывало, все дела и сядет почитать, а то играет на клавесинах или поет себе, вышивая. А сестры ее до смерти скучали; встанут, бывало,

к полудню поближе, пойдут гулять да вспоминать, какие у них были платья красивые да какие знатные друзья.

— Смотрите-ка, — говорили они одна другой, — младшая-то наша такая грубая да глупая, что даже счастлива в своем несчастье.

Добрый купец так не судил, он видел, что Красотке его больше пристало блистать в обществе. Любовался он добрым ее сердцем да терпением, потому что мало было того ее сестрам, что всю работу по дому они на нее свалили, вечно они ее еще ругали и обижали.

Целый год прошел с тех пор, как стали они жить в бедности, и вдруг получает купец письмо. Пишут ему, что пришел корабль из дальних стран и его товары привез. Опять загордились старшие сестры, вздумалось им, что теперь можно будет опять поехать в город, а не скучать в деревне, и, как увидели они, что отец собирается в путь, стали его просить, чтобы он и платьев им привез, и накидок меховых, и шляп красивых, и еще всяких безделок. А Красотка ничего не просила, потому что догадалась, что всей отцовской выручки на подарки старшим сестрам не хватит.

— Что же ты ничего не просишь? — говорит ей отец.

— Если хотите вы мне что-нибудь подарить, — говорит она ему, — привезите мне розу, а то их у нас здесь нет.

Не очень-то Красотке эта роза была нужна, да побоялась она ничего не попросить, а то сестры бы ее со свету сжили, что она, им назло, ничего не просит.

Пустился старик в путь; только когда приехал он на место, стали его сутяги по судам таскать, и вернулся он назад таким же бедняком, как из дому выехал.

Миль тридцать всего ему оставалось до дому, и он уж радовался скорой встрече с детьми, но пришлось ему ехать густым лесом, и он заблудился. Снег пошел не на шутку, вьюга такая разыгралась, что два раза свалила его с лошади. Настала ночь, и думал уж он, что смерть его пришла: либо с голоду и холоду помирать, либо волки его съедят, а они так и воют в лесу. Поглядел он кругом, да и видит, что далеко-далеко в конце просеки будто большой огонь горит. Пошел он на свет, приходит и видит: стоит громадный дворец, и во всех окнах огни. Поблагодарил купец бога, что спас он его, и пошел скорей ко дворцу. Но каково же было его удивление, когда не встретил он ни души во дворе! Конь, который шел за ним, видит — конюшня отперта, пошел туда, а в яслях нашел себе и сена и овса. Уморился бедный конь, проголодался и с жадностью принялся есть. Привязал его купец в стойле, а сам пошел

к дому. По-прежнему нет никого; идет дальше, входит в высокую залу; огонь горит, кушаний полон стол, и стоит на нем только один прибор, будто одного и ждали.

От дождя да от снега промок он до костей, подошел к огню обсушиться и говорит сам себе:

— Не взыщут с меня хозяин да слуги, если сам я распоряжаюсь; ну, да, верно, скоро кто-нибудь и придет сюда.

Подождал он, подождал; вот уж одиннадцать пробило, а все нет никого. Взял он цыпленка со стола да и съел разом, а самого страх берет. Выпил он тут вина и осмелел, пошел бродить по дому, и что ни комната, то все одна другой лучше. Дошел наконец он до спальни. Было уже за полночь, устал он, притворил дверь, лег и заснул.

Утром проснулся он и видит, что около него лежит чистое платье, а его грязного кафтана и след простыл.

«Ну, — подумало н, — верно, это дворец какой-нибудь доброй феи, которая меня пожалела».

Выглянул он в окошко — снега как не бывало, цветы цветут, смотреть радостно.

Пошел он опять в большую залу, где вчера поужинал, видит, стоит маленький столик, а на нем шоколад.

— Покорно вас благодарю, добрая фея, — сказал он тогда во весь голос, — за ваше угощение.

Выпил он шоколад и пошел лошадь посмотреть. Идет он двором, кругом розы цветут; вспомнил он тут свою Красотку да и сорвал с куста веточку. Но только он это сделал, как вдруг раздался великий шум, и появилось перед ним Чудовище, до того страшное, что он едва не лишился чувств.

— Ах ты, неблагодарный! — закричало на него Чудовище страшным голосом. — Я жизнь тебе спас и в дом свой пустил, а ты у меня розы воруешь, которые мне дороже всего на свете. Ты должен смертью искупить свою вину. Даю тебе четверть часа — молись богу.

Упал купец на колени и взмолился:

— Простите меня, ваша милость, не думал я вас обидеть: дочка меня просила розу ей привезти, вот я и сорвал.

— Какая я «ваша милость», — ответило ему Чудовище, — не люблю я лести; я хочу, чтобы мне правду говорили; лестью ты ничего у меня не добьешься. Но ты говоришь, у тебя есть дочери; ладно, отпущу уж я тебя живого, коли одна из троих дочек по доброй воле сюда

явится умереть за тебя. И не думай больше меня уговаривать, ступай домой; да поклянись, что, если не захотят дочери ехать, ты сам через три месяца вернешься.

Не хотел купец отдавать своих дочерей этому страшному Чудовищу, но рассудил: «Ну, хоть разок еще на детей погляжу».

Поклялся он, что вернется, и Чудовище его отпустило, сказав при этом:

— Не хочу я, чтобы ты ехал с пустыми руками; вернись-ка в спальню, где ты ночевал, возьми там пустой ларец, что хочешь туда положи, а я отошлю его к тебе.

С этими словами Чудовище исчезло, а бедный купец подумал:

«Уж раз суждено мне умереть, я хоть детям на хлеб оставлю».

Вернулся он в спальню, нашел там несметное число золота, набил им пустой ларец, запер его, пошел на конюшню, сел на коня да и поехал со двора, и с какой он радостью сюда приехал, с таким горем назад уезжал. Добрый конь сам нашел дорогу в лесу, и вскоре вернулся купец домой.

Собрались его дети, но не порадовался он им, а поглядел на них и заплакал. В руках у него была роза для Красотки, отдал он ей цветок и сказал:

— Возьми, Красоточка, розу, дорого она мне обойдется. — И рассказал детям, что с ним приключилось.

Тут старшие дочери принялись кричать и бранить Красотку, а она стояла спокойно и не плакала.

— Вот до чего довела ее гордость! — говорили они. — Что ж не попросила она себе нарядов, как мы просили? Нет, отличиться ей захотелось! Бедный отец теперь из-за нее умрет, а она хоть бы слезинку пролила!

— Что ж плакать! — ответила Красотка. — Плакать мне об отце нечего, потому что ему и умирать не надо. Раз Чудовище согласно вместо него дочку взять, поеду я к нему его злобу насытить, и в радость мне будет отца спасти и всю любовь мою ему показать.

— Нет, сестрица, — заговорили три брата, — не умрешь ты; мы пойдем на Чудовище, либо убьем его, либо сами погибнем.

— И не думайте этого, дети мои, — отвечал им отец, — такая сила у этого Чудовища, что и думать нечего с ним сразиться. Сердце мое радуется на мою добрую дочку, да только зачем ей умирать? Я уж старик, жить мне

недолго осталось, несколько годков и не доживу, и жалею-то я их не за себя, а за вас, мои милые.

— Уж поверьте, милый отец, — сказала ему Красотка, — что без меня вам во дворец не ехать, а как вы меня не пустите? И как я ни молода, а не очень-то к жизни привязана — и лучше уж пусть меня Чудовище съест, чем мне без вас умереть с горя.

И что ей ни говорили, она решила отправиться в прекрасный дворец, а сестры ее тем были очень довольны, так как они во всем ей завидовали.

Купец так огорчился, что придется дочь ему потерять, что и забыл совсем о ларце, который он набил золотом, но как только пошел он к себе спать, затворил дверь, смотрит, а ларец-то уж и стоит возле постели. Решил он ничего об этом детям не говорить, потому что дочери опять в город проситься будут и плакаться, что не умирать же им в деревне; только Красотке поверил он свою тайну. А она ему рассказала, что без него к ним знатные женихи приходили и двое за сестер сватались; и просила она отца выдать их замуж, потому что она их любила и прощала им все зло.

Натерли себе злые сестры глаза луком и заплакали, когда Красотка уезжала с отцом, а братья и отец от всего сердца слезы лили, только одна Красотка не плакала, не желая их еще больше огорчать.

Пустился конь по дороге ко дворцу, приехали они к вечеру и видят: горят огни во всех окнах, как и прошлый раз. Пошел конь сам по себе на конюшню, а купец с дочерью вошли во дворец, пришли в большую залу, а там видят пышно убранный стол, а на столе два прибора. Купцу кусок в горло не лез, а Красотка, стараясь казаться спокойной, стала ему прислуживать за столом, а сама думает:

«Верно, Чудовище хочет меня сперва откормить, а потом уж и съесть, что так славно меня угощает».

Только что они поужинали, как вдруг раздался великий шум. Заплакал купец и стал с дочерью прощаться, потому что он понял, что сейчас явится к ним Чудовище. Задрожала Красотка, как взглянула на страшилище, но виду не подала. А Чудовище ее и спрашивает, от доброго ли сердца она к нему приехала. Задрожала она от страха, а все-таки ответила, что от доброго.

— Вижу, что доброе сердце у вас, — ответило Чудовище, — и много я вам обязан. А ты, добрый человек, собирайся завтра спозаранку, да смотри не вздумай сюда возвращаться.

— Прощайте, Чудовище, — сказала Красотка, и Чудовище удалилось.

— Ах, дочка моя дорогая, — сказал купец, обнимая Красотку, — я чуть не умер от страха. Поверь ты мне, оставь меня здесь.

— Нет, батюшка, — ответила она твердостью, — поезжайте завтра утром и оставьте меня в надежде на бога; может быть, он меня услышит.

Легли они спать и думали, что глаз во всю ночь не закроют, но как легли, так тут и заснули. А во сне Красотке явилась красивая дама и сказала ей:

— Судьба тебя благословит, Красотка: сердце у тебя доброе, жизнь ты свою отдала за отца и за это получишь награду.

Проснувшись, Красотка рассказала сон свой отцу, и хоть старик им немного и утешился, а все-таки разрыдался, с ней расставаясь.

Уехал купец, а Красотка пошла в большую залу да и сама заплакала, но потом скрепя сердце поручила себя богу и решила не тосковать в свои последние часы, ибо твердо была уверена, что нынче вечером Чудовище непременно ее сожрет. А покуда решила она прогуляться и осмотреть весь дворец. И залюбовалась она на его красоту, но удивилась немало, когда подошла к одной двери, а на ней видит надпись: «Покои Красотки». Поспешила она эту дверь отворить и ослеплена была великолепием, какое там увидела, а больше всего ее поразило, что было там множество книг, и клавишины, и разные ноты.

— Не хочет Чудовище, чтобы я здесь скучала, — сказала она потихоньку. А потом подумала:

«Если бы он меня к вечеру съесть хотел, к чему бы ему столько добра для меня готовить?» И эта мысль ее успокоила.

Подошла она к книжным полкам, взяла книжку и видит надпись золотыми буквами: «Вы здесь царица и хозяйка; желайте и приказывайте».

— У в ы , — сказала она, вздохнув, — ничего-то я не желаю, только бы мне отца увидеть да узнать, что он сейчас делает.

Не успела она в мыслях эти слова произнести, глядит, около нее зеркало большое, а в нем она видит: приезжает отец домой печальный-печальный, сестры ему вышли навстречу, и как они ни ломались, видно было, как рады они тому, что Красотки уж нет. И вмиг все исчезло опять,

и подумала она, что уж очень любезное ее Чудовище, и, пожалуй, бояться его нечего.

В полдень стол был опять накрыт, и чудная музыка слышалась за обедом, хоть и не было видно ни души.

Вечером же, когда садилась она за стол, опять все кругом зашумело, и опять задрожала она от страха. Явилось Чудовище и говорит:

— Красотка, разрешите взглянуть мне, как вы станете кушать.

— Вы здесь хозяин, — отвечала она ему.

— Нет, — возразило Чудовище, — хозяйка здесь вы: стоит вам вымолвить слово, я вмиг удалюсь... А скажите: очень я гадок кажусь вам?

— Ваша правда, — сказала Красотка, — лгать-то я не умею, но полагаю, что сердце у вас доброе.

— Это верно, — отвечало Чудовище, — и гадока, да и не знаю ничего вдобавок, знаю только, что глупое я чудовище.

— Да разве вы глупое чудовище, — ответила Красотка, — если сами говорите, что ничего не знаете? Дураки, те ведь так не говорят.

— Кушайте, Красотка, — продолжало Чудовище, — да смотрите не скучайте в вашем доме, потому что это все теперь ваше; только тем я и рад, что вы довольны.

— Доброе у вас сердце, — сказала Красотка, — стоит мне об этом подумать, как я уж не помню, что вы такой гадкий на вид.

— Ох, — отвечало Чудовище, — добрый-то, добрый я, да чудовище все-таки.

— Много людей есть на свете, — сказала Красотка, — и похуже вас, уж я лучше вас любить буду такого страшного, чем тех, кто на вид люди как люди, а сердце у них неверное, испорченное, неблагодарное.

— Был бы я поумнее, — отвечало Чудовище, — уж сказал бы я вам доброе словечко, да глуп я уж очень, только и скажу, что очень вам я обязан.

Поужинала Красотка в свое удовольствие. Она уж почти перестала бояться Чудовища, но чуть было от страха не умерла, когда оно вдруг говорит ей:

— Красотка, идите за меня замуж!

Дух у нее захватило, не знает, что отвечать: отказать боится, как бы Чудовище не рассердить; помолчала, помолчала да набралась храбрости:

— Не могу, Чудовище.

Хотело вздохнуть бедное Чудовище, да так засвистало, что весь дворец содрогнулся; но успокоилась скоро Красотка, потому что Чудовище ей сказало печально:

— Прощайте ж, Красотка, — да и пошло вон из комнаты, только несколько раз на нее оглянулось.

Осталась Красотка одна, и сердце у нее сжалось, пожалела она Чудовище.

— Ах, как жаль, — сказала она, — что такое оно свиду гадкое, а зато какое доброе.

Три месяца прожила Красотка в этом дворце в полном покое. Каждый вечер Чудовище приходило и развлекало ее беседой за ужином, только говорить оно не умело складно.

Каждый раз открывала Красотка в своем Чудовище новое доказательство его доброты. Привыкла она к нему и к страшному его виду и уж не боялась его посещения и часто даже на часы смотрела, скоро ли девять часов пробьет, — Чудовище минута в минуту всегда являлось.

Одно было у Красотки горе: каждый раз перед тем, как расстаться, спрашивало Чудовище, пойдет ли она за него замуж, и очень уж огорчалось, когда она ему отвечала, что нет. Однажды Красотка и говорит ему:

— Горько мне вам объяснить, почему никогда не пойду за вас замуж, только я вас жалею и другом вам всегда буду, постарайтесь утешиться этим.

— Что ж, — отвечало Чудовище, — ваша правда; знаю, какое я страшилище, только люблю вас от всего сердца. Хоть тем я счастлив, что вы в моем доме живете, обещайте, что никогда меня не покинете.

Покраснела при этих словах Красотка; видела она в своем зеркале, что отец ее с горя заболел, и хотелось ей его живого повидать.

— Обещаю вам это, — сказала она Чудовищу, — только очень мне хочется отца повидать, а без того я умру от тоски.

— Уж лучше мне умереть, — отвечало Чудовище, — чем горе вам причинить; отправлю я вас к отцу, оставайтесь там, а бедное ваше Чудовище здесь с тоски зачахнет.

— Нет, — сказала Красотка и заплакала, — слишком люблю я вас, чтобы желать вашей смерти; обещаю вам, что

через неделю буду обратно. Видела я в зеркале по вашей милости, что сестры мои замуж вышли, а братья мои на военную службу уехали; остался батюшка один-одинешенек. Поскучайте без меня недельку.

— Завтра утром вы будете у отца, — ответило ей Чудовище, — не забудьте только про ваше обещание; а как захотите вернуться, положите с вечера ваше колечко на стол, и вернетесь ко мне. Прощайте, Красотка.

Опять вздохнуло Чудовище по своему обыкновению, а Красотка легла спать, печалась, что опять она его огорчила.

Проснулась наутро — видит, она у отца своего в доме, а на столике колокольчик стоит. Позвонила она, прибежала служанка да как закричит, ее увидав. Прибежал купец, чуть от радости не умер при виде ее, и упали они друг другу в объятия.

Хотела Красотка встать и думает, что же надеть ей, а служанка говорит, что за дверью сундук стоит и лежат в нем платья, все золотом расшитые да алмазами. Поблагодарила тут Красотка свое Чудовище за заботу, выбрала себе платье попроще, а остальные велела служанке припрятать, чтобы сестрам подарить, но только она эти слова выговорила, как глядь, а сундука-то уж нет. Тут отец ей сказал, что Чудовище все это богатство ей одной предназначило, — и в тот же миг сундук опять появился.

Оделась Красотка, а тем временем сестер известили, и те с мужьями приехали.

Не были счастливы ее сестры. Одна вышла замуж за молодого дворянчика, красивого, как амур; только он целый день собой занимался, а на нее и смотреть не хотел. Другая великого умника в мужья себе выбрала, а он умом своим только чванился и досаждал всему миру, начиная с собственной своей жены.

Едва не умерли сестры от зависти, когда увидели, что одета Красотка, как принцесса, и такая красавица, что дня белого краше. Как она их ни ласкала, ничто не помогло уменьшить их зависть, и еще больше она разгорелась, когда рассказала им про свое счастье.

Пошли завистницы в сад и заплакали там, говоря друг другу:

— Откуда этой карлице такое счастье привалило? Ведь мы ее краше, мы ее любезней!

— Вот что, сестра дорогая, — говорит старшая, — пришло мне на ум. Задержим ее здесь подоль-

ше, куда срок ее минет. Рассердится ее Чудовище глупое, что она свое слово нарушила, да, может быть, ее и сожрет.

— Вы п р а в ы , — отвечает д р у г а я , — мы ее приласкаем да упросим.

На том порешив, вернулись они в дом и так стали Красотку ласкать, что та от радости заплакала. Прошла неделя; стали сестры волосы на себе рвать от великого горя, что она их покидает, и обещала Красотка еще неделю побыть.

Но Красотка очень упрекала себя за то, что пришлось ей бедное и любимое Чудовище обидеть, да и соскучилась она без него. На десятую ночь увидела она сон, будто идет она по саду около дворца, а на траве лежит Чудовище и, умирая с тоски, упрекает ее в неблагодарности. Проснулась тут разом Красотка и залилась слезами.

— Ч то я за з л а я т а к а я , — говорила о н а , — что я так бедное Чудовище обижаю, а оно такое ласковое со мной? Разве оно виновато в том, что такое страшное да глупое? Оно ведь доброе-предоброе, а ведь это лучше всего. Зачем только я за него замуж не пошла? Была бы я за ним счастливее, чем сестры мои за своими мужьями. Красотой да умом жену не порадуешь, а добрым сердцем, привязанностью и ласкою, а Чудовище мое и доброе и ласковое. Нет у меня к нему любви, но есть уважение, дружба и признательность. Не сделаю я его несчастным, а то всю жизнь буду упрекать себя в неблагодарности.

Сказав это, поднялась Красотка с постели, положила колечко на стол и снова улеглась. И только что легла она, как тотчас же заснула. Просыпается утром и с радостью видит, что опять у Чудовища во дворце. Одевалась она получше, чтобы его порадовать, и целый день до смерти без него скучала, дожидаясь, куда вечер придет. Но пришел вечер, пробило девять, а Чудовища нет как нет.

«Умерло мое Чудовище», — подумала Красотка. Весь дворец она обежала, кричала, звала — все напрасно; отчаяние охватило ее. Тут сон ей припомнился, побежала она в сад на пруд, где она его во сне видела. Прибегает туда и видит: лежит бедное Чудовище без памяти, будто и не дышит. Бросилась она к нему, уж не помня того, какое оно страшное, слышит — сердце еще бьется; зачерпнула воды из пруда да и брызнула на него. Очнулось Чудовище, открыло глаза и говорит:

— Забыли вы, Красотка, ваше обещание, и решил я с горя уморить себя голодной смертью, но я умираю счастливый, потому что еще раз на вас посмотрел.

— Нет, дорогое мое Чудовище, — сказала Красотка, — вы не умрете; вы будете жить и станете моим супругом: отдаю я вам руку отныне и буду вашей и только вашей. Думала я, что одну дружбу питаю к вам; ну, а теперь такое меня горе душит, что знаю я, мне без вас не жить.

И только что Красотка произнесла это, как во всем дворце засветились окна, засияли потешные огни, музыка загремела — словом, праздник начался, только Красотка на всю эту красоту и смотреть не стала, а обернулась к своему Чудовищу любезному, вся дрожа за него. И как же она удивилась! Исчезло ее Чудовище, а перед ней стоит на коленях молодой принц, красивой амура, и благодарит ее за то, что она чары с него сняла.

Как ни хорош был этот принц, а все-таки она его спросила, куда же Чудовище девалось. А принц ей и отвечает:

— Чудовище это у ваших ног. Злая фея приговорила меня носить этот образ, покуда красавица за меня замуж не пойдет, и разум мой заговорила. И во всем мире никого не оказалось, кроме вас, кого бы я мог моим добрым сердцем тронуть. А теперь предлагаю я вам мою корону и сказать не могу, насколько я вам обязан.

Обрадовалась Красотка и, протянув руку красавцу принцу, подняла его с колен. Вместе пошли они во дворец. А там Красотка чуть было от радости не умерла, увидав в большой зале и отца своего и всю семью. Потому что та самая красавица, которую она во сне видела, их в один миг перенесла во дворец.

— Красотка, — сказала ей эта могущественная фея, — получите награду за хороший ваш выбор: доброе сердце вы предпочли красоте и уму, и теперь вы найдете все эти качества в одном человеке. Великой вы станете королевой; надеюсь я, что и трон не лишит вас доброго сердца. А вам, сударыни, — обратилась фея к обеим сестрам Красотки, — вот что скажу: вижу я ваши сердца и все ваше коварство. Станете вы двумя изваяниями, но и под камнем сохраните весь разум свой. Будете вы у дворца сестры вашей стоять и будете свидетелями ее счастья — вот и все наказание ваше. И только тогда станете вы опять людьми, когда злобу свою поймете и осудите;

только боюсь, что век вам камнем оставаться. Исправляются сердца гордые, гневные, на лакомство жадные и ленивые, но чудо будет большое, коли исправится сердце злое и завистливое.

Тут фея махнула своей волшебной палочкой и перенесла мигом всех, кто был в зале, в королевство принца. Обрадовались его подданные, женился он на Красотке, и жили они долго душа в душу, потому что были они добрые.

СКАЗКИ ПЕРРО

I

В 1696 году в журнале «Mercure Galant» была напечатана без подписи автора прозаическая сказка «Спящая красавица» («La belle au bois dormant»). В следующем году эта сказка с рядом других была включена в состав сборника «Истории, или Сказки былых времен (Сказки моей матушки Гусыни) с моральными поучениями» («Histoires, ou Contes du Temps Passé (Contes de ma Mère l'Oye) avec des moralités»). Сборник этот вышел одновременно двумя изданиями — в Париже и в Голландии (Гааге), причем в парижском издании автором сборника назван П. Дарманкур — сын известного тогда писателя Шарля Перро. Впоследствии была установлена принадлежность сказок самому Перро*.

Успех сказок Перро был чрезвычайный: появились повторные издания и переводы на иностранные языки, явились продолжатели и подражатели Перро во французской литературе (да и не только во французской), сказки стали модным чтением и проникли в аристократические салоны.

В чем причины этого успеха? Необходимо учесть, с одной стороны, состояние французской литературы в конце XVII века, с

* Вопрос об авторстве Перро разрешался различно. Сам Перро никогда не признавал себя автором этих сказок, и при жизни его в печати ни разу имя его как автора сказок в прозе не называлось. Только в издании 1724 года сказки приписаны Перро, и в течение очень долгого времени считалось, что именно Перро является их автором; в частности, неоднократно указывалось на то, что сыну Перро в период выхода в свет сказок было всего 8—9 лет, и потому совершенно невозможно говорить о нем как об авторе (между прочим, последнее замечание повторяется и в комментарии Больте и Поливки «Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm». Neubearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polivka, Bd. IV, Leipzig, 1930, стр. 263); фактически же Дарманкуру было на 10 лет больше, и авторство его возможно. Обычно полагали, что Перро только прикрылся именем своего сына, чтобы защитить себя от упреков: ему, в то время академику, неприлично было заниматься таким «низким» творчеством, как создание сказок в прозе. Однако, например, Ланг (A. Lang) в своем издании сказок Перро («Perrault's popular tales, Oxford, 1888, стр. XXVIII) считает автором Дарманкура; Марти-Лаво (Marty-Laveaux) в статье «Quelle est la véritable part de Perrault dans ses Contes» в журнале «Revue d'Histoire Littéraire», 1900 г., стр. 221—239, проводит ту мысль, что Перро явился лишь редактором сказок, написанных его сыном. Предположение об авторстве Дарманкура опровергает целым рядом доводов П. Боннефон (P. Bonnefon) в статье «Les dernières années de Charles Perrault) в том же журнале «Revue d'Histoire Littéraire», 1906 г., стр. 606—658. По-видимому, можно считать автором сказок именно Перро, а не его сына.

другой — характер самих сказок Перро сравнительно со сказочным материалом, введившимся в литературу раньше.

Французская литература того времени переживала период классицизма. Еще в XVI веке деятели так называемой «Плеяды» боролись за «классическую» поэзию, в XVII же веке классицизм торжествует свою победу в деятельности Буало, Корнеля, Расина. В теории и в литературной практике устанавливается господство академизма, господство «древних». Литература приобретает торжественный, напыщенный придворный характер.

Но, конечно, ни жизнь, ни литература не были совершенно однотонными. Рядом с господствовавшим классом дворянства поднималась уже довольно могущественная буржуазия, собиравшая силы для грядущей революции. Это проявилось и в классической литературе, например, в творчестве Лафонтена и особенно Мольера, у которых сквозь условные классические формы пробиваются ростки реалистического изображения действительности.

Своеобразным отражением этих тенденций явилась так называемая «борьба (или спор) древних и новых». Главой партии «новых» в этой борьбе был Перро. Сущность спора сводилась к вопросу, должна ли новая литература подчиняться авторитету древних и пользоваться материалом античности или она может брать материал из других источников. Перро выступает горячим сторонником той мысли, что жизнь идет вперед и что вперед должна идти и литература; он настаивает на существовании прогресса и доказывает преимущества современности над древностью. Во втором томе своего четырехтомного труда «Параллель между древними и новыми» («Parallèle des Anciens et des Modernes»), 1688—1697 (II том относится к 1691 году), Перро заявляет, в частности: «Милетские рассказы (сказки) так ребячливы, что слишком много чести противопоставлять их нашим сказкам матушки Гусыни или об Ослиной Коже». Именно в этом плане противопоставления свежего материала старой античности и даются сказки Перро. Перро использует фольклорный материал, придавая ему значение «нового» и современного сравнительно с античной мифологией. Он берет сказки, «простонародные» рассказы, не допуская в «высокую» литературу, и этим «простонародным» рассказам открывает доступ в аристократические салоны.

II

Сам по себе сказочный материал не являлся чем-то абсолютно новым ни для европейской литературы вообще, ни, в частности, для литературы французской. Задолго до Перро средневековая литература, светская и церковная, использовала сказочный (в широком смысле этого слова) материал довольно широко.

Около 1100 года крещеный испанский еврей Петрус Альфонси (Petrus Alfonsi) составил целый сборник «Disciplina clericalis», в который вошло 34 рассказа, в том числе ряд «животных сказок» и анекдотов. В XIII веке большой сборник рассказов разнообразного характера — легенды, нравоучительные рассказы, анекдоты и пр. — всего 420 номеров — составил епископ Жак де Витри (Jacques de Vitry), предназначавший эти рассказы для использования в церковных проповедях. В подобных сборниках обычно лишь передается кратко и схематически основное развитие действия, своего рода сюжетная схема, наполнение и оформление которой предоставляется самому проповеднику.

В других случаях рассказы приводятся полнее и точнее, причем церковники-составители придают этим рассказам моралистическое толкование. Наиболее знаменитым средневековым сборником рассказов являются «Римские деяния» («Gesta Romanorum»); сборник этот возник в начале XIV века и впоследствии многократно переписывался, перепечатывался и переводился на разные языки (в том числе есть белорусский перевод XVII века).

Широкой волной сказочно-повествовательный материал влился в область романов, поэм и новелл. Таковы романы так называемого бретонского цикла (волшебного-рыцарского характера), некоторые из *chansons de geste*, в особенности же так называемые «Lais» (небольшие стихотворные новеллы) Марии Французской (Marie de France, XII век), а также фавль и «Роман о Лисе» во французской литературе, «Novellino» или «Cento novelle antiche» («Сто старинных новелл»), «Декамерон» Боккаччо, новеллы Франко Саккетти (1400), «Pecorone» Сер-Джованни (XIV век), новеллы Серкамби (1347—1424) — в итальянской, «El conde Lucanor» Хуана Мигеля (около 1280—1348), «Libro de los exemplos» и «Libro de los gatos» в испанской, «Кентерберийские рассказы» Чосера и многие рыцарские романы — в английской, рыцарские романы и «Roman van der Vos Reinaerde» («Рейнеке-Лис», около 1250 г.) — в нидерландской, поэмы «Könug Rother», «St. Oswald», «Orendel», далее — «Нибелунги» и «Гудрун», анекдотическая поэма Стрикера «Der Pfaffe Amis» («Поп Амис»), отдельные произведения мастерзингеров и прозаические романы — в немецкой.

III

Однако во всех указанных случаях — а число их можно легко увеличить — сказочный материал отнюдь не берется в своем непосредственном или хотя бы близком к непосредственному виде; это именно *материал*, обращение с которым у авторов весьма свободное: им важна по большей части лишь сюжетная схема, да и с ней далеко не всегда церемонятся. Нередко используются лишь отдельные эпизоды, мотивы и детали, вступающие в совершенно новые комбинации. Сказки, как таковой, мы еще здесь не имеем.

Только с середины XVI века, в особенности же со второй трети XVII, в Италии мы можем говорить о введении в литературу собственно сказок. Мы имеем при этом в виду сборники Страпаролы (Giovan Francesco Straparola) «Приятные ночи» («Le piacevoli notti») 1550—1553 гг. и в особенности Базиле (Giambattista Basile) «Сказка всех сказок» («Lo cunto de li cunti») или «Pentamerone» (так обычно называют этот сборник).

В сборнике Страпаролы 74 рассказа. В построении своего сборника Страпарола явно подражает Боккаччо; в своих рассказах Страпарола отчасти использует материал Боккаччо, Морлини и других итальянских новеллистов, отчасти опирается на устную традицию.

В числе рассказов есть ряд неприличных, причем героями их, как и вообще часто в итальянской новеллистике, выступают представители духовенства, вследствие чего сборник Страпаролы в 1580 и 1590 годах включался в список запрещенных книг, а в позднейших изданиях часть таких антиклерикальных рассказов исключалась. Сборник получил достаточно широкое распространение, и многие позднейшие итальянские новеллисты заимствовали из него свой

материал. В 1560 году первая часть сборника Страпаролы была переведена на французский язык, в 1572 году появился перевод второй части. Сборник Страпаролы использован рядом французских авторов (Chappius, d'Ouville, m-me d'Aulnoy и др.). В числе рассказов Страпаролы есть, между прочим, «Кот в сапогах» (ночь XI, рассказ 1-й), «Девушка в ларце» (I, 4) и «Король-свинья» (II, 1), с сюжетами, близкими к сказкам Перро или напоминающими их («Кот в сапогах», «Ослиная Шкура», «Рике с хохолком»).

В истории сказки особенное значение имеет сборник Базиле (1575—1632), *первый настоящий сборник сказок в Европе*, как характеризуют его Больте и Поливка. Сборник этот появился в качестве посмертного издания в Неаполе в 1634—1636 гг. *; написан он на неаполитанском диалекте. Полное заглавие сборника — «Lo cunto de li cunti, ouero Lo trattenemiento de' peccerille, di gian Alesio Abbattutis» **. С 1674 года сборник стал обычно называться «Pentamegone» (в параллель «Decamerone» Боккаччо), так как он разделен на пять частей — «дней». Впрочем, название «Pentamegone» имеется уже в предисловии к первому выпуску 1634 года и в посвящении издания 1637-го.

Хотя Базиле называет свой сборник «детским развлечением», на деле этот сборник предназначен для взрослых читателей. Сборника Страпаролы Базиле, может быть, совершенно не знал и, во всяком случае, не воспользовался им: сходные сюжеты (их всего четыре) разработаны в обоих сборниках различно. Базиле пользовался живой устной традицией и в общем в своих 50 сказках верно передал итальянские версии; основное содержание и характер изложения соответствуют у него подлинному фольклорному материалу. Но вместе с тем необходимо отметить, что и Базиле не сохраняет всех особенностей фольклорного изложения и вносит в свое изложение черты, чуждые фольклору. Сборнику придан у него рамочный характер — наподобие «1001 ночи» и сборников типа «Декамерона». Сказки предваряются моралистическими вводными замечаниями и заключаются пословицами. Самый стиль отличается пестротой, изложение чрезвычайно капризно и прихотливо: то очень простое и приуроченное для детей, то весьма напыщенное и украшенное метафорами, аллегориями, игрой слов, пышными образами и картинами; в частности, в речах действующих лиц проявляется по временам так называемый «маринизм» (условный напыщенный язык, введенный Марино).

Сборник Базиле несколько раз переиздавался, а также переведен на литературный итальянский язык. Ранние переводы на другие языки неизвестны; во французском переводе, например, появились лишь 4 сказки, и то только в 1777 году. Из числа сказок, вошедших в сборник, сказки «Золушка» (день I, рассказ 6-й), «Гальюзю» (II, 4), «Медведица» (II, 6), «Три феи» (III, 10), «Два пирожка» (IV, 7) и «Солнце, Луна и Талия» (V, 5) сходны по сюжетам со сказками Перро «Золушка», «Кот в сапогах», «Ослиная Шкура», «Волшебницы» и «Спящая красавица».

* По указанию Raffaele Corso (см. W. Anderson, *Novelline popolari sammarinesi*, I. Tartu, 1927, стр. 19, примечание), это третье издание, единственный экземпляр которого сохранился в Национальной библиотеке в Турине. Год первого издания не установлен.

** «Сказка всех сказок, или Развлечение для детей». Lian Alesio Abbattutis — анаграмма имени Gian Battista Basile.

Во французской литературе XVI—XVII веков особенно охотно использовались сказки и рассказы новеллистического и анекдотического характера. Рабле использует анекдотический материал и в плане своеобразной пародии на сказку о силаче-герое изображает своего Гаргантюа (1532). Николай де Труа (Nicolas de Troves) в сборнике «Parangon des nouvelles nouvelles» (1536) рассказывает, между прочим, о странных желаниях (№ 53; сходный сюжет мы видим и у Перро), о лжеце (№ 14), о дворянине и аббате. Де Перье (Bonaventure Des Périers) в сборнике «Nouvelles récréations et joyeux devis» (1570) рассказывает сказку об Ослиной Шкуре (№ 129). Сказочный и анекдотический материал используют также ряд писателей, например, Ноэль дю Фейль (XVI век), Табуро (XVI век), д'Увилль (XVII век) и др.

Кроме текстов, в ряде случаев мы находим упоминания о сказках и указания на их популярность; особенно много упоминаний о сказках «Ослиная Шкура» и «Мальчик с пальчик». Очень любопытное перечисление целого ряда сказок дает Ноэль дю Фейль (Noël du Fail) в книге «Propos rustiques et facétieux» (1547), гл. 6. Он изображает крестьянина Робена, рассказывающего по вечерам у очага сказки жене и работникам, занятым различными работами:

«И когда, таким образом, они были заняты различными делами, добряк Робен, установив молчание, начинал сказку об аисте, о тех временах, когда животные разговаривали, или о том, как лиса крала рыбу у рыбаков, как она подвела волка под побои прачек, когда учила его ловить рыбу; как собака и кошка отправились в дальнее путешествие; о льве, царе зверей, который сделал осла своим заместителем и хотел быть царем всего; о вороне, которая запела и потеряла свой сыр; о Мелюзине; об оборотне, об Ослиной Шкуре, о побитом монахе; о феях и о том, как он часто запросто разговаривал с ними, и еще о том, как вечером, проходя по узкой дороге, он видел, что водят хороводы близ источника у рябины» *.

В этом сообщении любопытно и перечисление целого ряда сказок, разнообразных по характеру, и указание на то, что рассказывание сказок являлось крестьянским занятием. Для господствующих классов сказка не была уже живым явлением, не входила в обиход их жизни. Однако во второй половине XVII века картина меняется, — сказки входят в моду и рассказываются в целом ряде салонов. Например, г-жа де Севинье пишет: «Г-жа де Куланж очень хотела познакомить нас со сказками, которыми развлекают версальских дам: это называется занимать их. Итак, она занимала нас и рассказывала нам о зеленом острове, где воспитывали принцессу, которая была прекраснее, чем день; все время над нею веяли феи. Прелестный принц был ее возлюбленным; оба они прибыли в хрустальный шар, когда этого меньше всего ожидали; это было удивительное зрелище: каждый смотрел на небо и пел, без сомнения:

Идите, идите, сбежимся все,
Кибела спускается (с небес).

Сказка длится добрый час; от многого я избавлю вас» **. В отличие от сообщения Ноэль дю Фейль, где речь идет о крестьянах,

* Ряд других указаний см. Bolte — Polivka, Anmerkungen, т. IV, стр. 68.

** Lettres, ed. Monmerqué 1862. 5, стр. 259; см. Bolte — Polivka, Anmerkungen, т. IV, стр. 73, № 140.

здесь прекрасно схвачен характер аристократических сказок с их подчеркнутым стремлением к изяществу и к изображению нежных чувств. Конечно, сказки являлись здесь только своеобразным средством развлечения, и им стремились придавать характер, подходящий для «благородного» общества.

Сказки рассказывали в салоне «Mademoiselle», т. е. Елизаветы-Шарлотты Орлеанской, сестры Филиппа Орлеанского, регента королевства; в салоне маркизы де Ламбер, где собиралось изысканное общество и где наиболее видную роль играл Фонтенель; в салоне графини де Мюра, написавшей позднее ряд сказок; в салоне г-жи д'Онуа, также прославившейся сказками; в салоне г-жи де Камюс, сестры кардинала, герцогини д'Эпернон, графини Граммон, м-ль Леритье де Виллодон.

Таким образом, почва для появления сказок Перро была подготовлена.

V

Сборник сказок в прозе Перро, несомненно, представлял собою новое и значительное явление: у него мы находим собственно сказки, и притом сказки, нередко переданные довольно точно и полно.

Еще до издания своих прозаических сказок (1697 г.) Перро напечатал три рассказа (contes) в стихах: стихотворную обработку 10-й новеллы X дня из «Декамерона» Боккаччо — «Гризельда» («La marquise de Salusses, ou La patience de Griselidis, nouvelle», первое издание, без имени автора, 1691 г., затем ряд повторных изданий); анекдотический рассказ в стихах типа фавль — «Смешные желания», и настоящую сказку — «Ослиная Шкура» (две последние сказки появились в печати впервые в 1694 году). Из этих трех произведений «Гризельда» примыкала к готовой литературной традиции; «Смешные желания» в известной мере нарушали установившуюся торжественность стиля, но это произведение все же имело аналогии и в средневековых фавль и в «Contes» такого признанного и крупного мастера, как Лафонтен, и, таким образом, не являлось полной новинкой. Только введением собственно сказочного материала в «Ослиной Шкуре» Перро определенно проводил грань между своим творчеством и обычным творчеством защитников «древних»; только здесь он давал нечто новое сравнительно с прежними стихотворными произведениями. Еще несравненно большее значение в этом отношении имели сказки в прозе.

В состав сборника «Histoires, ou Contes du Temps passé» вошло восемь сказок; таким образом, мы имеем у Перро всего одиннадцать сказок (включая и стихотворные). Как в сюжетном отношении, так и по оформлению сказки Перро представляют довольно разнообразную картину.

Сказки Перро обычно называли «волшебными». Однако это определение подходит не ко всем сказкам в равной мере. «Гризельда» является сказкой чисто новеллистического характера, без всяких элементов чудесности; почти лишена чудесного элемента также сказка «Ослиная Шкура», где только факт появления фей нарушает чисто новеллистический характер повествования; «Смешные желания» — рассказ, в сущности, анекдотического типа, но с включением в него легендарно-чудесных мотивов. Из числа сказок в прозе почти отсутствует волшебный элемент в сказке «Синяя Борода», где только

несмыслаемое кровавое пятно напоминает о чудесном, ослаблен и даже почти снят реалистическим толкованием «чудесный» характер в сказке «Рике с хохолком»; в сказке «Красная Шапочка» волшебный элемент проявляется только в разговорах Шапочки с волком. Таким образом, только сказки «Волшебницы», «Спящая красавица», «Золушка», «Мальчик с пальчик», «Кот в сапогах» относятся к волшебным сказкам.

Как уже указывалось, Перро заимствовал свой материал по большей части из устной традиции. Довольно точно передавая свои оригиналы в смысле сюжетном, Перро, однако, отнюдь не стремился к точности изложения. Сказки его не записи фольклорных текстов, а своеобразные литературные произведения, в одних случаях ближе стоящие к фольклору, в других — отходящие от него дальше. Они неоднородны по сложности композиции и по изложению. Наиболее просты по композиции сказки «Волшебницы», «Красная Шапочка» и «Смешные желания», но последняя по изложению отличается от первых более «литературным» характером. Довольно просты также сказки «Синяя Борода» и «Кот в сапогах», значительно сложнее «Золушка», «Спящая красавица» и «Мальчик с пальчик»; наиболее литературным изложением характеризуется «Рике с хохолком», а также «Гризельда» и «Ослиная Шкура».

Перро придает сказкам морализующий характер. Об этом он сам прямо заявляет в предисловии к собранию своих стихотворных сказок (1695). Противопоставляя современные ему сказки античным, Перро говорит: «...я готов утверждать, истории мои даже более заслуживают того, чтобы их пересказывали, чем большая часть древних преданий, и в особенности преданий о Матроне Эфесской и о Психее, если посмотреть на них со стороны морали — вещи главной во всякого рода историях, ради которой они и должны бы сочиняться».

Отмечая антиморальный или аморальный характер античных сказок, Перро замечает: «Иначе обстоит дело со сказками, которые наши предки придумывали для своих детей. Рассказывая их, они обходились без той грации и того изящества, которые греки и римляне придавали своим историям, но они постоянно проявляли великую заботу о том, чтобы вложить в свои сказки мораль похвальную и поучительную. Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать, сколь велики блага, которые приобретаешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и какой вред приносит отсутствие этих качеств».

Эта характеристика сказок чрезвычайно интересна. Перро утверждает, что самое важное в сказках — мораль; отсюда его собственные нравоучения, прибавляемые к каждой сказке и иногда, в сущности, притягиваемые за волосы. Особенно выдвигает он нравоучительное значение сказок для детей; и самим сказкам он придает места специфически «детский», то есть приспособленный для детей, характер. Но как раз «нравоучения» у Перро обычно не подходят для детского возраста, да и в целом он все же обращался со своими сказками не к детской аудитории.

Перро отмечает также большее изящество, большую отделанность античных мифов сравнительно с позднейшими сказками; естественно, что, вводя сказки в «общество», он стремился придать им более изящный характер.

Деятельность Перро имела, в сущности, двойное значение. Для литературы введение сказок означало некоторый отход от «высокой» античной традиции, некоторое «опрошение» искусства, своего рода «снижение стиля», демократизацию. Для фольклора же такое введение сказок в аристократическую среду означало значительную деформацию. «Низкий», «простонародный» материал поднимался в аристократические салоны и становился средством развлечения; это было своего рода расширение материала, которым пользовалась дворянская литература. Естественно, при этом самый материал деформировался и приобретал новые качества, а не усваивался механически. Сложное происхождение вело к сложной стилистической системе.

VI

В сказках Перро мы находим в различных сочетаниях три основных элемента: собственно фольклорную основу — в сюжетах и иногда в словесно-стилистическом оформлении, своеобразную буржуазную окраску — нередко в нравоучениях и во многих деталях бытового характера и, наконец, аристократическую «прециозность», стремление к изяществу — в трактовке многих сцен и мотивов и в особенности в характере изложения.

Наиболее проста по своему характеру сказка о Красной Шапочке. Элементарность изложения доведена здесь до предела: почти отсутствует описательный элемент, совершенно нет психологических мотивировок и психологических сцен, до минимума сведено и изображение действия. Изложение весьма простое, сообщающее лишь об основных фактах и оживленное диалогами; собственно говоря, диалоги здесь — основная часть рассказа, причем в них характерны повторения и параллелизмы, типичные для фольклорного повествования (особенно показателен разговор мнимой бабушки с Красной Шапочкой). Сказке явно придан сугубо «детский» характер: очень характерно в этом отношении усиленное употребление уменьшительных и ласкательных форм. В изложение внесено и нравоучительное замечание: «Бедное дитя, не зная, как опасно останавливаться в пути слушать волка, ответило ему...» Это замечание служит как бы переходным мостиком к заключительному нравоучению, но самое нравоучение обращено скорее к взрослым девицам, чем к детям, и, конечно, придумано самим Перро, так как фольклорные сказки о нравоучениях не заботятся. В отличие от версии Перро, которая является древнейшим известным нам текстом этой сказки, в фольклорных записях окончание довольно часто благополучное (как, например, в тексте бр. Гримм): Красную Шапочку и ее бабушку достают живыми из убитого волка. Возможно, что Перро сознательно не дал такого окончания, так как оно мешало бы его нравоучению.

Сказка «Волшебницы» также сравнительно очень проста и также довольно явно приспособлена к детскому обиходу; нравоучение ее естественно и непосредственно примыкает к содержанию.

Сказка «Кот в сапогах» тоже довольно проста по изложению, но это в своем роде плутовской роман: вся сказка стремится показать ловкость кота, рисует его мошеннические проделки, целью которых является благополучие героя, отнюдь не осуждая эти проделки. И чрезвычайно характерно для такого ревнителя морали, как Перро, что он также не замечает именно мошеннических проделок

кота и присоединяется к типично буржуазному выводу, вытекающему из содержания сказки: «Плутуй, но плутуй удачно!» И нравоучение, которое Перро присоединяет к сказке, также является типично буржуазным:

Премило украшает детство
Довольно крупное наследство,
Сынку врученное отцом.
Но кто наследует умелость
И обходительность и смелость —
Вернее будет молодцом.

Сказке о Синей Бороде Перро придает ясно выраженный бытовой характер. Герой ее — богатый дворянин, богатство которого изображается довольно живыми, реалистическими чертами. Изображается поездка гостей в загородный замок Синей Бороды и пребывание там; дается детальное описание пребывания соседок и подруг у молодой жены Синей Бороды. Когда жена нарушает запрет мужа, Перро показывает ее душевные колебания — такой психологизм совершенно несвойствен фольклору. С психологической тонкостью изображается также встреча жены с неожиданно приехавшим мужем; объяснение их значительно приукрашено сравнительно с обычным фольклорным материалом. Зато сюжетная ткань сказки, в сущности, упрощена: в фольклорных записях обычно речь идет о трех сестрах, две из которых погибают вследствие нарушения запрета, а третья благодаря своей осторожности спасается, оживляя своих сестер и заставляя мужа отнести их, а затем и ее к родителям. Героем сказки в фольклорных текстах является колдун или даже сам дьявол, иногда разбойник, в скандинавских и русских вариантах — волк или медведь. Перро превращает, таким образом, волшебную сказку в коротенькую повесть или новеллу, сохраняя лишь слабые следы «чуждестности».

Любопытны здесь нравоучения. Первое довольно естественно примыкает к содержанию сказки, как она изложена у Перро, и говорит о губительности любопытства. Второе же нравоучение — шуточного характера и представляет собой легкую насмешку над современными Перро семейными нравами.

Значительно сложнее и фантастичнее — в изложении Перро — сюжет сказки о Мальчике с пальчик. Изложение здесь дальше отступает от фольклорного, начиная уже с шутки о многочисленных детях дровосека:

«Быть может, и странно, что у дровосека за такое короткое время родилось столько детей, но жена его не мешкала и всякий раз приносила ему двойню».

Беседа родителей перед уходом детей в лес передана довольно подробно и с психологическими тонкостями, точно так же, как и настроение их после того, как они получили долг от своего сеньора и хорошо поужинали. Совершенно невозможно в фольклорном тексте такое, например, замечание о дровосеке: «...а он был такого же нрава, как и многие другие мужчины, которые любят женщин, умеющих говорить правду, но считают несносными тех, кто всегда бывают правы».

Несвойственны фольклору и такие описания, как довольно подробное и картинное описание ночи в лесу или описание наружности дочерей людоеда, а также замечания о жене людоеда: «Начала она с того, что упала в обморок (ибо это первый выход, который почти

всякая женщина находит в подобном случае)), или: «Жена, весьма испугавшись, сразу же дала ему все, что у нее было, ибо этот Людоед был все-таки хорошим мужем, хоть и ел детей»; эти замечания придают изложению бытовой, несколько юмористический характер, и уже явно в юмористическом плане дается вариант развязки, повествующий о том, как Мальчик с пальчик со своими семимильными сапогами служит при дворе.

В шутливом тоне дается и нравоучение в этой сказке. Так Перро превращает порой волшебную сказку в новеллистическое повествование юмористического оттенка.

VII

«Золушка» отличается более ярко выраженным светским характером. Рассказ значительно «причесан», изящество изложения подчеркнуто довольно определенно. Отец Золушки — «дворянин», дочери ее мачехи — «благородные девицы», в комнатах у них паркетные полы, самые модные кровати и зеркала, они занимаются выбором нарядов и причесок.

Описание того, как крестная наряжает Золушку и дает ей карету и слуг, опирается на фольклорный материал, но дано у Перро значительно подробнее и литературно утонченнее. То же следует сказать и о появлении Золушки на балу.

Еще сильнее светский характер выражен в сказке «Спящая красавица». Здесь встречаем и такие бытовые детали, как поездки на воды, описание столовых приборов для фей, собачка принцессы и пр. Здесь же встречаются психологические характеристики, например: «принцесса отличалась большой живостью и некоторым легкомыслием»; «молодые влюбленные принцы всегда отважны». Некоторые детали бытового характера изображаются юмористически, например: по «угреватым носам и ярко-красным лицам привратников», аппетит проснувшихся придворных. Зато любовные сцены изображаются весьма галантно. Любопытно, что эта галантность была значительно сильнее выражена в первоначальном тексте сказок, опубликованном в 1696 году. В позднейшем издании Перро выпустил, например, разговор принца с принцессой после пробуждения последней. В журнальном тексте этот разговор передается так:

«Как, прекрасная принцесса! — говорил ей принц, смотря на нее глазами, которые говорили в тысячу раз больше. — Как! Благосклонная судьба создала меня, чтобы служить вам? Неужели эти прекрасные очи открылись только ради меня, и все цари земные со всем своим могуществом не смогли бы совершить то, чего я достиг своей любовью?» — «Да, дорогой мой принц, — отвечала ему принцесса. — Самый вид ваш говорит мне, что мы созданы друг для друга. Вас я видела, с вами я беседовала, вас любила во время сна. Фея упоила мое воображение видом вашего лица. Я была уверена, что тот, кто должен был снять с меня чары, будет прекраснее, чем сама любовь, и что он будет любить меня сильнее, чем самого себя. Как только вы появились, я без труда вас узнала»*.

О любви принца к принцессе говорится в первоначальном тексте так: «В течение двух лет он продолжал тайно видеть свою дорогую принцессу и любил ее все больше и больше. Воздух тайны

* См. «Les contes de Ch. Perrault... Par A. Lefèvre», стр. 160.

поддерживал в нем ощущение первой страсти, и все прелести брака нисколько не уменьшили живости любви» *.

Есть и ряд других сокращений, которые показывают, что Перро шел по пути некоторого ослабления придворно-галантного характера своих сказок; но все же такие сказки, как «Спящая красавица», сохранили свой аристократический характер.

Наконец, сказке «Рике с хохолком» придан чисто литературный характер. В фольклоре известны многочисленные рассказы о женихе, имеющем образ животного («Царевич-волк», «Царевич-рак», «Царевич-лягушка», «Царевич-козел» и пр.), и любовь девушки возвращает обычно такому заколдованному герою его человеческий облик. Но Перро дает более сложную, а с другой стороны — менее волшебную картину: Рике не превращен в животное, а только очень некрасив; и вместе с тем красавица невеста его отличается отсутствием ума, причем он имеет возможность сделать ее умной, а она — сделать его красивым. Последнее превращение Перро, однако, сводит на нет рационалистическим толкованием: «Иные уверяют, что чары волшебницы здесь были ни при чем, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, поразмыслив о постоянстве своего поклонника, его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо» и т. д. Частью эти замечания имеют юмористический характер, например: «его большой красный нос приобрел для нее какие-то таинственные, даже геройские черты».

Самое изложение здесь чрезвычайно пространно; особенно подробно изложены разговоры Рике с принцессой, и изложены совершенно не так, как в фольклоре: это искусные и остроумные разговоры светских людей.

В стихотворных сказках, естественно, отступления от фольклорного изложения особенно значительны, тем более что и написаны эти сказки раньше, а Перро, как показывает история текста «Спящей красавицы», еще в 1696 году находился под более сильным влиянием прециозного стиля, чем в 1697-м и позднее. «Гризельда» является типичной литературной повестью в стихах, с обширными описаниями и характеристиками, с тонкими и сложными переживаниями героев; самый язык здесь несравненно более торжественный и украшенный, чем в прозаических сказках; эта ориентация на украшенность изложения привела к тому, что «Гризельда» по своему объему далеко превышает соответствующую новеллу Боккаччо. Недаром в своем послесловии Перро приводит замечания якобы одного из слушателей о том, что «Гризельда» — настоящая поэма, хотя и названа автором новеллой.

Приблизительно такой же характер имеет и «Ослиная Шкура», где только основной сюжет типично сказочный. В предпосланных изложению сказки стихах («*A madame la marquise de L...*») Перро ясно говорит о развлекательной роли сказки.

Эту развлекательную роль Перро и осуществляет посредством украшенного изложения, с многочисленными описаниями в духе салонной поэзии того времени и с вставленными там и сям юмористическими деталями и замечаниями.

Эти юмористические ноты в полной мере господствуют в третьей стихотворной сказке Перро — «Смешные желания». В посвящении «*A mademoiselle de la C.*» Перро сам отчетливо противопостав-

* *Ib.*, стр. 161.

ляет сюжет этой сказки требованиям прециозности, но замечает вместе с тем, что прелесть рассказа заключается не в сюжете, а в манере его изложения. Однако и манера изложения в этой сказке не прециозная, а скорее бурлескная: вводятся грубоватые выражения и детали, причем эти грубоватые детали намеренно сталкиваются с элементами «высокой» поэзии. Так, простой дровосек мечтает о берегах Ахерона и беседует с самим Юпитером. Текст сравнительно краток и по изложению напоминает средневековые фавль, а также «Contes» Лафонтена. Как и другие сказки, Перро заключает эту шутливую сказку нравоучительным выводом.

VIII

Таков пестрый характер сказок Перро. Фольклорные сюжеты — и литературное оформление их; установка на развлекательность — и моралистические выводы; юмористическое, иногда грубоватое изложение — и галантная салонная поэзия. Рядом с Перро, отчасти независимо от него, отчасти под непосредственным его влиянием, выступает целый ряд других авторов сказок. У них, однако, мы обычно уже не видим такой сложной картины и такой живости изложения. Обычно собственная фольклорная основа сказок оказывается сравнительно с Перро ослабленной, литературность эта связана именно с дворянской линией. Сказки превращаются нередко в настоящие повести; с течением времени устанавливается тенденция к превращению их в материал специально для детского чтения.

Еще в 1696 году Леритье де Виллодон (m-lle Marie Jeanne Lheritier de Villaudon (1664—1734) выступила со своими сказками, из числа которых одна («Aventures de Finette, l'adroite princesse») — «Смышленная принцесса, или Приключения Вострушки») с 1742 года включалась в состав сказок Перро. В посвящении графине де Мюра Леритье говорит: «У меня сегодня настроение мешанина во дворянстве, мне не хочется писать ни прозой, ни стихами, не хочется мне ни высоких слов, ни блеска, ни рифм — мне хочется говорить наивным языком. Словом, меня привлекает простой рассказ, изложенный разговорной речью, — мне хочется только вывести некоторое нравоучение». Таким образом, здесь видим и установку на простоту и стремление к нравоучительности. Однако изложение далеко не может считаться «простым» и «наивным», и хотя сказка заключает в себе моральные сентенции, но самый текст ее довольно легкомысленный. И сама Леритье замечает в конце: «Признаюсь вам, что она мной приукрашена и рассказ был немножко длинноват. Но ведь когда рассказывают сказки, это значит, что дел у нас мало и мы хотим поразвлечься, а в таком случае, кажется мне, надо рассказывать подлиннее, чтобы подольше поговорить. Кроме того, я думаю, что различные подробности в наших забавных сказках и есть самое в них приятное. Вы можете поверить мне, очаровательная графиня, что сократить их весьма просто. Уверяю вас, что, когда вы захотите, я расскажу вам приключения Вострушки в очень немногих словах. Однако в детстве мне ее не так рассказывали, и рассказ длился по меньшей мере целый час».

Здесь видим, таким образом, установку на развлекательный характер сказки, и действительно, сказка Леритье является сравни-

тельно со сказками Перро настоящей обширной новеллой, изложенной в духе легкой, светской болтовни, с лирическими отступлениями и авторскими ремарками, с обширными описаниями и диалогами. Такой же характер имели и другие новеллы Леритье, часто к тому же не связанные с подлинной сказочной традицией.

В 1698 году выходит сразу несколько сборников: «Contes nouveaux, ou Les fées à la mode» и «Contes des fées» графини д'Онуа, «Nouveaux contes des fées» графини Мюра, «La tyrannie des fées détruite» графини д'Оне, «Les fées, contes des contes» м-ль де ла Форс, «Contes moins contes que les, autres» аббата де Прешак. Таким образом, сборник Перро послужил как бы сигналом к выступлению целой группы «сказочников». Но у всех этих «сказочников» линия несколько иная, чем у Перро.

У графини д'Онуа (d'Aulnoy), сказки которой приобрели особенную популярность (в частности такие, как «Красавица Золотые Кудри», «Лесная лань», «Голубая Птица»), особенно четко проявляется тяготение к салонному стилю и к превращению довольно примитивных в основе своей сказок в сложные литературные повести; таков же характер рассказов графини Мюра и м-ль де ла Форс. От подлинных сказок у двух последних авторов нередко остаются лишь отдельные мотивы, своеобразно использованные и переплетенные; в значительной степени они опираются на литературные источники.

Графиня д'Оне (d'Auneuil), с своей стороны, стремится придать своим сказкам своеобразный педагогический характер: фантастику сказок она истолковывает рационалистически, объясняя все «чудеса» могуществом человеческого разума, проникающего в самые глухие тайны природы. Наконец, аббат де Прешак вносит в свое изложение некоторые ноты сатиры и скептицизма по отношению к самому сказочному материалу.

«Сказочное движение» продолжалось и в XVIII веке, и многочисленные сказки были объединены в многотомном издании «Cabinet des fées», вышедшем в 1785—1789 гг. в Женеве и в Париже (вышел 41 том; издателем был Жозеф-Шарль Мейер; существовало также амстердамское издание). Однако ни из числа современников Перро, ни из числа позднейших подражателей его (назовем, например, г-жу Бомон, выпустившую в Лондоне в 1757 году детскую книжку «Magasin des enfans»; сюда включена одна из знаменитейших детских сказок — «Красавица и Чудовище») никто не мог сравниться с Перро.

«Перро... ввел в оборот народную сказку, увлек свежестью ее содержания, своим наивным, несколько деланным стилем; но его новшество вызвало эфемерный литературный род, быстро источившийся в вычурности, и не принесло обновления: эти сказки отзывались и детской и салоном; к их фантастическим образам привыкли сызмала, а в романе этот элемент иссяк со времени Амадисов, и благодетельные феи и злые волшебники утратили свой поэтический чекан»*.

Перро принадлежала заслуга новаторства, заслуга введения нового материала в литературу, с подчеркнутым противопоставлением этого нового материала старому; при этом Перро придавал своеобразный характер и самому изложению, сближая фантастическую сказку с реалистической повестью. Последователи его пошли по

* А. Н. Веселовский. Сказки Тысячи одной ночи в переводе Галлана. — Тысяча одна ночь. Арабские сказки. Новый полный перевод Ю. В. Doppельмайер. М., 1890, т. II, стр. V.

пути приспособления сказок к требованиям салонного искусства или к требованиям детской педагогики (той, конечно, какая существовала в то время). На первом пути сказки не могли выдержать конкуренции с подлинными литературными произведениями и легко принимали шаблонный, стандартный характер. Отсюда, в частности, появление сказок пародийного типа, каковы, например, сказки графа Гамильтона (Antoine Hamilton, 1646—1720); его «Contes de féerie», вышедшие в сборнике «Cabinet des fées» (том 20-й), в сущности, являются осмеянием приемов рассказывания сказок, да осмеянием и самой фантастики (например, герой попадает на «Остров кухонных горшков и вертелов»). Это значит, что как серьезный литературный жанр сказка не привилась. Второй путь также уводил сказку от «настоящей» литературы и передавал ее в детскую аудиторию.

В дальнейшем сказки могли получить новую жизнь либо в непосредственном своем виде, как подлинный фольклорный материал, либо в значительно более свободном использовании на новых литературных основах, как это мы видим у романтиков.

IX

За пределами Франции сказки Перро были известны и получили довольно широкое распространение в качестве детских книг, но особого литературного значения не имели. Итальянская литература имела свои собственные сказочные и литературные традиции, испанская в значительной степени питалась теми же итальянскими источниками, английская развивалась самостоятельно. Несколько сильнее, по-видимому, было воздействие сказок Перро (и его продолжателей) на немецкую литературу XVIII века; в частности, с 1761 года на немецкий язык переводилось собрание «Cabinet des fées». В 1764, 1770, 1780 гг. изданы в немецком переводе сказки Перро. Под влиянием Перро и вообще французской сказочной литературы выпустил свои сказки Музеус (J. K. A. Musäus, *Volksmärchen der Deutschen*, 1782—1786); сказки эти, в сущности, являются обширными новеллами.

В XVIII веке сказки Перро и его современников и продолжателей проникли и в Россию.

В течение XVIII века на русском языке сказки Перро издавались три раза. В 1768 году в Москве в переводе Льва Воинова—без указания имени переводчика, а также и имени автора—вышла книга «Сказки о волшебницах, с нравоучениями». Сказки названы здесь следующим образом: «Сказка о девочке с красненькой шапочкой», «Сказка о ворованных девицах», «Сказка о некотором человеке с синей бородой», «Сказка о спящей в лесу красавице», «Сказка о батюшке котике в шпорах и сапогах», «Сказка о корчаге, в которой золу содержат», «Рикет в косе», «Сказка о мальчике с пальчик», «Сказка от искусной принцессы (!), письмо к графине Мурат»*. Второе издание этой книги вышло в 1781 году. В 1795 году вышел другой перевод: «Волшебные повести с нравоучениями для детей, соч. г. Перольта; на русском и французском языках, с картинками». Сказки здесь названы так: «Маленькая Красная Шапочка», «Обвороченные девицы», «Синяя Борода», «Красавица, спящая в лесу», «Кот,

* В. В. Сиповский. Из истории русского романа и повести. (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа.) Ч. I, XVIII век. СПб., 1903, стр. 17, № 209.

обутый в сапоги», «Сандрильона», «Рикет с хохлом», «Мальчик с пальчик», «Разумная принцесса». Как видим, сюда вошла и сказка Леритье «Смышленная принцесса, или Приключения Вострушки». Издание это было повторено в 1805 году*.

Неоднократно издавались сказки Перро и впоследствии. Так, например, в 1825 году появилось следующее издание: «Волшебные сказки, или приятное занятие от нечего делать. Соч. Перольта. Из которых взяты оперы и балеты, представляемые на императорских театрах. Перевел с французского — императорского Московского театра актер Баранов», Москва, в типографии Августа Семена, 1825. Сказки названы здесь так: «Рауль Синяя Борода, или Таинственный кабинет», «Красная Шапочка», «Суженого конем не объедешь, или Обвороженные сестры», «Спящая Красавица, или Очарованный лес», «Кот в сапогах», «Сандрильона, или Замарашка», «Хохлатый принц, или Размен ума и красоты», «Мал золотник, да дорог», «Остроумная принцесса», «Ослиная Кожа». Сказки даны отдельными выпусками, но с общей нумерацией страниц, к каждой сказке дается иллюстрация.

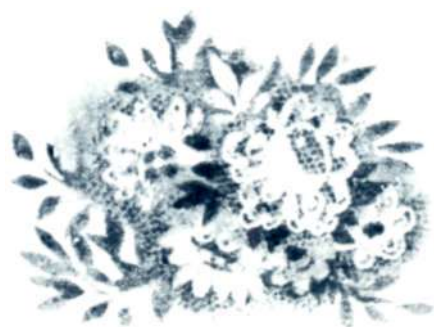
Выходили и позднейшие издания сказок Перро; к переводу Шербаня в 1866 году предисловие написал И. С. Тургенев.

Переводились также начиная с XVIII века и некоторые сказки других французских авторов (д'Онуа, де Бомон и др.). И, несомненно, под влиянием именно французской сказочной литературы появляются довольно многочисленные аналогичные произведения в литературе русской. Таковы, например, «Одушевленная статуя, или Приключения маркиза Альфонса и Луизы. Соч. П. А.». М., 1786; «Добрая волшебница, или Образ доброжелательства ближнему, сказка. Соч. А. Л.». Москва, 1788; сборник Евграфа Хомякова «Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести». М., 1791, и др. И в этих произведениях, как во французских сказках, мы нередко видим соединение своеобразной галантности, проявляющейся в напыщенном языке, в сентиментальных психологических сценах, с некоторой демократизацией, пробивающейся в реалистических сценах и картинах. Но ни одного крупного имени наша сказочная литература в XVIII веке не выдвинула. Только в XIX веке Жуковский и Пушкин дают подлинно художественные обработки сказок, причем Жуковский значительно более связан своими иностранными оригиналами. Отметим, в частности, что Жуковскому принадлежит стихотворная обработка «Кота в сапогах» Перро.

Пушкин обращается со сказочным материалом несравненно свободнее, используя и литературный материал и свои собственные записи от Арины Родионовны и создавая, в сущности, новый жанр — настоящей литературной сказки, опирающейся на фольклорные источники.

Н. Андреев

* Иб., стр. 129, № 1666.

СОДЕРЖАНИЕ *

От редакции..... 5

ШАРЛЬ ПЕРРО

СКАЗКИ МАТУШКИ ГУСЫНИ, ИЛИ ИСТОРИИ И СКАЗКИ БЫЛЫХ ВРЕМЕН С ПОУЧЕНИЯМИ

От автора	11
Посвящение	14
Спящая красавица.....	17
Красная Шапочка.....	29
Синяя Борода.....	33
Господин Кот, или Кот в сапогах.....	41
Волшебницы	47
Золушка, или Туфелька, отороченная мехом.....	53
Рике с хохолком.....	61
Мальчик с пальчик	69
Гризельда (<i>Сказка в стихах</i>)	78
Ослиная Шкура (<i>Сказка в стихах</i>).....	105
Ослиная Шкура.....	123
Смешные желания (<i>Сказка в стихах</i>).....	135

* Текст «От автора», посвящение и сказки в прозе переведены А. Федоровым. «Ослиная Шкура», «Смешные желания» и все стихи в текстах сказок Перро переведены Л. Успенским; «Гризельда», сказки и стихи, помещенные в приложении. — С. Бобровым.

Приложение

СКАЗКИ

ЛЕРИТЬЕ ДЕ ВИЛЛОДОН

Смышленная принцесса, или Приключения Вострушки.. 145

Д'ОНУА

Красавица Золотые Кудри.....	169
Лесная лань.....	185
Голубая Птица.....	221

ЛЕПРЕНС ДЕ БОМОН

Красотка и Чудовище.....	257
<i>Н. Андреев. Сказки Перро.....</i>	<i>270</i>

Перро Ш.

П 27 Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями: Пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского; Под ред. А. Андрес / Послесл. Н. Андреева; Ил. Н. Гольц. — М.: Правда, 1986. - 288 с., ил., 6 л. ил.

В настоящий сборник включены не только все сказки Шарля Перро, прозаические и стихотворные, но также и некоторые наиболее известные сказки его продолжателей и последователей (д'Онуа, Леритье де Виллодон, Лепренс де Бомон) как образцы французской сказочной литературы XVII—XVIII веков.

П $\frac{4703000000-397}{080(02)-86}$ 397-86

84.4 Фр

Шарль ПЕРРО

СКАЗКИ МАТУШКИ ГУСЫНИ, ИЛИ ИСТОРИИ И СКАЗКИ БЫЛЫХ ВРЕМЕН С ПОУЧЕНИЯМИ

Редактор

Н. А. Преснова

Оформление художника

С. Л. Набутовского

Художественный редактор

Т. Н. Костерина

Технический редактор

К. И. Заботина

ИБ 397

Сдано в набор 22.02.84. Подписано к печ. 30.10.84. Формат 70X108^{1/16}.
Бумага мелованная. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,25. Усл. кр.-отт. 55,48. Уч.-изд. л. 18,53. Тираж 100 000 экз.
(1-й завод: 1-50000). Заказ № 877. Цена 3 р. 30 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137.
улица «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства Куйбышевского обкома КПСС.
443086, г. Куйбышев, проспект Карла Маркса, 201.